

С. Торайғыров атындағы Павлодар мемлекеттік
университетінің ғылыми журналы
Научный журнал Павлодарского государственного
университета им. С. Торайғырова

*1997 жылы құрылған
Основан в 1997 г.*

İ Ì Ó
ÕÀÁÀÐØ ÛÑÛ

ÂÃÑÒÍ ÈÊ Ì ÑÓ

ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Научный журнал Павлодарского государственного университета
им. С. Торайгырова

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о постановке на учет средства массовой информации

№ 4533-Ж

выдано Министерством культуры, информации и общественного согласия

Республики Казахстан

31 декабря 2003 года

Арын Е.М., д.э.н., профессор (главный редактор);
Сарбалаев Ж.Т., к.ф.н., доцент (зам. гл. редактора);
Демесинова Г.Х., к.ф.н., (отв. секретарь).

Редакционная коллегия:

Еспенбетов А.С., д.ф.н., проф.
Жусип К.П., д.ф.н., проф.
Кенжебалина Г.Н., к.ф.н., доцент.
Нургалиев Р.Н., д.ф.н., проф.
Хасанулы Б., д.ф.н., проф.
Сейтахметова Г.Н. (тех. редактор).

За достоверность материалов и рекламы ответственность несут авторы и рекламодатели.

Мнение авторов публикаций не всегда совпадает с мнением редакции.

Редакция оставляет за собой право на отклонение материалов.

Рукописи и дискиеты не возвращаются.

При использовании материалов журнала ссылка на «Вестник ПГУ» обязательна.

МАЗМҰНЫ**З.Қ. Ахметжанова**

Қазақ тілінің қарқынды дамуындағы тілдік саясат және тілді танып білу мәселелері9

З.Қ. Ахметжанова

А.Қайдардың «Халық даналығы» атты сөздігіндегі өзара қатынастылық саласының нормалық жағдайлары 19

З.Қ. Ахметжанова

Антропонимдердің зерттеулік өзгерістер динамикасы26

Р.Д. Әшімбетова

Қаратпа-сөздер лингвопрагматикалық аспектіде қарым-қатынас элементі ретінде32

А.Х. Бекбосынова

С.Мәуленов өлеңдеріндегі градациялық теңеулер қолданысы38

Г.С. Жүсіпова

Қазақ және неміс жазушыларының шығармаларындағы ұлттық психологизмдердің ерекшеліктері47

Д.Т. Исмайылова

Орталық Азияның романының философиялық - психологиялық жанрлық ертірлілігі54

Д.Т. Исмайылова

Орталық Азия мен Қазақстан халықтарының әдебиеттерінде ХХ ғасырдың 70-90-шы жылдарындағы философиялық - психологиялық жанрындағы прозасында адамның тарихи - теориялық түсінігінің тұжырымдамасы.....60

Қ.Қ. Кәрімова

Лингвокультуремалардың аударма мәселелерінің алгоритімі65

Б.Ж. Құрманова

Орыс тілді аудиторияда қазақ тілін игертудегі фонетикалық интерференция туралы72

З.Х. Латыпова

Қ.Мырза Әлідің өлеңдері И.Фоняковтің аударуында78

А.М.Мақибеева

Қазақ өлең түзімінде поэтикалық формалардың кезеңіндегі аударманың рөлі (Мысалға, И.В.Гете шығармалары)91

Е.С. Мезенцева

Мақал - мәтел тілдік паремнологиялық қор мен мен тілдік сананың фрагменті іспеттес102

Б. Молдағали

Қазақ танымындағы «уақыт» категориясының этнолингвистикалық сипаты106

Г.М. Молотова

Тарихи дастандарның Қумул циклы 112

Г.С. Мұхамбетова

О. Сүлейменовтің адам мен әлем туралы көркемдік - философиялық идеялары.....126

Г.С. Мұхамбетова	
О. Сүлейменов шығармаларының көркемдік ерекшелігі.....	134
А.Қ. Мырзашова	
Адамның ойлау әрекеті туралы дүниетанымның қазақ және орыс тілдік санадағы көрінісі.....	142
Б.Ж. Сарыбаева	
Толымсыздықтың психологиялық сапасы.....	148
Е.Ю. Сидорова	
Қорлап жәбірлеу сөйлеу актісі ауызша агрессияның көрінісі.....	158
Қ.С. Сіләмбекова	
М.Ж. Көпеев шығармаларындағы математикалық терминдер.....	165
Д.С. Тәшімханова	
.....	171
Біздің авторлар.....	175
Авторлар үшін ереже.....	177

СОДЕРЖАНИЕ**З.К. Ахметжанова**

Витальность казахского языка как проблема языкознания и языковой политики9

З.К. Ахметжанова

Нормы поведения в сфере родственных отношений19

З.К. Ахметжанова

О динамике изменения исследовательского подхода к изучению антропонимов.....26

Р.Д. Ашимбетова

Обращение как элемент общения в лингвопрагматическом аспекте32

А.Х. Бекбосынова

Использование градационных сравнений в поэзии С. Мауленова.....38

Г.С. Жусупова

Особенности национального психологизма в произведениях казахских и немецких писателей47

Д.Т. Исмаилова

Философско-психологическая жанровая разновидность романа Центральной Азии54

Д.Т. Исмаилова

Историко-теоретическое обоснование концепции человека в прозе философско-психологического жанра 70-90-х годов XX века в литературе народов Средней Азии и Казахстана.60

К.К. Каримова

К вопросу об алгоритмизации процесса перевода лингвокультурем65

Б.Ж. Курманова

О фонетической интерференции при усвоении казахского языка в русскоязычной аудитории72

З.Х. Латыпова

Стихи К. Мырза Али в переводе И. Фоянкова78

А.М. Макибаева

Роль перевода в расширении поэтических форм на казахском стихосложении (на примере произведения И.В. Гете).....91

Е.С. Мезенцева

Пословица как вид паремиологического фонда языка и фрагмент языкового сознания102

Б. Молдагали

Этнолингвистическая характеристика категории «время» в казахском восприятии106

Г.М. Молотова

Комульский цикл исторических дастанов112

Г.С. Мухамбетова

Художественно - философские идеи О. Сулейменова о человеке и Вселенной126

Вестник ПГУ №1, 2010

Г.С. Мухамбетова

Художественные особенности произведений О. Сүлейменова.....134

А.К. Мырзашова

Представления о мыслительной деятельности человека в языковом
сознании казахов и русских142

Б.Ж. Сарыбаева

Психологический аспект языковой неполноты.....148

Е.Ю. Сидорова

Речевой акт оскорбления как проявление вербальной агрессии158

Қ. С. Силямбекова

Математические термины в произведениях М.Ж. Көпеева.....165

Д.С. Ташимханова

Интертекстуальность в заголовках газет171

Наши авторы175

Правила для авторов177

CONTENT**Z.K. Akhmetzhanova**

Vitality of the Kazakh language as the problem of linguistics and language policy.....9

Z.K. Akhmetzhanova

Paremiological fund of the Kazakh language in the sphere of family relations by the material of A. Qaidar's dictionary.....19

Z.K. Akhmetzhanova

Problems of the change dynamics of research approach to the study of anthroponyms.....26

R.D. Ashimbetova

Address as an element of communication in a linguo-pragmatic aspect.....32

A.Kh. Bekbosynova

The use of gradational comparisons in S. Maulenov's poetry38

G.S. Zhusupova

The peculiarities of the national psychologism in the works of the kazakh and german writers.....47

D.T. Ismailova

Philosophic psychologic genre variety of the Central Asia's novel54

D.T. Ismailova

Historical theoretical statement of the human-being concept in the prose of the philosophic psychologic genre of the 70-90-s of the 20th century in the literature of the Middle Asia's and Kazakhstan's peoples.....60

K.K. Karimova

To the question of algorithmization of the process of lingvoculturemes translation.....65

B.Z. Kurmanova

On the phonetic interference with the assimilation of the Kazakh language in Russian-speaking audience72

Z.Kh. Latypova

The K.Myrza Alis works is translates I.Fonyakovs.....78

A.M. Makibayeva

The role of translation in the poetic forms' expansion in the kazakh prosody (works of J.W. Goethe are taken as an example).....91

Ye.S. Mezentseva

Proverb as the kind of the papemiological fund of the language and fragment of the linguistic conscience.....102

B. Moldagali

Ethnolinguistical characteristics of category «time» in kazahk absorption.....106

G.M. Molotova

The Komul skills of the historical poem112

G.S. Mukhambetova

Artistic-philosophic reflections of O. Suleymenov about a human-being and the Universe126

<hr/>	
G.S. Mukhambetova	
Artistic peculiarities of O. Suleymenov's works	134
A.K. Myrzashova	
Notions of the person's mental activity in the lingual consciousness of Kazakh and Russian people.....	142
B.J. Saribaeva	
Psychological aspect of linguistic insufficiency	148
E.Yu. Sidorova	
The insult speech act as the manifestation of verbal aggression	158
K.S. Sylambekova	
The mathematic terms in the works of V. Zh. Kopeyev	165
D.S. Tashimkhanova	
"Intertextuality in newspaper titles"	171
Our authors.....	175
Rules for authors	177

ВИТАЛЬНОСТЬ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА КАК ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

З.К. Ахметжанова

Институт языкознания им. А.Байтурсынова, г Алматы

Процесс глобализации влечет за собой ряд негативных последствий, одним из которых является исчезновение культур и языков малочисленных этносов, которые именуются миноритарными, иначе говоря, обреченными на умирание языками.

Проблема жизнеспособности, выживаемости языков в последнее десятилетие все больше занимает и казаховедов. Так, в журнале “Известия НАН РК” (серия филологическая, 2009. №4 - с. 15-19) Н.Уалиев и А.Фазылжанова прямо пишут о том, что опасность стать миноритарным языком в своем отечестве, на своей исконной земле в большой степени грозит и казахскому языку [1].

Человеку, недостаточно знающему языковую ситуацию в Казахстане, данное утверждение может показаться безосновательным, поскольку казахский язык имеет статус государственного языка, принята Государственная программа развития казахского языка, время от времени проходят конференции, на которых на слушателей выливается весь спектр эмоций: от резко отрицательно - пессимистических от откровенно бравурно-оптимистических. И в этом хоре голосов не услышанными остаются ученые - лингвисты, которые давно говорят о том, что, во-первых, Государственная программа развития казахского языка нуждается в серьезной коррекции; во-вторых, только статусным планированием нельзя решить проблему государственного языка (Э.Д. Сулейменова), статусное планирование должно подкрепляться корпусным планированием, которое, в свою очередь, может быть реализовано как путем крупных финансовых затрат со стороны государства, так и сознательными усилиями лингвистов, педагогов, журналистов и т.д; в-третьих, проблема казахского языка в настоящий период состоит не в простом его сохранении, а в придании ему динамики мощного развития, с тем, чтобы он, отвечая запросам современной жизни, мог полноценно выполнять все функции не только государственного и национального языка, но и стал фактором консолидации казахстанского общества в единое целое. Так, Э.Д. Сулейменова, выделяя три периода в общественной оценке языкового планирования в РК, приводит ряд аргументов

в пользу оценке осуществляемого в Казахстане языкового планирования как эффективного. Ученый отмечает, что настоящий период характеризуется пониманием того, что “никакие изменения в функционировании языков не декретируются, не происходят сами собой и в строго указанные сроки, а инерционность языковых процессов - это объективный фактор, который следует обязательно учитывать при языковом планировании” [2, с. 6].

Соглашаясь в целом с позитивной оценкой реализуемой в стране языковой политики, что особенно отчетливо чувствуется в сравнении современной языковой ситуации с исходной ситуацией, наблюдавшейся в период до получения Казахстаном независимости, мы считаем, что настало время для некоторой корректировки корпусного планирования в соответствии с новыми реалиями жизни и, прежде всего, с проблемой витальности казахского языка.

Для наших последующих суждений крайне важно понятие и термин “витальность”. Обратимся к “Словарю социолингвистических терминов” (составители Э.Д. Сулейменова, Н.Ж. Шаймерденова, Ж.С. Смагулова, Д.Х. Аканова.), в котором словарная статья термина “витальность” представлена в следующем виде.

Витальность языка (от лат. Vitalis - жизненный) “қазақ тілінің гміршендігі” - жизнеспособность, выживаемость, устойчивость, способность языка к выживанию и развитию. В.я. измеряется совокупностью объективных и субъективных параметров:

1. **Социально - политические параметры**, в том числе проведение языковой политики в области **Статусного планирования языка** и **Корпусного планирования языка**, наличие действенных **Государственных программ поддержки и развития языка**, развитие социальной инфраструктуры полноценного функционирования языка (образовательные учреждения, органы печати, радиосеть, телекомпании и телепрограммы, книгоиздание и т.п.) и др.

2. **Социально - демографические параметры**, в том числе количество носителей данного языка по отношению к другим языковым коллективам в пределах государства, количество носителей данного языка по отношению к общей численности данной этнической группы, количество носителей данного языка (как Родного языка) среди младшего поколения, соотношение количества билингов и монолингов (носителей данного языка), степень **Двуязычия** среди носителей данного языка и др.

3. **Собственно - лингвистические параметры**, в том числе наличие Литературного языка, степень разработки и стабильности языковой **Нормы** как совокупности наиболее унифицированных, устойчивых и обязательных реализаций, внутривидовые параметры (скорость распространения языковых инноваций, устойчивость языка к иноязычному влиянию, наличие отраслевых терминологий, динамика развития лексики), наличие диалектов и их отношения к литературному языку и др.

аннотации: 1. **Социально - функциональные параметры**, которые измеряются количеством социальных функций языка и интенсивностью его использования в наиболее важных сферах жизни общества, в первую очередь, в **образовании** (основной сфере формирования **языковой компетенции**), **науке** (гуманитарной и естественно - технических), **средствах массовой информации**, административной деятельности и делопроизводстве, судопроизводстве, промышленных предприятия и других сферах производства.

4. **Социально - функциональные параметры**, которые измеряются количеством социальных функций языка и интенсивностью его использования в наиболее важных сферах жизни общества, в первую очередь, в **образовании** (основной сфере формирования **языковой компетенции**), **науке** (гуманитарной и естественно - технических), **средствах массовой информации**, административной деятельности и делопроизводстве, судопроизводстве, промышленных предприятия и других сферах производства.

5. **Национально - культурные параметры**, в том числе национальное искусство, театр, кино, религия, различные виды литературы (художественной, лексикографической, религиозной, деловой, учебной, терминологической и др.), традиционные промыслы.

Далее нам хотелось бы в этой же последовательности остановиться на каждой группе параметров, влияющих на витальность языка.

I. Социально-политические параметры. Статус казахского языка законодательно определен, принят ряд законодательных актов, предусматривающих развитие и совершенствование социальной инфраструктуры функционирования языка. Э.Д.Сулейменова следующим образом характеризует меры, принятые для соответствия государственного языка объявленному статусу: повсеместное открытие казахских дошкольных учреждений и школ; казахский язык становится обязательным предметом в школах с русским языком обучения; на многих факультетах открываются казахские отделения; на страницах республиканских газет и журналов широко обсуждаются вопросы функционирования и культуры казахского языка; открыто объявляется требование о знании казахского языка при приеме на государственную службу; возникает обостренный интерес к работе Государственного терминологического комитета и Ономастологической комиссии; издаются академические грамматики и словари разных типов; открываются курсы и вводится изучение казахского языка во всех вузах; усиливается издательская деятельность по подготовке словарей, учебников казахского языка и на казахском языке, энциклопедической, детской, научно-популярной и иной литературы на казахском языке; объявляется паритетность (50 % на казахском языке и 50 % на русском языке) эфирного времени на радио и телевидении; делопроизводство постепенно переводится на казахский язык и т.д. [2, с. 4-5].

Однако все вышеперечисленные меры оказались недостаточно эффективными и не достигли основной цели: сформировать мотивацию и создать языковую среду. Назрела необходимость коррекции функционирования государственного языка в системе образования, поскольку введение курса практического казахского языка в русскоязычные школы и вузы дает поверхностное знание разговорно-бытового языка, которое используется только в рамках учебной аудиторий, но не мотивирует использование казахского языка в других сферах.

В связи с этим мы вносим предложение: в учебных заведениях, где преподавание ведется не на государственном языке, ввести преподавание одного-двух предметов общественно-гуманитарного цикла на казахском языке, что нацелено: а) на расширение границ общения на казахском языке и формирование навыков и умений общения на основе знаний, полученных в курсе практического казахского языка; б) на расширение объема лексикона, активно используемого в казахскоязычной коммуникации.

1) Объявленная паритетность эфирного и телевизионного времени соблюдается чисто формально. Как отмечают Н.Уалиев и А.Фазылжанова, выделенное для телевидения на казахском языке время заполняется концертными программами и сериалами, дублированными на казахский язык, малосодержательными и низкоэстетичными, пропагандирующими несовместимые с нашими национальными духовными ценностями идеалы типа эгоизм, индивидуализм, потребительское отношение ко всему, жестокость, насилие [1, с. 16].

В связи с этим мы поддерживаем предложение Н.Уалиева и А.Фазылжановой о необходимости создания телеканала, полностью функционирующего на казахском языке и специализированного на программах научно-познавательной, общественно-политической и историко-культурной проблематики. Эти программы не должны быть переводными.

3) Э.Д. Сулейменова подчеркивает, что одним из основных объектов языковой политики и языкового планирования должно стать подрастающее поколение, а эффективным средством получения информации являются СМИ. В связи с этим мы поддерживаем предложение Н.Уалиева и А.Фазылжановой о создании особого детского телеканала на казахском языке, на котором осуществлялось бы патриотическое, морально-нравственное воспитание, велись программы учебно-познавательного характера, для каждого возраста были интересные программы.

4) При этом особое внимание должно быть уделено созданию мультфильмов на казахском языке на основе, как фольклорных мотивов казахской культуры, так и реалий современной жизни, в которых в интересно - игровой форме и в то же время ненавязчиво доводилась до сознания детей информация об основных духовных ценностях казахского народа.

5) Одним из мощных средств как получения информации о чем-либо, так и возможности распространения информации о себе, круглосуточной и бесперебойной связи, не имеющей границ, является Интернет. В этой связи мы считаем крайне актуальной и значимой проблему активного вхождения казахского языка в систему Интернет. Нужны самые разнообразные по тематике, оформлению и направленности сайты на казахском языке: по истории и культуре, по каждому конкретному историческому периоду и событию, по выдающимся деятелям казахского народа, по географии,

флоре и фауне каждого региона Казахстана, по крупным художественным произведениям, по фольклору и др.

Причем здесь главную роль должны играть государственные учреждения. Они должны выступать и в качестве заказчиков, финансируя данные проекты.

II. Социально-демографические параметры связаны не только с чисто количественно-демографическими параметрами, но и их характеристиками в языковом отношении. Проводимая политика РК по привлечению казахов из ближнего и дальнего зарубежья приносит свои плоды, увеличивается число носителей казахского языка, хорошо владеющих родным языком.

Принятые меры по охране материнства, материальной и моральной поддержке многодетных семей означают возрастание внимания государства к проблеме рождаемости. Здесь требуют особого внимания со стороны государства следующие проблемы.

1. Для увеличения количества носителей государственного языка как родного среди младшего поколения следует увеличить количество казахоязычных дошкольных учреждений, с тем, чтобы система родного языка (лексика, грамматика - наиболее частотные и простые формы, простейшие формы коммуникации) была сформирована в первую очередь. Введение русского и английского языков должно осуществляться во вторую очередь. Возрастной ценз для введения указанных языков в систему обучения младшего поколения должен быть согласован со специалистами по детской психологии, по методике обучения иностранным языкам. Обучение второму-третьему языкам ни в коей мере не должно затруднять либо препятствовать формированию и развитию навыков общения на родном языке и получению полноценного национально-культурного воспитания на родном языке.

2. В отличие от ряда других стран (США, Франция, Великобритания, Россия) население Казахстана в языковом отношении характеризуется массовым двуязычием. Рассматривая билингвизм как возможность получения информации по двум каналам и дополнительное средство коммуникации, мы, тем не менее, должны четко представлять и негативные последствия массового билингвизма.

В настоящее время сформированы и наблюдаются на территории РК следующие типы двуязычия: **массовое** казахско-русское, национально-русское двуязычие, т.е. знание и использование двух языков большинством этноса, **естественное** казахско-русское двуязычие, при котором знание и использование двух языков является следствием непосредственного взаимодействия носителей этих языков.

В Казахстане очень широко представлено **смешанное** двуязычие, когда элементы двух языков выступают в единой речевой горизонтали во взаимодействии друг с другом, например, лексемы одного языка вкрапляются в предложение на втором языке. **Координативное** двуязычие встречается намного

реже, когда в одной коммуникативной ситуации человек говорит на одном языке, в другой коммуникативной ситуации - на втором языке, системы обоих языков сформированы в сознании человека как бы автономно. При **субординативном** двуязычии система одного языка выступает как доминанта.

Двуязычие, сформированное в советский период и продолжающее по инерции функционировать в настоящий период - это **замещающее двуязычие**, когда билингв по мере овладения вторым языком теряет языковую компетенцию в первом. При **дополнительном двуязычии** билингв использует второй язык без потери языковой компетенции в первом языке.

В связи с вышесказанным, для усиления витальности казахского языка следует предпринять меры для:

а) формирования русско-казахского и инационально-казахского массового двуязычия;

б) формирования координативного и субординативного двуязычия (с доминантой казахского языка у носителей казахского языка и культуры, с доминантой родного языка у инациональных казахстанцев);

в) принять меры к тому, чтобы наблюдаемое в настоящее время замещающее двуязычие, при котором билингв по мере овладения вторым языком теряет языковую компетенцию в первом языке, постепенно сменилось **дополнительным двуязычием**, когда билингв использует второй язык без потери языковой компетенции в первом языке;

г) интенсифицировать работу по углублению языковой и коммуникативной компетенции казахов, характеризующихся частичной языковой и коммуникативной компетенцией на родном языке.

III. Собственно лингвистические параметры:

Наличие современного казахского литературного языка, структурно-семантические и функционально-семантические аспекты которого получили достаточно глубокую разработку (10-томный толковый словарь казахского языка, 15-томный толковый словарь - 6 томов опубликованы, 9-10 тома в печати, оставшиеся тома на этапе редактирования; Академическая грамматика казахского языка. - Астана, 2002г. Функциональная грамматика казахского литературного языка (1 - Алматы, 2007, 2 часть на этапе редактирования и др.), наличие терминологических словарей по многим отраслям знания, наличие фразеологических, орфографических, орфоэпических словарей свидетельствуют о достаточно прочных позициях казахского языка в сфере лингвистики.

Недостаточность информации о грамматическом строе, словарном богатстве, образных средствах казахского языка иногда дают почву для „муссирования суждений о том, что казахский язык якобы не готов выполнять предназначенную ему роль государственного языка“ [2, с.5].

Хороший ответ на эти слухи содержится в словарной статье “Возрождение языка”, “Словаря социолингвистических терминов”.

“Расхожее утверждение о том, что какой-либо язык не способен выступать в качестве языка общественно-политической жизни, науки, техники, искусства и проч., поскольку он не обладает достаточным словарем и грамматической структурой, Т. Скунтабб-Кангас относит к “лингвистическим предрассудкам”: не внутренняя структура языка определяет ее функциональные возможности, а наоборот, расширение функций влияет на расширение и усложнение языковой структуры. Причем, как показывает опыт целого ряда бывших колоний и вновь образовавшихся стран, как только какой-либо язык начинает функционировать в сферах, в которых он ранее не функционировал, в нем очень быстро появляются новые необходимые для этой сферы слова, усложняется грамматический строй” [3, с.41-42]. Так, по данным «Библиографического указателя литературы по терминологии» Ш. Курманбайұлы (Астана, 2008), до настоящего времени создано и опубликовано свыше 270 терминологических словарей по 80 отраслям знания и сфер производства [4].

Однако чисто количественные показатели не должны нас успокаивать. Во-первых, терминосистемы на казахском языке по ряду сфер знания и производства находятся на стадии формирования и вне зоны внимания, как со стороны специалистов, так и со стороны лингвистов-термиологов. Доказательством служит отсутствие, либо малое количество (1-2 небольших по объему) словарей по таким отраслям, как культура, искусство, компьютерная отрасль, психология, таможенное дело, педагогика, банковское дело, социология, радиотехника, связь, энергетика, авиация, архитектура и т.д.

Во-вторых, большинство терминологических словарей не соответствуют требованиям современной лексикографической науки, ограничиваясь лишь приведением казахских эквивалентов к русским терминам.

В-третьих, по охвату всей терминосистемы конкретной сферы имеющиеся словари не выдерживают критики.

В-четвертых, создается ощущение, что наблюдаемый в настоящее время «терминологический бум» выходит из-под контроля Терминкома, который ослабил свою работу, в результате чего в употребление входят термины, не соответствующие параметрам точности, однозначности, отсутствия ненужных ассоциативных связей и т.д.

И, наконец, необходимо указать на малые тиражи выпускаемых терминологических словарей, вследствие чего через полгода-год эти словари переходят в разряд остродефицитных.

Следует особо подчеркнуть такие параметры, как **большая скорость распространения языковых инноваций** (неологемы, неологизмы, изменения в коммуникативном поведении и др.), наблюдаемый **терминологический бум**, связанный, во-первых, с необходимостью именования новых явлений и понятий в разных отраслях знания, во-вторых, с сознательным желанием переименования научных понятий исконно

казахскими лексемами; **значительную устойчивость казахского языка к иноязычному влиянию** (заимствование, калькирование), что связано с психологической установкой общества на сохранение чистоты казахского языка; **высокая скорость пополнения лексикона** казахского языка, это можно проиллюстрировать тем фактом, что 10-томным толковым словарем казахского языка было охвачено 60.000 лексем и 30.000 словосочетаний. Большой 15-томный словарь охватывает ~ 90.000 лексем и ~ 50.000 словосочетаний.

Тем не менее, требует решения ряд таких насущных проблем, как

а) разработка норм орфографии, орфоэпии, синтаксиса, стиля с учетом инновации и изменений, происшедших за последние 15-20 лет в казахском языке;

б) изучение функционирования языка в разных дискурсах: научном, политическом, дипломатическом, туристском, компьютерном, рекламном, художественном, религиозном, спортивном, деловом и т.д.

Исследования подобного рода нацелены на выявление функциональных характеристик казахского языка как средства коммуникации в соотнесенности с конкретными типами коммуникативных ситуации. В практическом отношении ценность таких работ состоит в возможности использования их результатов в практике обучения в сфере профессионального общения.

Кроме того, следует учесть, что современный казахский язык в статусе государственного языка значительно расширил спектр функциональных возможностей, что естественно повлекло и изменения в лексике, грамматике, интонации. Следует также обратить внимание на:

в) изучение семантико-прагматического аспекта казахского языка. Одной из важных функций любого языка является функция воздействия на коммуниканта, которая может быть реализована через отбор языковых средств в соответствии с целеустановкой коммуниканта. Результаты указанных исследований необходимо учитывать в практике обучения казахскому языку, с тем, чтобы коммуникация на казахском языке была эффективной;

г) и, наконец, как подчеркивают авторы «Словаря социолингвистических терминов», крайне необходимо создание корпуса казахской терминологической лексики [3, С. 113]. Для этого, на наш взгляд, Минтерминком, во-первых, должен быть преобразован в самостоятельное, независимое учреждение, а его функции должны быть расширены: не только утверждение терминов, а прежде всего организация и координация работы по подбору терминов, составлению терминологических словарей, участие в которых в обязательном порядке должны принимать профессионалы-специалисты данной конкретной сферы и лингвисты-терминологи. Во-вторых, в научный обиход, в использование должны вводиться только утвержденные Минтерминком термины. В настоящее время мы наблюдаем составление и публикацию словарей, которые являются плодом измышлений одного автора. Мы должны четко

представлять, что терминологический словарь - не художественный текст, где многое зависит от воображения и знания языка автором, тут нужен профессиональный подход.

IV. Социально-функциональные параметры. В данной группе параметров мы хотели бы остановиться на четырех сферах: управление, СМИ, наука, образование, которые на наш взгляд, в совокупности определяют динамику развития языка.

Наблюдение и анализ документации как внутриведомственной, так и межведомственной, по вертикали и по горизонтали, свидетельствуют о том, что функционирование казахского языка в сфере управления ограничено. Во многих случаях учреждения осуществляют перевод на казахский язык первоначально составленных на русском языке документов. Кроме того, особую тревогу вызывает тот факт, что казахский язык не стал рабочим языком управленческих структур, который должен использоваться при проведении собраний, совещаний, советов, при обмене мнениями. И, наконец, вызывает сожаление сознательное или бессознательное игнорирование казахского языка в сфере дипломатических контактов. Для дипломатов государственный язык - это один из символов государственности независимого Казахстана и использование русского, английского или французского языков вместо казахского на официальных встречах, переговорах мы считаем недопустимым. Во время неофициального общения дипломат может проиллюстрировать свое знание иностранных языков, а при официальном общении он выступает как представитель РК и, соответственно, обязан использовать казахский язык.

Значимость функционирования казахского языка в сфере управления очень высока, поскольку определенная часть взрослого населения задействована в этой сфере и оказывает влияние на большинство казахстанцев.

Сфера СМИ по своей воздействующей на казахстанцев функции находится на одном из первых мест. СМИ, особенно телевидение, создает свое коммуникативное пространство. Поэтому активное введение казахского языка в СМИ - это настоятельная потребность, без этого мы не можем говорить о языковой среде.

Особо следует обратить внимание на качество передач на казахском языке, как в плане содержания, так и в плане языка. Нужны регулярные лингвистические экспертизы языка газеты, телевидения, радио на соответствие их нормам современного литературного языка, на предмет препятствия иноязычному влиянию, пополнению лексики за счет внутренних ресурсов казахского языка и т.д. Нужны регулярные экспертизы теле-, радио-передач и газет на предмет содержательной направленности и качества программ. На наш взгляд, увеличилось количество чисто развлекательных бездумных программ, рекламных клипов, которые направлены на восприятие жизни как удовольствия, развлечения, на формирование потребительского общества, что идет вразрез с духовными ценностями казахского народа. Справедливости ради следует

отметить и интересные передачи: «Атамекен», «Біз айтсақ», «Сикырлы әріптер» канала «Хабар», «XXI ғасырдың көшбасшысы» на канале «Ел арна», которые активно формируют, воспитывают сознание молодых казахстанцев.

Относительно казахского языка в системе образования РК хотели бы высказать одно замечание. В последнее время наблюдается некоторая тенденция к ограничению функционирования казахского языка даже в казахоязычных школах, где отдельные предметы ведутся на русском, английском языках, что естественно сужает функциональную мощность казахского языка.

Увеличивается количество школ с английским языком обучения, начиная с I класса. Мы считаем, что выпускники подобных школ, возможно, и будут знать и говорить хорошо на английском языке, но языковая и коммуникативная компетенция на родном казахском языке будет недостаточной, так же, как и культурная компетенция.

А ведь одним из параметров, определяющих витальность любого языка являются демографическая мощность языка, определяемая числом лиц, владеющих данными языком, а не количеством лиц, входящих в этническую группу [5, с. 36].

В последующих наших публикациях мы попытаемся изложить наши мысли по каждой группе параметров, определяющих витальность казахского языка, более детально.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уәлиұлы Н., Фазылжанова А. Қоғамдық сананың түрлері және тіл бірегейлігі // Известия НАН РК. Серия филологическая, 2009. №4. - С. 15-16.
2. Сулейменова Э.Д. К оценке языкового планирования в Казахстане // Мир языка, II том. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию М.М. Копыленко - Алматы, 2005. с. 4-12.
3. Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж., Смагулова Ж.С., Аканова Д.Х. Словарь социолингвистических терминов. Изд.2., дополн. и перераб. отв. ред. Э.Д.
4. Сулейменова Э.Д. - Алматы: Қазақ университеті, 2007.
5. Құрманбайұлы Ш. Терминологиялық әдебиеттердің библиографиялық көрсеткіші. Астана, 2008.
6. Алтынбекова О.Б. Этноязыковые процессы в Казахстане Монография.- Алматы: Экономика, 2006.

Түйіндеме

Мақалада қазақ тілінің қарқынды дамуындағы тілдік саясат және тілді танып білу мәселелері қарастырылған.

Resume

The article is devoted to the vitality of the Kazakh language as the problem of linguistics and language policy.

НОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ В СФЕРЕ РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

(на материале словаря А.Кайдара «Халық даналығы»)

З.К. Ахметжанова

Институт языкознания им. А.Байтурсынова, г. Алматы

К числу перспективных направлений современного языкознания, характеризующихся ярко выраженным антропоцентризмом, исследователи относят когнитивную лингвистику и лингвокультурологию. Подход к языку как к средству познания и обработки информации - результата познания, исследование языка как средства аккумуляции культурной информации позволили по-новому взглянуть на языковые единицы, в частности, на паремии.

Когнитивная наука исходит из идеи взаимодействия различных видов знания: собственно лингвистические знания (знания о системе языка и его употреблении, знание принципов речевого общения), внеязыковые знания о контексте и ситуации, знания об адресате, о его целях и планах; “фоновые” знания о мире. Необходимость обращения к различным типам знания объясняется многообразием функций языка и его ролью в развитии человечества [1]. Иначе говоря, для полного и точного понимания значения слов и выражений важен социологический, исторический и культурный контекст.

В лингвокультурологии акцент ставится на наличии в каждой языковой единице, в каждой коммуникативной единице национально-культурного компонента, который может занимать разное - от ядерного до периферийного - положение в содержательной структуре слова.

Как когнитивисты, так и культурологи едины в признании особой значимости для указанных наук фразеологических и паремиологических единиц языка, ибо в их семантике зафиксирована важная для познания культуры, менталитета, норм поведения конкретного народа информация.

В.Карасик, анализируя ценностный аспект языковой личности, пишет о том, что “Ценностный аспект языковой личности проявляется в нормах поведения. Нормы поведения обобщают и регулируют множество конкретных ситуаций общения и поэтому относятся к особо важным знаниям, фиксируемым в значениях слов и фразеологизмов. Эти нормы однородны, и их лингвистическое исследование представляет интерес как в практическом плане (для понимания инокультурных ценностей и обучения адекватному поведению на соответствующем иностранном языке), так и в теоретическом (для выявления природы сохранения разных типов знания в языке)” [2]. Исходя из этноязыковой ситуации в РК, мы хотели бы добавить, что в практическом

плане выявления норм поведения, зафиксированных в поговорках, крайне важно в период глобализации для подрастающего поколения, которое, к сожалению, слабо знакомо с традиционной культурой своего народа, в силу чего многие явления традиционной культуры воспринимаются ими как избыточные, как пережитки прошлого, получают негативную оценку.

В. Карасик отмечает, что нормы поведения имеют прототипный характер, т.е. мы храним в памяти знания о типичных установках, действиях, ожиданиях ответных действий и оценочных реакциях применительно к тем или иным ситуациям. Вместе с тем мы допускаем возможные отклонения от поведенческой нормы, причем такие отклонения всегда содержат дополнительную характеристику участников общения [2, с.25]. Далее В. Карасик раскрывает суть понятия нормы поведения: в социальном плане нормы поведения представляют собой механизм оптимальной регуляции межличностных и статусных отношений в обществе. В интерактивном плане такие нормы позволяют индивиду вести себя в соответствии с ожиданиями партнеров по общению, с принятым (и положительно оцениваемыми в обществе) стереотипами поведения [2, с.25].

В. Карасик, пользуясь приемом перифразирования, вывел из русских и английских пословиц около 200 поведенческих норм, которые были сгруппированы в следующие классы:

1) *нормы взаимодействия* (“нельзя причинять вред своим”, “люди должны помогать друг другу” (особенно в трудное время), “Нельзя бросать людей в беде”, “Нельзя быть неблагодарным”, “Нельзя быть трусом”);

2) *нормы жизнеобеспечения* (“Следует трудиться”, “Следует выполнять свое дело хорошо”, “Нельзя терять время”, “Следует поддерживать чистоту”, “Следует надеяться на лучшее”);

3) *нормы контакта* (“Следует быть честным”, “Следует думать об интересах других людей”, “Не следует слишком много говорить”, “Не следует быть (чересчур) любопытным”, “Не следует быть высокомерным”);

4) *нормы ответственности* (“Нужно отвечать за свои действия”, “Нужно признать свои ошибки”, “Нужно исправлять свои ошибки”, “Не следует исправлять дурной поступок другим дурным поступком”);

5) *нормы контроля* («Следует быть справедливым»; “Нельзя руководить, не имея на это права”, “Следует контролировать подчиненных”, “Не следует поручать одно дело (слишком) большому числу людей”);

6) *нормы реализма* (“Следует знать правду”, “Следует полагаться на себя”, “Следует предпочесть наиболее реальное благо (и наименьшее зло)”, “Не следует (слишком) рано подводить итоги”);

7) *нормы безопасности* (“Следует быть осторожным”, “Следует советоваться с людьми”, “Следует быть экономным”, “Не следует принимать необдуманное решение”);

8) нормы благоразумия (“Нужно следить за своим здоровьем”, “Не следует постоянно тревожиться”, “Не следует работать без отдыха”, “Не следует суетиться”).

В. Карасик определяет первые пять групп как этические нормы, среди них наибольшую значимость для общества представляют нормы взаимодействия, их нарушение подрывает самые глубинные основания общественного устройства [2, с. 26-29].

Иллюстративный материал - русские и английские пословицы - в исследовании В.Карасика служит аргументом в пользу универсального характера данной классификации. Мы решили вывести нормы поведения казахского народа из корпуса казахских паремий, представленного в толковом словаре казахских пословиц и поговорок Абдуали Кайдара “Халық даналығы”. Как указывает автор словаря ,казахский язык насчитывает примерно 15 тысяч паремий, толковый словарь А.Кайдара охватывает свыше 2 тысяч паремиологических единиц, раскрыты их внутренняя форма, мотивация, переносное значение, указаны параметры ситуации их использования (по отношению к кому, и с какой целью используют ту или иную пословицу).

Как показывают наши наблюдения и анализ корпуса паремий указанного словаря А.Кайдара, наиболее многочисленным в казахском языке является класс паремий, в которых отражены нормы взаимодействия, причем эти нормы взаимодействия типизированы в зависимости от характеристик участников наблюдаемых между ними.

Первый тип - нормы взаимодействия в сфере родственных отношений.

а) Между старшими и младшими родственниками: нормативное соотношение ролей - перархическое, вследствие чего старший брат является примером для младшего, своего рода образцом поведения в жизни, в быту (*Агага қарап іні өсер, Агадан — ақыл, ападан - өнеге*);

- старший брат опекает младшего, направляя его помыслы и поступки, помогая в решении крупных, жизненно важных проблем, младший брат, в свою очередь, избавляет старшего от мелких, бытовых проблем (*Ағасы бардың жағасы бар, інісі бардың тынысы бар*).

- старший брат с пониманием относится и прощает мелкие проступки младшего брата, обусловленные его молодостью, неопытностью (*Аға – бордан, іні – зордан; Аға айтса, асып айтады, іні айтса, тасып айтады*).

б) Между родственниками (дальними и близкими), используется термин *ағайын*, означающий людей, имеющих не только чисто родственные отношения, но и духовную близость, в этом виде отношений нормативное соотношение ролей - одноуровневое, одностатусное, вследствие чего :

- нормативным является поведение, при котором отношения между родственниками и близкими строятся на взаимоуважении, единстве, согласии, взаимопомощи.

*(Ағайын тату болса — ат көп,
Абысын тату болса — ас көп,
Ағайын - бір өліде, бір тіріде);*

• нормативным поведением в сфере родственных отношений являются частые контакты, ибо длительные разлуки приводят к охлаждению, исчезает теплота отношений, нормативным поведением среди сватов считаются не только частые контакты, но и одаривание друг друга небольшими подарками в знак внимания, уважения (*Ағайынға керегі — барыс-келіс, Құда-аңдаға керегі — алыс-беріс*

*Ай көрмесе, ағайын жат,
Жыл көрмесе, жекжат ат);*

При нормативном поведении в сфере семейных отношений между мужем и женой наблюдаются разностатусные, (*муж - глава семьи, жена его помощница*) разноуровневые отношения, при котором:

• существует четкое разделение труда и интересов: все, что связано с домом (воспитание детей, приготовление пищи, прием и уход за гостями) -сфера деятельности жены; все, что связано с материальным обеспечением семьи, с контактами с внешним миром, с решением крупных принципиального характера проблем, лежит на плечах мужа (*Әйел — үйдің көркі, еркек — түздің көркі, Әйелдің бір көркі - дастархан);*

• нормативным является поведение в сфере воспитания детей, когда жена больше внимания уделяет воспитанию дочерей, а муж более ответственен за воспитание сыновей

*Әке көрген оқ жанар,
Шеше көрген тон тігер;
Анасын көріп, қызын ал,
Аяғын көріп асын іш);*

• нормативным является поведение, когда жена может советовать мужу, или, в его отсутствие выполнять какие-то мужские дела. В казахской культуре это не возбраняется, особенно если жена славится умом, деловитостью, смекалкой. В подобных случаях главное — не уронить честь семьи. (*Әйел де еркек жоқта қонақ күтеді; Әйелдің жақсысы - ақылышын);*

Ненормативным считается поведение, когда родственники ссорятся из-за жизненных мелочей, но паремии, с одной стороны, предостерегают, отмечая, что родственные отношения очень чувствительны к любому проявлению невнимания, неуважения (Ағайынның көңілі бір атым насыбайдан қалады), с другой стороны, предупреждают, что излишне близкие и частые контакты родственников обычно приводят к мелким обидам, раздорам, но это не подрывает глубинных чувств родства

*(Ағайынның ұрысы — торқаның жыртысы,
Ағайын өкпеге қиса да, өлімге қимайды,*

*Ағайынның азары болса да, безері болмайды,
Ағайын алыста жүрсе кісінескен,
Жақын жүрсе тістескен,
Ағайынға қадырым жоқ – бетімді көреді,
Әйеліме қадырым жоқ – етімді көреді).*

И в то же время надо быть очень осторожным, поскольку при внешнем проявлении доброжелательности истинное отношение даже у родственников может быть иным.

*(Ағайынның сырты – бүтін, іші түтін,
Ағайын барың болса – көре алмайды,
Жоқ болса – бере алмайды).*

Особняком располагаются нормы поведения между представителями разных поколений, предполагающие разностатусные, неравнозначные отношения, когда старший по возрасту (отец, старшее поколение) стоит выше и выступает как назидающее начало: *Аталар сөзі – ақылдың көзі; Атасыз үй — батасыз, Анасыз үй - панасыз. Ата көрсеткен жолымыз бар, Ана тоқыған тонымыз бар. Ата тілін алмаған баладан без, Бала бағу білмеген анадан без.*

Для казахской культуры нормой поведения является уважительное отношение младшего поколения к старшему поколению, поскольку у старших по возрасту людей жизненный опыт побольше, багаж знаний так же больше, чем у молодых (Әке тұрғанда сөйлеген баладан без, шеше тұрғанда сөйлеген қыздан без).

Старшие обязаны заботиться о младших, отец о сыне. Сыну пользу приносит не только материальное наследство, оставшееся от отца, но и его авторитет, его имя, остающееся в памяти людей после его смерти (*Әкенің дәулеті – балаға қырық жыл азық. Әкенің еккен ағашы – ұрпаққа сая. Аталар сөзі – ақылдың көзі.*

С другой стороны, паремии предупреждают, что благополучие и авторитет не передаются по наследству, а зарабатываются собственным трудом (*Әкенің төріне сенбе, Маңдайыңның теріне сен; Атаңда болғанша алақаныңда болсын).*

В обобщенном виде связь между поколениями в паремиях предстает как непрерывная связь, предполагающая преемственность

*(Алдағыны көр де пікір ет,
Арттағыны көр де, шүкір ет;
Алдыңғы арба қайда жүрсе,
Соңғы арба сонда жүрер)*

Если старшее поколение воспринимается младшими как назидающее начало, источник мудрости, указывающий направление жизни последующему поколению, то младшее поколение воспринимается старшими как остающийся после них в жизни след, как то, что обеспечивает их бессмертие (*Адам ұрпағымен мың жасайды; Бала артта қалған із, Бақыт ұзатылған қыз; әкеден ұл тұса игі еді, әке жолын құса игі еді).*

Еще одна сторона взаимоотношений старшего и младшего поколений получила отражение в казахских паремиях - это терпимое отношение, понимание слабостей молодых и людей преклонного возраста.

Алтыга дейін бала ерке, Алтыстан кейін шал ерке;

Адам — жасында бір бала, Қартайганда бір бала;

Адам жасында тойшыл болады,

Қартайганда ойшыл болады.

Нормы поведения могут быть зафиксированы в паремиях с разной грамматической и коммуникативной структурой.

Как видно из приведенного выше иллюстративного материала, паремия может иметь форму директивного высказывания, предписывающего единственно верное поведение в рамках стереотипной коммуникативной ситуации:

Анасына қарап, қызын ал

Аяғына қарап, асын іш.

Алдағыны көр де пікір ет,

Артағыны көр де шүкір ет.

Паремия подобного рода предписывает нормативное поведение в эксплицитном виде: сделай только так и не иначе!

Паремия может содержать констатацию коммуникативной ситуации, имеющей место в другой сфере, например, предметная ситуация с транспортом:

Алдыңғы арба қайда/қалай жүрсе,

Соңғы арба сонда/солай жүреді.

В данном случае для выявления нормы поведения, заложенной в паремии, носитель языка должен осуществить метафорический перенос со сферы транспорта в сферу родственных отношений: речь идет о старшем ребенке, либо старших родственниках (*алдыңғы арба*) и о младшем ребенке либо младших родственниках (*соңғы арба*), отношения соотносительности движения двух транспортных средств в метафорическом виде обозначают отношения подражания, которые часто существуют в семьях с несколькими детьми. Далее носитель языка должен обобщить: роль старшего ребенка либо старших родственников в формировании младшего ребенка либо младших родственников велика. И, наконец, выводится норма поведения: особое внимание должно быть уделено воспитанию, формированию характера, образованию старшего ребенка в семье, поскольку даже он будет помогать родителям в воспитании младших детей своим примером, служа образцом для подражания.

Паремия может содержать констатацию стереотипной коммуникативной ситуации в полной либо усеченной форме, в таком случае процедура по выявлению поведенческой нормы осуществляется в два этапа: обобщение и выведение нормы поведения.

Ағайын — бір өліде, бір — тіріде.

Данная паремия представляет в усеченном виде коммуникативную ситуацию в сфере родственных отношений. Носитель языка обобщает:

помощь родственников в двух жизненных ситуациях - в крупном деле, или при крупных событиях либо в ситуациях, связанных с крупными неприятностями, либо с утратой/гибелью человека - очень важна, необходима. Далее носитель языка делает вывод: частые контакты с родственниками не всегда возможны, но в двух случаях - либо в случае больших событий (свадьба, юбилей, новоселье и др), либо в случае похорон, утраты близких людей - родственники обязаны помогать друг другу.

Паремия может строиться таким образом, что из нее выводится поведенческая норма желательного характера. Паремия констатирует определенную ситуацию, через анализ которой носитель языка обнаруживает желательную норму поведения.

Ағайынның көңілі бір атым насыбайдан қалады.

Данная паремия отображает коммуникативную ситуацию, когда родственник может обидеться из-за мелочи, в паремии сочетание бір атым насыбай использовано метафорически, вся остальная часть выражает денотативное значение. Носитель языка обобщает: родственные отношения чутко реагируют на любые, даже незначительные проявления неуважения, неблагодарности. Вывод - норма поведения - желательно не обижать родственников, максимально выражая уважительное отношение к ним - не носит предписывающего характера.

Итак, общеизвестная истина: паремиологический и фразеологический фонд казахского языка - сокровищница народной мудрости конкретизируется, а паремии казахского языка выступают как свод норм поведения, в нашем случае, в сфере родственных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Телегина Г.В. К истокам когнитивной лингвистики: социология знания К. Манхейма // Когнитивная лингвистика конца XX в. Материалы международной научной конференции 7-9 окт. 1997г. Часть I. - Минск, 1997. - С. 154 -158.

2. Карасик В. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. - М.: "Гнозис", 2004. – 389 с.

3. Қайдар Ж. Халық даналығы (қазақ мақал-мәтелдерді тісіндірме сөздігі жүйе зерттеу). - Алматы: "Тоганай т", 2004. – 559 с.

Түйіндеме

Мақалада А.Қайдардың «Халық даналығы» атты сөздігінде өзара қатынастылық саласының нормалық жағдайы қарастырылған.

Resume

The article is devoted to the analysis of the paremiological fund of the Kazakh language in the sphere of family relations by the material of A. Qaidar's dictionary.

О ДИНАМИКЕ ИЗМЕНЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ АНТРОПОНИМОВ

З.К. Ахметжанова

Институт языкознания им. А.Байтурсынова, г. Алматы

Возникновение новых научных парадигм, характерное для каждого последующего витка развития научной мысли, дает возможность по-новому подойти к разработке известных с давних пор проблем. В нашем случае речь идет об антропонимах и о лингвокультурологии.

Лингвокультурология как яркое воплощение когнитивно - культурологической парадигмы гуманитарных наук не только возродила интерес к проблемам взаимодействия и взаимосвязи в рамках дихотомий «язык и человек», «язык и культура», «язык и общество», «язык и сознание» и т.д. но и предъявила такие требования к исследованиям, как: интеграционный подход, опора на широкий фундамент конкретных фактов разных языков, рассмотрение которых осуществляется на базе широкого культурного контекста, обязательная связь с коммуникативными процессами и др.

В этой связи интерес представляет динамика изменения подхода к исследованию антропонимов в русском и казахской ономастике.

Ономасты всегда были единодушны в признании тесной связи онимии как совокупности имен разных типов со всеми сферами человеческой жизни и деятельности. Везде, где требуется идентификация или индивидуализация, человек использует имя собственное как наиболее удобный способ выделения объекта.

Онимия любого народа содержит огромный информационный, культурно-исторический потенциал, в ней отражаются история, быт, психология, верования, чаяния, фантазия, художественное творчество народов, их исторические контакты.

В советский период развития лингвистики больших высот достигла тюркская ономастика. В истории разработки проблем тюркской ономастики видное место занимают работы В. Радлова [1], В. Бартольда [2], С.Е. Малова [3], А.Н. Самойловича [4], В.А. Гордлевского [5], Н.К. Дмитриева [6] и других ученых, заложивших основы советской тюркологии. Отметим также работы таких ономастов, как Э. Бегматов в узбекской антропонимии [7], Г.Ф. Сагтаров - в татарской [8], З.Г. Ураксин - в башкирской антропонимике. Проблемами ономастики занимались такие ученые, как С.Б. Веселовский, Н.А. Баскаков, В.А. Никонов, А.В. Суперанская, А.В. Сулова, В.Д. Бондалетов, Л.В. Успенский, В.У. Махпиров и др. Основательную разработку получили вопросы казахской антропонимии в трудах С. Канесбаева [8], К. Жубанова [9] и других ученых.

Особое место в развитии казахской антропонимии занимают работы Т. Джанузакова, который не только исследовал казахскую антропонимию в научно-теоретическом аспекте, но и приложил немало усилий в деле популяризации достижений ономастики Казахстана. В трудах вышеперечисленных исследователей по онимам доминирует, как отмечает А.В. Суперанская, лингвистический компонент и не только потому, что любой оним - это прежде всего слово, но и потому, что информация о каждом имени добывается с помощью лингвистических средств. Постоянно подчеркивается, что исследование онимов невозможно без изучения общего историко-культурного контекста. См. высказывание А.В. Суперанской: «Историко - культурный аспект ономастических исследований предусматривает изучение того национально - культурного фона, на котором возникают имена и развиваются их системы».

В связи с этим многие исследователи особо выделяют такое свойство антропонимов, как информативность. Имя может нести значительную информацию о человеческих качествах, о связи лица с отцом, родом, о национальности, происхождении, роде занятий, о времени рождения, о социально-демографическом положении родителей, о местности и т.и. Е.А. Керимбаев отмечает, что этимологический анализ антропонимов позволяет извлечь информацию о расселении и этническом составе народов, данные о материальной и духовной культуре, отражать религиозные верования, обычаи и обряды [12, с. 8].

Все вышесказанное свидетельствует об особом типе взаимодействия языка и культуры, когда культура [материальная, духовная] находит отражение в антропонимах, т.е. налицо направленное воздействие культуры на язык. Отмеченное выше одностороннее воздействие культуры на язык имеет силу для всех без исключения антропонимов, так же, как и положение о том, что любой антропоним, в силу такого его различительного признака, как информативность, может служить источником получения культурной, исторической, социальной, национальной информации, т.е. здесь мы наблюдаем обратное воздействие.

Гурская Ю.А. пишет: ...заслуживает внимания существующая с давних пор гипотеза, согласно которой личные имена представляют собой предельные текстовые сообщения, обладающие воздействующей силой, и способные к предикации качеств [13].

В настоящее время в лингвокультурологии утвердилось понимание, что культуру можно интерпретировать через ключевые слова, репрезентирующие культурно-значимые концепты. Изучение культуры через семантический анализ ключевых слов широко используется в современной лингвокультурологии. Так, А. Вежицкая отмечает, что ключевые слова культуры могут анализироваться как центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры [14].

В роли ключевых слов могут выступать антропонимы, но только в том случае, если носители имен оставили определенный след в истории, являлись выразителями определенной идеи, оказавшей влияние на развитие целого народа. Имена таких личностей становятся символом нации, государства, олицетворением лучших начал конкретного народа, мощным консолидирующим фактором в периоды этнокультурного развития, стимулом для преодоления кризисных моментов в истории этноса.

«Анализ ключевых имен культуры как особых типов языковых знаков позволяет ... реконструировать определенный фрагмент национальной картины мира, ... помогает понять, что явилось важным с той или иной точки зрения для носителей данного общества при символическом отборе, уходящем корнями, по-видимому, в глубины коллективного бессознательного» - подчеркивает Ю.А. Гурская [с.31].

К числу ключевых имен казахской культуры, несомненно, относится Абай, с чьим именем связано несколько базовых для национального самосознания казахского народа идей. Главная идея, красной нитью проходящая через все творчество великого поэта и нашедшая свое концентрированное выражение в его «Сегіз аяқ», где Абай, перечисляя и описывая отрицательные явления, наблюдающиеся в народном быте того времени (лень, зависть, пустословие, угодничанье, ложь, предательство, бахвальство, невежество и др.), и призывая к трудолюбию, честности, к знаниям, к упорству, изложена в следующих строках, которые являются актуальными во все времена:

«Бірінді, казак, бірін дос
Көрмесен, істің бәрі бос» [15].

Иными словами, мы не станем единым народом, единым организмом, до тех пор, пока каждый из нас не начнет относиться к другому как к другу, не будет сочувствовать, сопереживать, помогать, не будет чувствовать себя частицей большого целого. Только так сформируется единство народа, которое является залогом большого будущего.

Вторая идея, ассоциирующаяся с образом Абая, это идея осознанного отношения человека к самому себе, к своей жизни, к окружающим, идея выстраивания в его сознании - ценностных приоритетов, формирования в человеке понимания истинности и ложности, вечного и преходящего, что очень четко выражается в его следующих строках:

«Бес нәрсеге асық бол,
Бес нәрседен кашық бол,
Адам болам десеніз.
Тілеуін өмірін алдында,
Оған қайғы жесеніз.
Өсек, өтірік, мақтаншақ,
Еріншек, бекер мал шашпақ -

Бес дұшпаның, бірсеңіз.
Талап, еңбек, терең ой,
Қанағат, рақым - ойлап қой,
Бес асыл іс, көнсеңіз» [15].

То есть, если человек ищет смысл жизни, хочет достичь чего-то в жизни, он должен знать, что его врагами являются: злословие, ложь, бахвальство, лень и расточительство, а главными ценностями человека являются требовательное отношение к самому себе, трудолюбие, ум, умение быть благородным, готовность к оказанию помощи нуждающемуся в ней. Ум не дается человеку как раз и навсегда данная реальность, его нужно развивать через знания, науку, поэтому стремление к знаниям, к науке является лейтмотивом многих произведений Абая. Примечательно, что каждое из перечисленных в стихотворении Абая понятий является отдельным концептом и получает свою репрезентацию в циклах его произведений.

Абай стал символом казахской культуры, казахского народа, вся его поэзия превратилась в крылатые слова, а отдельные строки функционируют как прецедентные тексты, зачастую выполняя функцию аргумента в коммуникативной тактике опоры на авторитет, при этом наблюдается явление насыщения антропонима «Абай» новыми коннотациями в зависимости от контекста употребления.

Г.М. Алимжановой был проведен в 2008-2009 г.г. масштабный эксперимент с целью выявления ассоциативного ореола концепта Казахстан. Количество реципиентов-2600. Возраст участников свободного ассоциативного эксперимента - от 30 лет и выше. Исследователь при выборе данной возрастной группы реципиентов исходил из того, что данная группа людей - это уже полностью сформировавшиеся личности, занимающиеся активной трудовой деятельностью, поступающие осознанно в различных жизненных ситуациях, имеющие высшее образование, характеризующиеся сформированной языковой картиной мира [16].

Участники эксперимента представлены двумя большими группами: граждане Казахстана (казахи, русские) - 1600 чел. и иностранцы (англичане, китайцы, французы, турки, корейцы, японцы, немцы) - 1000 чел., в эксперименте участвовали представители разных социальных категорий. Задание - респондент должен ответить, не задумываясь, на слово-стимул *Казахстан* первым пришедшим в голову словом или словосочетанием.

Результаты свободного ассоциативного эксперимента показали, что на первом месте по частотности находится реакция «Абай», при этом интересно, что у респондентов - казахов, говорящих на русском языке, и респондентов русской национальности реакция *Абай* стоит на первом месте, тогда как у респондентов казахской национальности, говорящих на казахском языке, реакция *Абай* находится по частности на четвертом месте, а на первом месте

находится реакция *Шәкәрім Құдайбердіұлы*. У иностранцев реакция Абай находится на 2,3 местах.

Интервьюирование представителей указанных групп респондентов свидетельствует о различии в восприятии имени Абай: для респондентов русской национальности и казахов, говорящих на русском языке, Абай является символом республики, для иностранцев, которые начинают свое знакомство с Казахстаном в Алматы, где главной улице, оперному театру, педагогическому университету дано имя Абая, на пересечении проспектов Абая и Достык находится величественный памятник Абаю, а в каждой беседе, в каждом выступлении обязательно используются крылатые слова, восходящие к Абаю, антропоним *Абай* навеян культурной и языковой средой. У указанных трех групп респондентов с именем Абая ассоциируются понятия о чем-то главном, важном, значимом для казахов, у них Абай ассоциируется как с поэтом.

Более глубокие ассоциации с антропонимом *Абай* связаны у казахов, говорящих на казахском языке, поскольку они хорошо знают творчество Абая, знают не понаслышке о его взглядах на жизнь, на человека, кроме того, о личности Абая они судят и по роману-эпопее «Абай жолы» *М.Ауезова*. То, что на первом месте у данной группы респондентов стоят ассоциации *Шәкәрім Құдайбердіұлы*, *Отан*, *Ілияс Есенберлин* связаны, во-первых, с прошедшим относительно недавно юбилеем Шакарима Кудайбердиева, в ходе празднования которого многие казахстанцы открыли для себя новые грани этой личности, во-вторых, с наблюдаемым в настоящее время ростом национального самосознания и патриотизма, что вызвало ассоциацию *Отан*, в-третьих, с большой популярностью исторических произведений И.Есенберлина среди патриотически настроенных слоев казахского общества.

Итак, результаты проведенного свободного ассоциативного эксперимента показали, что антропоним *Абай* является символом национальной культуры, ключевым знаком культуры казахского народа, это имя присутствует в когнитивной структуре представителей как казахской культуры, так и культуры представителей русской культуры жителей Казахстана. Как символ Казахстана, антропоним *Абай* знаком представителям иных культур. При этом ассоциативные связи данного антропонима в контексте разных культур обрастают новыми коннотациями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Радлов В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб, М.: Наука, т. III, 1989. – 283 с.
2. Бартольд В.В. Работы по истории Средней Азии. Сочинения, т.2, ч I,II. Изд. Восточной литературы, 1983. – 646 с.
3. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Приложения.- М.:Наука, 1951. – 364 с.

4. Самойлович А.Н. Указатель собственных имен к казах-киргизским преданиям, легендам, сказкам. Живая старина. 1916, Вып. 2. -С. 5-8.
5. Гордлевский В.А. К личной ономастике у османцев. //Избр. сочин. Т.4. -М.: Наука, 1968. С. 131-136.
6. Дмитриев Н.К. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков [морфология]. -М.: Наука, 1956, ч.2. – 246 с.
7. Бегматов Э. Антропонимика узбекского языка. Автореф. дисс. канд. филол. н. Ташкент, 1965; Он же. Узбек исмлари имлоси. -Ташкент: Фаъ, 1970. – 125 с.
8. Кенесбаев С. О лексических пластах ономастики казахского языка. // Советская тюркология. -1973, №1. -С. 87-91.
9. Жубанов К. Исследования по казахскому языку. -Алма-Ата: Наука, 1990. – с. 110.
10. Жанұзақов Т. Қазақ тіліндегі жалқы есімдер. -Алматы: Ғылым, 1965. – 138 б. Он же. Обычаи и традиции в казахской антропонимии. -М.: Наука, 191. – 230 с. Он же. Очерк казахской ономастики. -Алма-Ата: Наука, 1982. – 176 с.
11. Суперанская А.В. К вопросу о кодификации личных имен // Ономастика и грамматика. - М.: Наука, 1981. – 80 с.
12. Керимбаев Е.А. Этнокультурные основы номинации и функционирования казахских собственных имен. Автореф. ... докт.филолн. Алма-Ата, 1992.
13. Гурская Ю.А. Культурогенные возможности имени собственного: семантика, прагматика, концептуализация. // Русское слово в мировой культуре. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений. X конгресс МАПРЯЛ. - Санкт-Петербург, 2003. – 29 с.
14. Вежбицка А. Семантические универсалии и описание языков. - М., 1999. –284 с.
15. Абай [Ибраһим] Құнанбайұлы. Шығармаларының екі томдық толық жинағы. Алматы: Жазушы. – Т.1: Өлеңдер мен аудармалар. 2005. – 89 б.
16. Алимжанова Г.М. Сопоставительная лингвокультурология: сущность, принципы, методы, единицы. Дисс. ... доктора филол.наук. - Алматы, 2010.

Түйіндеме

Бұл мақала антропонимдерді оқып білу кезіндегі зерттеулік өзгерістер динамикасына арналған.

Resume

The article is devoted to the problems of the change dynamics of research approach to the study of anthroponyms.

ОБРАЩЕНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЩЕНИЯ В ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Р.Д. Ашимбетова

*Павлодарский государственный университет
им. С.Торайгырова*

Современные лингвистические теории все чаще рассматривают феномен общения, коммуникацию, коммуникативные взаимодействия адресанта и адресата, учитывая их социальные роли, взаимные отношения в официальном и неофициальном общении, а также саму ситуацию общения. В сегодняшних условиях большее развитие получает лингвопрагматика, с ее помощью выявляется позиция говорящего, его коммуникативные намерения и способы их языкового выражения. Речевое поведение общающихся сторон в значительной мере реализуется с помощью узусуально закреплённых формул общения, одной из которых является обращение (именуемое также вокативом), степень клишированности которого находится в прямой зависимости от частотности его употребления.

Предложение как основная единица коммуникации может быть распространено обращением. Известно, что обращение - это распространяющий член предложения - имя в форме именительного падежа, возможно - с зависящими от него словоформами, называющий того, к кому адресована речь. Это может быть название лица, неодушевленного предмета или явления. В роли обращения чаще всего выступает существительное; однако обращением может быть и прилагательное или причастие.

Основная функция обращения - называние того, к кому направлена речь - очень часто сочетается с экспрессивной оценкой, с выражением субъективного отношения говорящего (пишущего). Экспрессия выражается по-разному: интонацией, выбором или повторением обращения, сопровождающими его междометиями или частицами, лексическим значением того слова, которое выступает в роли обращения.

Обращение вводится внутрь предложения или непосредственно сопровождает его - открывает предложение или заключает его собою.

Наибольший интерес представляет использование обращений литераторами, которые отражают и свойственные разговорной речи следующие интонации:

- нежности, участия: Я помню, **любимая**, помню; Ах, **Толя, Толя**, как же соскучилась по тебе!

- фамильярности и даже грубости: Вот и мы. Здорово, **старая** (Некрасов), Ах ты, **рыжая бестолочь**, что наделала (из журн.);

- насмешку, издевку: Откуда, **умная**, бредешь ты, **голова** (Крылов).

В то же время эмоциональное звучание обращений в поэтическом тексте нередко достигает высокой патетики: **Приятель дорогой**, здорово! Где ты был? (Крыл.); Ты их узнала, **дева гор**, восторги сердца, жизни сладость; Блещь среди полей широких, Вон он лется!.. Здравствуй, **Дон! Сердечный друг**, ты не здорова? (Пушкин); **Старик!** Я слышал много раз, Что ты меня от смерти спас (Лермонтов); Что ты клонишь над водами, **Ива**, макушку свою? (Тютчев); [Акулина Ивановна:] **Эх, братцы!** Нехорошо у нас... за что старика обидели? (Горький); Ну, **спичка, спичка**, выручай, Не подведи бойца (Твардовский); Дай, **Джим**, на счастье лапу мне (Есенин).

В поэтических произведениях функции обращения расширяются и обогащаются. Основная, общеязыковая функция адресования речи сохраняется; однако здесь она не только не является единственной, но очень часто оказывается ослабленной или преобразованной. Перечислим наиболее характерные явления, связанные с осложнением функций обращения в художественной речи.

1) В поэтической речи обращение может вводить основную тему, называть тот предмет, которому посвящено последующее повествование. Это обозначение обычно является развернутым, предмет не только называется, но и определяется, характеризуется. Особенно отчетливо функция введения темы обнаруживается тогда, когда обращение открывает собою текст: **Угрюмый сторож муз, Гонитель давний мой**, Сегодня рассуждать задумал я с тобой;

Кобылица молодая, Честь кавказского тавра, Что ты мчишься, удаляя? И тебе пришла пора;

Подруга думы праздной, Чернильница моя, Мой век разнообразный Тобой украсил я;

Дар напрасный, дар случайный, Жизнь, зачем ты мне дана? (Пушкин); О чем ты всешь, **ветр ночной?** О чем так сетуешь безумно? (Тютчев).

2) Сохраняя функцию называния адресата речи, обращение в художественной, поэтической речи часто сосредоточивает в себе центральную часть сообщения: изъятие такого обращения лишает текст его информативной законченности и ясности (это же характерно и для обращений, описанных в п. 1): Куда ты, **кумушка**, бежишь так без оглядки? (Крылов) **Душа моя - Элизиум теней**, Что общего меж жизнью и тобою! Меж вами, призраки минувших, лучших дней, И сей бесчувственной толпою? (Тютчев); **Тишина**, ты лучшее Из всего, что слышал (Пастернак); **Милая, добрая, старая, нежная**, с думами грустными ты не дружись (Есенин); Легче лисёнка Скрыть под одеждой, Чем утаить вас - **Ревность и нежность** (Цветаева).

3) В поэтической речи обращение может приобретать функцию собственно называния, представления предмета; сама “обращенная речь” при этом или отсутствует или сводится к словам-приветствиям. Такое обращение может составить отдельную и законченную часть поэтического текста. Такова, например, самостоятельная начальная строфа стихотворения М. Цветаевой “Гералам 12-го года”:

*Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса,
И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце оставляли след
Очаровательные франты
Минувших лет!*

С информативной самостоятельностью обращения связана возможность его союзного соединения с целым предложением, т. е. функционирование обращения, одного или в сочетании со словом-приветствием, в качестве части сложного предложения или сложно организованного текста:

*Вы, с квадратными окошками, невысокие дома, -
Здравствуй, здравствуй, петербургская несуровая зима!
И торчат, как щуки ребрами, незамерзшие катки,
И еще в прихожих слепеньких валяются коньки (Мандельштам).*

Однако обращения нужны и в текстах, лишенных образности и не допускающих использования экспрессивных элементов: в деловой переписке, официальных документах, адресуемых определенным лицам. Здесь функция обращений иная: они играют информативную роль (указывают, кому адресован документ), а также организуют текст, выступая своего рода зачином.

В официально-деловой речи выработаны устойчивые сочетания, служащие обращениями в определенных ситуациях: *уважаемый господин, гражданин, дамы и господа и др.* Выбор формы обращения в официальной обстановке имеет важное значение, поскольку речевой этикет является составной частью культуры поведения, а в особых ситуациях приобретает и общественно-политическую окраску.

В обращении заложен огромный прагматический потенциал выражения отношения говорящего к адресату речи. Следует различать обращения и вокативы: обращение используется в речевом акте, а вокатив – это слово, использующееся при обращении.

В ситуации речевого общения неотъемлемым элементом являются вокативы, в наибольшей степени выражающие специфику речевого поведения того или иного народа. При употреблении в качестве вокатива усеченного варианта собственного имени, например, *Костя, Маша*, понимается, что, во-первых, собеседники хорошо знакомы с обращающимся человеком, во-вторых, они примерно одного возраста с говорящим, в-третьих, беседующие примерно равны по служебному положению, в-четвертых, беседа будет протекать в неформальном

русле. При употреблении в качестве вокатива названия должности или полного имени – отчества адресата это говорит о том, что собеседники разного ранга, не знакомы друг с другом, и общение будет проходить в официальной обстановке (господин директор, Иван Иванович и т.д.).

В сфере этикета русского и казахского народов наличествуют различия: в русском языке значимой является прагматическая пресуппозиция «знаком / не знаком» [1, 133], а внутри группы с пресуппозицией «знаком» различительной является пресуппозиция «высший – равный – низший» по служебному положению, а в казахском языке наибольшей различительной силой обладает прагматическая пресуппозиция «высший – равный – младший» по возрасту.

Вокативы тесно связаны с отражением особенностей мировосприятия каждого народа, с социальными характеристиками коммуникантов. В обращениях отчетливо видна социальная, возрастная и демографическая градация в отношениях людей. Обратимся к примерам – казахским вокативам, выявленным в русском художественном тексте [2]. Их можно объединить в четыре группы:

1. Термины родства (**апа, ата, аға** и т.д.)

Самую большую группу вокативов образуют обращения, номинирующие различные виды и степени родственных отношений. Это своего рода социальные маркеры персонажей повести. Они не содержат субъективной оценки, но казаху, хорошо знакомому с системой родственных связей, такие обращения могут сказать о многом и многое объяснить

Следует отметить, что для казахов родственные отношения являются весьма важным элементом их социальной жизни, порой казахи их одного аула, не являясь кровными родственниками, называют себя родичами. Поэтому не случайно обращение одного из персонажей повести - Тутана, к своим соседям и аульчанам - **здравствуйте, родичи.**

В повести представлены названия кровных родственников **ата** - обращение к отцу, **әже** - к бабушке, **апа** - к матери и некровных родственников, родственников по линии мужа или жены. Таких названий подавляющее большинство. Некоторые из них даются и на русском языке, и в виде слов - вкраплений **ата - свекор, сноха - келін - невестка, бауырым - братишка.** В последнем случае речь идет не о родном братишке, а вообще о родственнике. Слово **ата** может употребляться по отношению и к родному отцу, и к свекру, и к дедушке, что и отражено в повести. Пояснения - переводы даются описательно, перифрастически: **женгей - жена его брата**, а также в сносках: **құдаша - сватьяшка.** Переводы явно предназначены для русскоязычного читателя, поскольку слова-названия родственников казахского языка являются в русском этнографизмами, ярко и наглядно демонстрирующими особенности национальных взаимоотношений казахов. Некоторые **слова құдағи, қайны, бала, көке** не толкуются, так как их значения понятны из

контекста, например, понять, кто такой кайны, можно из следующего отрывка: “А **Тотия ... обрушилась на своего молодого кайны: - Ну, пойдём. Вот придет брат, я ему все твои проделки расскажу.** Слово кёке - ласковое обращение к отцу и к старшему брату - объясняется через такой текст:

- *Эй, Нурперзент – кёке, иди, иди, - учит малыша Арай /для этого малыша Нурперзент - дядя, брат отца/.*

- *Эй, Орақ – кёке, иди, иди, - учит внука Арай /Орақ - отец малыша/.*

К свекрови сноха обращается **апатай** - мамочка, а в речи автора-повествователя используется нейтральное русское слово – наименование **свекровь**.

В казахской этнокультуре традиционной является ориентация на возраст собеседника, определяющая и выбор обращения. Так, старик Мамай обращается к соседке, старшей его, не по имени, а описательно - **Эй, мать Тұтана**. В качестве вокатива слово **аға (ағай)** употребляется по отношению к мужчине, состоящему в родственных связях с собеседником, и по отношению к мужчине – незнакомцу, как привило, собеседник старше по возрасту.

2. Наименования лиц по различным признакам, возрастным, социальным, по роду деятельности и т.д.

Вокатив **бала** встречается во многих произведениях, его употребление вызвано не столько стремление авторов и переводчиков к передаче национально колорита, сколько специфической семантикой этого слова. В зависимости от контекста он может означать «ребенок», «младенец» (бала бар үйде - өтірік болмайды), «мальчик» (екі бала доп ойнап жүр). В этом слово существенна сема «младший по возрасту», причем разница в возрасте бывает существенной: Тугельбай окликнул его: - Эй, бала, вместо того, чтобы забавляться с пересмешниками, поехал бы со мной в горы [3, с. 188].

В русском языке обращение к собеседнику по профессии свидетельствует о грубовато-насмешливом отношении или в соединении со словом товарищ об официальном характере общения. В казахском языке в качестве вокатива могут функционировать наименования лиц по профессии, по основному занятию, например: Пойдемте, мугалим, сходим на собрание.

3. Эмоционально-оценочные вокативы, это обращения со словообразовательными элементами **-жан, -тай** являются ласкательными и используются в общении с младшими, часто детьми. Они не называют социальные или возрастные особенности партнера по беседе, а выражают отношение говорящего к собеседнику. В повести [2] это слова **Асетай** - обращение к внуку, **Молдажан** - к братишке мужа. В последнем случае имя Молдажан по казахскому обычаю использует сноха - келін, чтобы не называть родственника мужа по имени, что было и сохраняется сейчас в этикете казахского народа. К матери ласково обращаются апатай.

В повести также мы видим обращения, русские по форме, но глубоко казахские по содержанию - *мой ягненочек, веточка моя - кровиночка, светик*

мой, солнышко, козочка моя. Казахское содержание определяется тем, что эти обращения являются дословным переводом на русский язык. Сравним - *құлным менің, қозым менің, күнім, лағым менің, сәулетайым.* Все эти обращения относятся к детям, что демонстрирует трепетное отношение к ним взрослых, особенно к детям дочерей, которые имеют особое положение в семье нааашы (родственники со стороны матери) – жиендер. Вышеназванные примеры говорят за себя.

Вокативы *айналайын, көке, әпке, әже, ата, тәте* включают ласкательное значение - ярко выраженную коннотацию, в семантическую структуру и применяются при обращении к младшему /айналайын/ и к родителям, старшим братьям, сестрам, бабушкам и дедушкам. Тонкий этнолингвистический анализ обращения *айналайын* был сделан в свое время О. Сулейменовым.

4. Специфически усеченные формы обращений *Алеке, Жаке* у казахов, как правило, применяются при уважительном отношении к мужчине, причем старшему, иногда к ровеснику или даже младшему как подчеркнутое выражение особого уважения.

В повести есть интересный фрагмент социолингвистического и психолингвистического характера, показывающий отношения в семье Мамаю. Перед известием о смерти сына Мамаю чудится чей-то плач, видятся чьи-то черные фигуры.

- *Что с тобой? На тебе лица нет,* - встретила его старуха.

- *Япырай, Арай, что это будет?* - сказал Мамай, встряхнув жену за плечи.

- *Ох-ох, Арай!* - Раньше он никогда не называл ее по имени. *“Эй, жена! Эй, баба!”*, других слов для нее не было. в лучшем случае, в добром расположении духа снисходил до *“Эй, бәйбіше”*.

В повести также встречаются распространенные обращения, содержащие положительную оценку - *сокол мой ясный, орел сизокрылый /женщины, оплакивающие Орақа/, всепрощающий создатель, Тұтан-батыр, светоч глаз моих, свет мой.* Все они содержат традиционные метафоры и широко используются в устной народно-поэтической речи.

Таким образом, наличие вокативов-казахзмов в русском художественном тексте обусловлено спецификой казахского речевого этикета, которая проявляется: 1) в различии дифференцированных пресуппозиций речевых этикетов русского и казахского языков, 2) в перенесении вокативов-терминов родства из сферы семейного общения на сферу несейного общения, 3) в употреблении эвфемизированных табу на отдельные наименования лиц, 4) в особой внутренней форме эмоционально-оценочных вокативов, 5) в наличии особых звательных форм собственных имен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рыжова Л.П. Пресуппозиционный аспект обращения // Семантическая семантика и прагматика. – Калинин, 1982.
2. Муртазаев Ш. Фронт без оружия. -А., 1990.
3. Снегин Д. Утро и два шага вперед. -А., 1987.
4. Копыленко М.М., Ахметжанова З.К. Казахское слово в русском художественном тексте. -А., 1990.
5. Саина Т.С. Возраст и двуязычие. -Русский язык в школе, 1982, №2.

Түйіндеме

Мақдала вокатив – қаратпа сөздері лингвопрагматикалық аспекте қарастырылады. Орыс және қазақ көркем шығармаларының мысалдарында коммуникативтік актінің ұлттық ерекшеліктеріне байланысты қаратпа сөз – вокативтерінің классификациясы ұсынылады.

Resume

The article considers vocative addresses in a linguo-pragmatic aspect. The author proposes a classification of vocatives in dependence on the national peculiarities of a communicative act by the example of belles-lettres works of Russian and Kazakh writers.

ӘОЖ -001.4

С.МӘУЛЕНОВ ӨЛЕНДЕРІНДЕГІ ГРАДАЦИЯЛЫҚ ТЕҢЕУЛЕР ҚОЛДАНЫСЫ

А.Х. Бекбосынова

Академик З. Алдамжар атындағы Қостанай әлеуметтік-техникалық университеті, Қостанай қ.

Ақын-жазушылар өз шығармаларында суреттеп отырған оқиғаны шығарма идеясына байланысты бірде асыра суреттесе, бірде құлдырата суреттеп отыратыны белгілі. Бұл амал -тәсілдің алғашқы үлгілері ауыз әдебиетіміздегі шығармалардан бастау алады. “Градация – тілдік хабарламаның ақпараттық – мағыналық реңкін күшейте түседі. Бұл стилистикалық айшықтың екі түрі ажыратылып көрсетіледі: бірі – ұлғаймалы градация, екіншісі – бәсеңдеулі градация”[1,259]. Ал “...бір теңеулік конструкцияның ішінде немесе образды ойдың бойында бірнеше теңеу болып, ол теңеулер суреттелміш заттың не оқиғаның қасиеттерін бірте-бірте асырып, немесе бірте-бірте кемітіп, соның нәтижесінде оған бейнелі сипат беріп, көркемдік ажар үстесе, онда мұндай теңеуді градациялық теңеулер

дейміз”[2,143]. Ақын өлеңдеріндегі градациялық теңеулерде жалпылама ұғымның нақты сипат алуы жиі кездеседі.

Жиырма бес жанып тұрған жалындайсың,
Теңізде алып қашқан ағындайсың.
Жас өмір жарқыраған жақсы күні,
Жалт етіп өтер болсаң табылмайсың [3,83].

Ақын танымында “жастық” концептісі жанып тұрған жалын, теңіздегі ағып қашқан ағынмен салыстырылған. Ұлғаймалы градациялық теңеу жасауға екі образ негіз болған.

Сонымен бірге “Градация – мәтіннің интонациялық және мағыналық күш беру жағынан мәтінге ерекше рең беретін құбылыс”[1,259]. Бұл жағдай теңеу затына бірнеше образ ортақ болған кезде байқалады және теңеулік құрылымдағы әр мүшеге ерекше интонациялық күш түседі, көбіне соңғы теңеулік құрылым алдыңғы бар ойдың түйіні болып келетінін байқауға болады.

Өлең жолдары –
Тал шыбықтай.
Өлең жолдары –
Таңғы шықтай.
Өлең жолдары –
Ақша қардай.
Өлең жолдары –
Бақшалардай.
Өлең жолдары –
Шың биігі,
Теңіздердің тұңғиығы
Заулап қашқан
Қыр киігі.
Өлең жолдары –
Көз жасындай
*Өлең жолдары –
Көк жасындай
Өзі қорғасыннан
Терігесін
Өлең жолдары –
Қорғасындай [4,16].*

Ақын жанына жақын өлеңнің белгісін көрсету үшін жеті теңеу қолданған және теңеудің сипатталушы мүшесі ретінде бір ғана -өлең жолдары тіркесі алынған. Градациялық теңеуде өсу әдісі қолданылған. Ақын танымында өлең жолдары әртүрлі қасиетке ие болып, бір өлеңнің қасиеті барынша ашыла түскен. Градациялық теңеуде белгі ашық көрсетілмеген, бірақ теңеудің образынан теңеу белгісінің қандай сөз екенін ұғынумызға болады. Алдыңғы теңеулік

құрылымдағы ой келесі құрылымдағы оймен жарыса байланысқа түсіп, нағыз бейнелі теңеу жасалған. Ақын өлеңдеріндегі градациялық теңеулердің бейнелілік қасиеті өзге теңеулерге қарағанда әлдеқайда жоғары.

Жаратамын қашаннан
Жас ормандай сөздерді.
 Мәңгілікке жасалған,
Тас қорғандай сөздерді.

Жүректей күшті сөздерді,
Тілектей ыстық сөздерді.
Сәуледей нұрлы сөздерді,
Көздердей сырлы сөздерді [5,72].

-деген өлең жолдарында бір ғана теңеу заты болып тұрған – сөзге алты теңеу образы алынған. Ақын танымындағы сөз – ең жақсы, адам жанын жадырататын, адамға күш-қуат беретін сөз. Ақын қолданған градациялық теңеулерден бейнеленіп тұрған зат пен құбылыстың бар қасиеті нақтыланып, нағыз бейнелі суретті көргендей әсер аламыз. Мысалы, ақын танымындағы “өмір” концептісі өсу әдісі арқылы былай бейнеленген.

1. *Сығырайды үміт әлсіз жанған шырақтай,*
Талтындым саған жағаға төнген құрақтай.
 Деген ептеп өмірдің қаны тарады
Бұдыр тастардан көз тауып шыққан бұлақтай [6,36].

2. *Өз айындай даланың, өз күніндей,*
Жылдам аққан жылдың төрт мезгіліндей,
 Арасында жылдардың өшті ауылдар,
 Зуылдады замандар көзге ілінбей [6,85].

3. Мен енді ауруға да алаңдамай,
Тартылам биіктерге бағандардай.
Керілем жағаларға көпірлердей,
Толқимын адам толы алаңдардай [6,177].

Ақын қолданысындағы “соғыс” концептісі мынадай градациялық теңеумен берілген.

Сол сәтте өзен өксіп жылағандай,
 Сол сәтте аспан жерге құлағандай,
 Сол сәтте көк ормандар тұра қалды
 Қанды өртте жанып жатқан тірі адамдай [7,231].

Ал “уақыт” концептісінің тілдік көрінісі градациялық теңеумен былай бейнеленген.

Көшті күндер көлдей толқып,
 Көшті күндер қарлы бұлттай.
 Көшті күндер желдей жортып,
 Көшті күндер таңғы шықтай [8,378].

Градациялық теңеулердің көпшілігі адам образын бейнелі түрде көрсету мақсатында жұмсалған. Мысалы, ақын өлеңінде “сұлулық” концептісінің тілдік көрінісі былай суреттеледі.

1. *Үлбірейсің гүл секілді үзіліп,
 Сөйлейсің сен сыпайы жай сызылып.
 Көгілдірдің жүзгеніндей жүрісің
 Талай көздер талды-ау саған сүзіліп [7,353].*

2. *Қолаң шашың тал шыбықтай өрілген,
 Қара қасың айдай жаңа көрінген.
 Аппақ күлкің ақ сәулелер секілді
 Ашық аспан омырауынан төгілген [7,353].*

3. *Қара көзің күн секілді
 Құйған маған ақ нұрын
 Ернің кызыл гүл секілді
 Жұтқан дала жаңбырын.*

*Жүзің аппақ жаңа туган
 Аспанның пәк айындай.
 Бойың зифа жаратылған,
 Қырдағы ақ қайыңдай. [4,95].*

Градациялық теңеудің құрылымына қазақ танымына барынша жақын атаулар негіз болған. Мысалы, **қолаң шаш** – нағыз әдемі, қалың шаштың эталоны, ал **қара көз** – әдемі көздің эталоны, оны кейде ботакөз деп те атайды. “Қолаң –«ағаш» сабы бар, аттың қылынан тығыз түптеліп жасалған маса, шыбын қорығыш, «масадан қорғанатын құрал». Қолаңнан тығыз болып, есіліп тұратын сапасы қалың әрі жібектей сусып тұратын шаштың бейнесіне негіз болған”[9, 55].

Немесе, “махаббат” концептісінің тілдік көрінісі мынадай градациялық теңеумен берілген.

*Сағындырдың
 Жаумаған жауындай.
 Алыстадың,
 Алып қашқан ағындай.*

*Алдарқаттың,
 Айнымалы сағымдай.*

*Жатырсың іште**Алай-түлей дауылдай [8,162].*

Өсіресе қара күштің иесі Қажымұқанның сом бейнесін беруде қолданылған градациялық теңеулердің бейнелілігі айрықша.

1. Тастарды тастарға ұрған түйір көрмей,
Тұп-тұтас жұдырығы диірмендей,
Тоқпақ сан, шомбал кеуде, шор-шор иық
Тұтқасы болса жерді үйіргендей.

Саусағы Алатаудың еменіндей
Жотасы Қаратаудың кемеріндей
Көзінен шаттық қайғы білінбейді,
Тұп-тұнық Қараоткелдің тереңіндей.

Ордадай омырауы алқа-салқа
Жартастай бас терісі жаңқа-жаңқа.
Құлағы жымырайған жырым-жырым
Қарыны бұлшық еттей қалта-қалта

Тұтасқан мойны дала жондарындай
Білегі жолбарыстың қолдауындай.
Гүрзідей сокқан сәтті тегеуріні
Атасы Қобыландының қолдарындай[4,7].

Қажымұқанның портретін беруде оның жұдырығы диірменге, саусағы Алатаудың биік шыңында өскен еменге теңелсе, бірде оның омырауы ордаға, бас терісі жартасқа, мойны дала жонына теңеліп, батыр бейнесі бірте-бірте өсіп, барынша анық та, ашық бейнелеңе түскен. Теңеу жасауда өнімді қолданылатын –дай, -дей, -тей жұрнағы Қажымұқан бейнесін барынша дамытып, үдете түсуге ықпал жасап тұр.

1. Биіктеп Алатаудың *Талғарындай.*
Терендеп *Атыраудың аңғарындай,*
Аңқылдап жомарт көңіл келе жатыр.
Қазақтың даласының аумағындай [3,271].
2. Өмірің бүкіл қазақ *өміріндей,*
Бітіксің Қостанайдың *егініндей.*
Солтүстік аспанынан бұлттар ауып,
Күн көзі жарқылдады көңіліндей [3, 454].
3. Қарасам түнде қалың *ормандайсың,*
Ал күндіз киіз үй боп *қонғандайсың.*

Құйылған қорғасыннан құрыш қамал,
Енді сен жау ала алмас *қорғандайсың* [3,321].

4. Жетпіс деген жеті белес қыр аттап,
Көңілдерде жақсы өлеңдей тұрақтап,
Ортамызда отыр бүгін Сераған
Алатаудың секілді бір шыңы аппақ.

Сахнаға шықса ол *мөлдір арындай,*
Жұрт көздері қаладады *жалындай,*
Шашылады күлкі жазғы *жауындай,*
Дүрілдейді алақандар *дауылдай* [7,162].

Ақын С.Мұқанов пен Ф.Мүсірепов сияқты ардақты адамдардың бейнесін және сахна серісі Серәлі Қожамқұловтың мінезін беруде үлкен шеберлік көрсеткен. Өлең жолдарындағы дами түскен теңеу жолдары суреттелміш кейіпкердің мінезі мен бет-бейнесін ашуға қызмет еткен. Градациялық теңеулердің біразы қыздың, әйел-ананың мінезін, портретін беру мақсатында дүниеге келген.

1. Жаралғансың *темірдей сен төзімнен,*
Жаралғансың *гүлдей нәзік сезімнен,*
Бұл дүниеде егер құдай бар болса,
Сол құдай да туған шығар өзіңнен [7,184].

2. *Науша бойым бар еді -*
Гүл өрімдей,
Қара көзім бар еді-
Қара көлдің түбегіндей.

Қызыл жүзім бар еді-
Батқан айдай,
Қара қасым бар еді-
Тартқан жайдай [7,178].

Қолаң шашым бар еді-
Қара мақпал іңірдің түнегіндей,
Самал соқса желпілдеп ойнаушы еді,
Желкілдеген толқынды *ну егіндей.*

Ақ маңдайым бар еді-
Қыс қарындай,
Сайраушы еді таңдайым-
Көктемнің құстарындай [7, 179].

Градациялық теңеулердің біразы адам бойындағы келенсіз қылықтардың бетін ашып, барынша әшкерелеп көрсетуге қызмет еткен.

1. *Кейбіреу ұқсар алыпқа
Өзісіз таулар құлардай,
Жер жұтып, өзен жылардай,
Шатынап аспан сынардай,
Қара түн туып халыққа [10,104].*

2. *Өрлікте етке ұмтылған сұр мысықтай,
Кейбіреу үйіріліп жүр мысықтай,
Кейбіреу аңқау болып алдап соғып,
Түйіледі іші-сырты тығыршықтай [11,117].*

“Арамдық” концептісі градациялық теңеумен өсу әдісі арқылы былай деп берілген.

*Арамдық ол тұрар әлі бұлттардай,
Сүп-сүр болған көздерінен түк тамбай.
Жебір ауыл жерді түгел жұтқандай,
Дүниеге қарай алмас сұқтанбай.
Өр уақытта жүрер өні талаурап,
Өрт сөндіріп жаңа гана шыққандай [12,252].*

Айналасына жылы шуағын жайып жүретін ақ пейілді адамдардың да іс-әрекеті мен мінезі градациялық теңеулерден әсем көрініс тапқан.

1. *Өр уақыт жаным аптақ қарлы шыңдай,
Жүрегім жұртқа адал таң құсындай,
Жарылқап жүрсем деймін жалпы жұртты
Атаның ақ тілеулі алғысындай [13,133].*

2. *Кездессе де кезеңі өмір ақшамдай
Достарымның көңіліне дақ салмай,
Тек жүрегім қалса болды ақ қардай,
Тек мінезім қалса болды мақпалдай[14,23].*

3. *Көңілің жомарт кең даланың күзіндей,
Сының өткір алмас қылыш жүзіндей.
Жырың тәтті бал шырынды жүзімдей,
Сөз қырманьң таси берсін үзілмей [15,58].*

Ақын өлеңдерінде табиғаттың әсем бір көрінісі градациялық теңеумен өте әсерлі етіп берілген.

*Толқиды Ақкөл аришын төсті сұлудай,
Тоқпақ жалды толқындары бұрымдай.
Түбі қайыр, жағалауы жалпақ құм,
Маған Ақкөл көрінеді Қырымдай [6,149].*

Деректі-дерексіз ұғымдар да градациялық тендеулерде бейнелі образ жасауға қызмет етеді.

1. Көп жыл сені таба алмай,
Ойда жүрдің махаббат,
Үркіп қашқан маралдай,
Қайда жүрдің, махаббат?

Жылдар бойы ерімей,
Тас боп қаттың, махаббат
Сарқырама селіндей
Жас боп ақтың, махаббат.

Қырда аунаған түлкідей,
Алдап қаштың махаббат.
Сылдыр-сылдыр күлкідей,
Арбап қаштың, махаббат [12,102].

“Махаббат” концептісі өлеңде түрлі ассоциацияға түсіп, қолға түспеген махаббаттың бейнесін ашуға қызмет еткен.

1. Сахараның сайран салып *желіндей,*
Жанартаудың жалын атып *лебіндей,*
Ұшса *жырым* жазғұтыры будақтап
Туған жердің алып жатқан *деміндей* [3, 92].

2. Кейде дана бабадай,
Кейде шала баладай.
Кейде зәулім шынардай,
Кейде балдыр шылаудай.
Кейде желдей зуылдап,
Кейде көлдей шымырлап,
Ұстаттырмай түйінін
Жатады ой иірім [15,60].

3. Күннің жарығындай,
Тірілік тамырындай,
Бір түйір дән,
Ыстықсың маған,
Жер-ошақ жалынындай [14,77].

4. Ақ күріш аппақ, кірсіз ажарыңдай,
Әр дәні талма түскі таза нұрдай,
Шоқылар шоғыр-шоғыр тізіледі
Дарияның сары бауыр сазанындай [15,25].

Сонымен градациялық теңеулер ақын өлеңдеріндегі заттың, нәрсенің қасиетін немесе айтылмақ ойды барынша үдете бейнелеу арқылы дүниеге келген. Олар үш мақсатта жұмсалған: 1) ер адамның портретін, мінезін көрсету мақсатында; 2) қыз, әйел-ананың мінезі мен әсем бейнесін әспеттеу мақсатында; 3) адам бойындағы жағымды-жағымсыз қылықтарды көрсету мақсатында; 4) деректі-дерексіз ұғымдардың бейнелі образын жасау мақсатында.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Қоянбекова С. Қазақ тілі экспрессивтік стилистикасының негіздері. / -Алматы: “КИЕ” лингвоәлтану инновациялық орталығы, 2007. - 392 б.
2. Қоңыров Т. Қазақ теңеулері. Алматы: Мектеп. 1978. - 192 б.
3. Мәуленов С. Шығармалар жинағы: 3 томдық. –Алматы: Жазушы. –Т. 1. Өлеңдер. -1982. - 480 б.
4. Мәуленов С. Жаңбырсыз күз. Өлеңдер. –Алматы: Жазушы, 1980. - 136 бет.
5. Мәуленов С. Шуақ. Алматы. Жалын, 1981. - 144 б.
6. Мәуленов С. Күзгі бұлттар: -Өлеңдер. –Алматы: Жалын, 1987. - 304 б.
7. Мәуленов С. Үш томдық шығармалар жинағы. Алматы: Жазушы. –Т. 2. Өлеңдер. 1983. - 464 б.
8. Мәуленов С. Шығармалар жинағы: 3 томдық. –Алматы: Жазушы. –Т. 3. Өлеңдер. -1984. - 488 б.
9. Уәли Н. Қазақ сөз мәдениетінің теориялық негіздері. Ф.ғ.докт. дәрежесін алу үшін жазған диссертациясы. А. 2007. - 330 б.
10. Мәуленов С. Ақшамның қызыл қанаты: Жыр кітабы. –Алматы: Жазушы, 1994. - 384 б.
11. Мәуленов С. Тау гүлдері: Өлеңдер. –Алматы: «Жалын», 1979. - 128 б.
12. Мәуленов С. Жалын. Өлеңдер. –Алматы: «Жазушы», 1979. - 272 б.
13. Мәуленов С. От пен су. Өлеңдер. «Жазушы» баспасы, Алматы - 1975. - 184 б.
14. Мәуленов С. Алтын тасқын: Өлеңдер мен поэмалар. Алматы: Жазушы, 1981. - 136 б.
15. Мәуленов С. Шуақ. Алматы. Жалын, 1981. - 144 б.

Резюме

В данной статье рассматриваются сравнения с приемами градации в поэзии С. Мауленова.

Resume

A comparison with the methods of gradation in S. Maulenov's poetry is discussed in this article.

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПСИХОЛОГИЗМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КАЗАХСКИХ И НЕМЕЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Г.С. Жусупова

*Казахский Агротехнический университет им. С.Сейфуллина,
г. Астана*

Необходимость сравнительно – типологического изучения литературного процесса уже давно не вызывает сомнения. Такое изучение позволяет выявить закономерности возникновения и развития типологических рядов, все вновь возникающих с развитием общества, литературного процесса. «Динамизм понятия общего типологического ряда проявляется не только в изменениях, возникающих в процессе исторического развития. Он проявляется также в широком диапазоне вариантов, в пределах одной литературной эпохи». (Неупоксева И.Г. О понятии общего типологического ряда // Контекст 1974г. – Москва, Наука, 1975г. Стр.185). «При изучении таких связей, а в более широком плане - взаимоотношений отдельных литератур, следует принимать во внимание политические отношения между государствами, уровни их культурного сходства и различия в складах мышления, в мировоззрениях, верованиях, образе жизни, даже во вкусах отдельных народов» (Конрад Н.И. Запад и Восток – М.1972г. – стр.294.)

Национальная психология – явление, проявляющее себя в совершенно разных сферах, на разных уровнях. Есть позитивное в проявлении национальной психологии, есть незыблемое (вне временной этической, временной нравственной оценки), но есть и негативное.

Метафорический язык у каждого народа свой. Красота, описание человека в художественном творчестве у одного народа не похожи на описание другого. Классические европейские метафоры и сравнения отличаются от восточных. Сравнение глаз, характера, натуры обусловлено теми природными реалиями, которые окружают человека Востока и Запада, природные условия, влияющие на формирования психического склада. Все эти, на первый взгляд незначительные детали – проявление, слагаемые национальной психологии, национального мироощущения.

Структура национального характера включает национальную психологию, где отражены архетипы коллективного бессознательного, культурные коды определенного народа, элементы национального быта, национальных обрядов и верований, просцирующих многие поступки персонажей, мысли, способы их выражения.

Мастерами психологического анализа как одного из приемов создания реалистического характера являются яркие представители казахской и немецкой литературы, такие как Т. Ахтанов, Б. Момыш-улы, А. Зегерс, Э.М. Ремарк. Психологический анализ души человека в литературном творчестве был разработан именно этими писателями, психологизм писателей дал несколько точек зрения в структуре текста на героя. Эту веху художественной мысли наследуют и развивают писатели в своих произведениях. С большим знанием темы подошло к роману целое поколение казахских писателей, пришедших в литературу с войны. Произведениям этих писателей присуще глубокое художественное своеобразие, выражающееся в национальном духе характеров его героев, рожденных на национальной почве. Если говорить о том новом, своем, что внесли казахские писатели Т. Ахтанов и Б. Момыш-улы в тему, то это прежде всего конкретное изображение изменений, какие внесло время в казахский национальный характер в момент наивысшего проявления его духовных сил. Отсюда их творческий метод – углубленный анализ героев в новых для них исторических обстоятельствах. Принципиальным завоеванием явилась детальная разработка духовной связи коллектива и личности, когда человек в той обстановке раскрывается перед лицом массы в самой сути своего нравственного облика.

Б. Момыш-улы показал себя талантливым мастером лепки человеческих характеров. Целью психологического анализа в произведении писателя является отражение гаммы чувств, настроений, состояний героя, что дает художнику возможность обозначить контуры его психической конституции. Раскрывая внутренний мир человека, писатель предоставляет читателю возможность самому делать конечные выводы и определять свое отношение к персонажу.

Основным средством психологического анализа в произведении писателя является самоанализ, включающий в себя элемент авторской оценки или пояснения. Самоанализ отражает психологические процессы, связанные с осмыслением и оценкой персонажем каждого совершенного им или нереализованного поступка, анализом своих мыслей и чувств, осознанием своей роли в обществе и назначения в мире. Посредством самоанализа автор стремится отразить происходящую в его душе борьбу страстей.

Чтобы показать многогранную личность главных героев и раскрыть характеры других персонажей, писатель использует целый ряд приемов и средств психологического анализа. Внутреннее состояние героя отражается автором иногда через внешние факторы: портрет, мимику, жест. Автором созданы образы большой эмоциональной выразительности. Каждый образ нарисован ярко, выпукло очерчен, индивидуален, показан в движении. Исключительную роль играет портрет множества, воинского коллектива, придавая произведению эпическую широту. Масштабность изображения достигается также за счет введения исторических лиц и создания крупных характеров. (генерал Панфилов)

В повести «За нами Москва» Б.Момыш-улы повествуется о военных событиях осени 1941 года, когда гитлеровские полчища рвались к Москве, об отступлении и боях на Волоколамском шоссе. Батальон, которым командовал Момыш-улы, входил в дивизию генерала Панфилова. Касается автор и событий на разъезде Дубосеково; они встают перед нами символом верности воинскому долгу, мужества, духовного величия тех воинов, которые отстояли Москву.

Повесть «За нами Москва» отличается ясным, лаконичным языком, точностью характеристик, емкостью образов. Особенно запоминается начало повествования: отрывистые сжатые фразы об отступлении батальона через Волоколамск зримо передают и уверенное движение батальона, и разноречивые чувства покидаемых жителей, и сдержанную боль автора. Повесть во многом обогащает казахскую прозу новым поворотом темы Великой Отечественной войны, конкретностью изображения обстановки, в которой действовали герои. Б.Момыш-улы рассказал о фронтовых друзьях, о себе, ничего не прибавив, ничего не утаив, правдиво, увлекательно, мастерски.

Творческому методу Т.Ахтанова свойственна привязанность к психологическим мотивировкам действий героев, истоки которых раскрываются во взаимоотношениях действующих лиц. Две сюжетные линии, связанные воедино, ведут действие: история нравственного роста положительных героев и история падения эгоиста, морально нечистоплотного человека, который в конце концов становится предателем и дезертиром.

Показывая развитие их характеров, духовный рост, Т. Ахтанов в неторопливом повествовании ставит их в сходные обстоятельства, и это позволяет ему показать, как по-разному проявляется в человеке то, что было воспитано в нем прежде. Т. Ахтанов неоднократно сопоставляет своих героев, чтобы глубже раскрыть их психологию. Ему интересно даже в общей массе остановить свой взгляд на отдельной фигуре, рассмотреть ее детально.

Писателю-реалисту важно раскрыть психологические, порой даже бытовые мотивировки поступков действующих лиц. Примечательна манера автора в обрисовке героев. А главное, писатель не отрывает своих героев от родной земли, которую они защищают: его герои мысленно возвращаются к прежней жизни, вспоминают ее. Не навязчиво, психологически тонко раскрывает писатель эти глубокие связи героев с народом и достигает в таких эпизодах особой полноты изображения. Такие видения и воспоминания героев появляются каждый раз в решающий момент, за которым следует героический подвиг.

Т. Ахтанов показал трудовые военные будни памятной осени первого года войны. Для каждого его героя это было своеобразным испытанием на стойкость. Давая точный психологический рисунок характеров, автор стремился вникнуть в духовный мир своих героев, найти психологическую аргументацию их действиям и порывам, уловить движение и характер души, раскрыть глубинную суть образа.

Роман Т. Ахтанова «Грозные дни» - это «отчетливо выраженный военный психологический роман». Писатель мастерски создает портреты своих героев. Молодые командиры Ержан, Мурат Арыстанов, простые солдаты Кожек, Картбай, Добрушин, Зеленин, медсестра Раушан – эти и другие герои запечатлелись в сознании читателя не только благодаря своим поступком и действиям, но и своими портретными данными, которые определяют характер человека. Внешние данные героев романа удивительно гармонируют с их внутренним миром.

Роман посвящен событиям под Москвой осенью 1941 года. В нем рассказывается о подвигах прославленной дивизии. За многими героями романа легко угадываются конкретные люди – Панфилов, Клочков и т. д. В центре романа – история становления и формирования молодых командиров, превращения в храбрых солдат простых людей, история медсестры, ее трудного счастья и героической гибели. Романиста прежде всего интересует духовный рост героев на войне, он стремится показать те конфликты и события, которые являются решающими в этом процессе. Творческому методу Т. Ахтанова свойственна привязанность к психологическим мотивировкам действий героев, истоки которых раскрываются во взаимоотношениях действующих лиц. Две сюжетные линии, связанные воедино, ведут действие: история нравственного роста положительных героев и история падения эгоиста, морально нечистоплотного человека, который в конце концов становится предателем и дезертиром. Писатель психологически тонко рисует отталкивающий образ штабного офицера Уали Молдыбаева. Параллельно с ним проходит еще один персонаж: это Добрушин, который в начале готов был предать посланных с ним в разведку солдат, но потом, что-то шевельнулось вдруг в груди, что предотвратило роковой шаг. Встреча с мальчиком, который вывел их к своим, совсем изменила Добрушина, и его смерть в поединке с танком воспринимается как убедительное свидетельство его нравственного возрождения.

Военные романы Б. Момыш-улы и Т. Ахтанова раскрыли тему войны в новых для казахского романа традициях глубокой психологической наполненности повествования. Писателям удалось показать развитие национального характера, борьбу высоких идеалов, глубоких чувств против устаревших взглядов, представлений, привычек.

Разные задачи, которые ставят в произведениях писатели – показать сложный процесс духовного становления героя, процесс взросления, испытания уже сложившихся характеров в исключительных обстоятельствах – требует для их решения использования определенной системы взаимодействующих между собой средств и приемов психологического анализа.

Анну Зегерс знают прежде всего по ее замечательным романам «Седьмой крест» и «Мертвые остаются молодыми». Эти большие многоплановые повествования, взятые вместе, образуют летопись германской жизни почти за полвека, и мимо нее не может пройти ни один серьезный историк, ни один

вдумчивый читатель, который хочет яснее увидеть пути и судьбы немецкого народа в прошлом столетии.

А. Зегерс – художник социальный. Борьба трудящихся против эксплуататоров всегда в центре творческого внимания Зегерс, эта тема по-разному преломляется в ее произведениях. И в то же время А. Зегерс – художник-психолог. Ее привлекает внутренняя жизнь людей, даже и самых скромных, неприметных, она всматривается в их душевные движения, скрытые от посторонних глаз. По ее словам, «автор и читатель – союзники: они вместе стараются отыскать истину» (Anna Seghers, Vorwort, in: Die Rettung, Berlin, 1951, S.6) Истина, которую А.Зегерс стремится отыскать вместе с читателями- это не только познание тех или иных фактов общественного бытия. Ее живо занимает истина нравственная – основы и принципы человеческого поведения. Писательницу как художника остро волнуют этические первоосновы человеческой жизни, такие понятия, как совесть, солидарность, справедливость. Назначение человека, его взаимоотношения с ближними, его обязанности по отношению к своей стране, обществу, обязанности, не только продиктованные извне, но и добровольно взятые на себя, - все это вопросы, которые ненавязчиво и настойчиво ставятся Анной Зегерс, обдумываются, решаются ее героями.

Художественный мир Анны Зегерс – движущий мир. Ее живейшим образом занимает и то, как преломляется большое в малом, крупные исторические сдвиги в частных судьбах людей, и те невидимые душевные движения, от которых нередко зависят человеческие поступки. Ее занимает и движение в прямом смысле слова – перемещение людей в пространстве. Можно сказать, что романы Зегерс кинематографичны по своей художественной природе.

Посредством тончайшей психологической рентгенографии романистка проникает в затаенные мысли то одного, то другого из своих персонажей. Так складывается синтетическая картина настроений немцев из различных общественных слоев в условиях гитлеровского господства. В «Седьмом кресте» наиболее отчетливо сказалось замечательное умение Анны Зегерс показывать людей в нерасторжимом единстве личного и общественного, ставить острые политические вопросы времени, обращаясь к частной, будничной жизни широких слоев народа.

Анна Зегерс, мастер человековедения, изображая множество разнообразнейших характеров и судеб, помогает понять суть сложных социальных процессов, дает увидеть, что творилось в сокровенных глубинах души народа в трудные периоды его истории, прочувствовав и пропустив все свои произведения через душу.

В романе «Седьмой крест» дана широкая панорама страны, и главные герои Гейслер и Валлау вместе с их друзьями – антифашистами становятся главной движущей силой романического действия. Сюжет романа построен необычайно

искусно: при всей его разветвленности, многоплановости, он отличается большой силой концентрации. Действие почти все время сосредоточено вокруг Георга. В ходе своих скитаний он встречает множество разных людей - и ставит каждого из них перед необходимостью выбора, решения.

Эрих Мария Ремарк – один из самых значительных немецких писателей XX века. Посвященные жгучим проблемам современной истории, книги писателя несут в себе ненависть к милитаризму и фашизму, к государственному устройству. Страстный антивоенный и антифашистский пафос, демократизм, выразившийся в глубокой симпатии к фронтовым солдатам, к тем, над чьей жизнью нависла угроза смерти, вера в человека и его достоинство – все это делает лучшие произведения писателя образцами немецкой прозы XX века.

Автор в своих романах стремился проникнуть в духовный мир своих героев, найти психологическую аргументацию их действиям и порывам, уловить движение и характер души, раскрыть глубинную суть образа. Основные приемы изображения человека – это словесные поединки, внутренний монолог. В произведениях писателя можно видеть, как усиливается тенденция к психологическому раскрытию характера человека на войне. Внутренняя связь с национально-эстетическими традициями раскрываются в поэтизации духовного мира героя. Национальная поэтика выражена и в своеобразии сюжетных построений. Герой проходит через ряд испытаний и выходит из них еще более сильным и нравственно просветленным.

На войне как на войне. Рвутся снаряды, проливается кровь, гибнут люди. В орбиту безжалостной битвы двух систем, двух идеологий вовлечены и суровые воины, и безвинные дети, и женщины и старики. По этой стержневой канве выстроены в романах писателя многочисленные фронтовые события, эпизоды мирной жизни, столкновения разных характеров и судеб. Любовь, смерть, радость, горе, благородство и подлость, храбрость и трусость, достоинство и низость – все эти неизменные спутники человека нашли отражение и образное выражение в романах писателя. Однако в то же время в книгах Ремарка открываются перед нами правдивые картины буржуазной действительности. Мы видим живых людей, слышим их речь, следим за их судьбами, мыслями, ощущениями, сочувствуем их бедам и страданиям. И познавая этот чуждый нам мир, - а познание всегда необходимо, - мы в то же время находим в его многообразных проявлениях и прежде всего в том, как рассказывает о нем правдивый и чуткий художник, - близкие и дорогие нам черты живого человеколюбия. Так сила художественной правды преодолевает ограниченность сознания самого художника. Его книги становятся суровым обличем, обвинительным актом против уродливой буржуазной действительности. Писателя всегда интересовал внутренний мир человека, он стремился проникнуть в тончайшие области чувств, настроений, мыслей людей. Произведения Ремарка раскрывают жизнь человека, полную драматических переживаний, сильных эмоциональных порывов и

интеллектуально-психологических исканий. Автор стремится, как можно глубже анализировать психологическое состояние героя в основные моменты его жизни, чтобы показать, как он расстается с иллюзиями и надеждами. Духовный мир героев Ремарка очень сложен. Их психология полна контрастов и противоречий. Противоречивые чувства часто объединяются в единый поток, который становится основой их бытия, определяет их поступки, чувства и мысли.

Литература о войне как казахская так и немецкая всегда пользовалась неизменным читательским интересом и уважением. Вот уже больше полвека военная проза расшифровывает трагические метафоры произведения тех лет. Великая Отечественная война оставила неизгладимый след в памяти народа. Поэтому не случайно тема войны была и остается одной из ведущих в литературе и в наши дни.

Годы войны внесли в сферу психологического анализа немало специфичного, вызванного особыми задачами, вставшими перед литературой этого времени. В это время в литературу пришло славное поколение писателей – фронтовиков. В основу их произведений лег личный фронтовой опыт, ведущим жанром бала избрана повесть с ее сосредоточенностью на исследовании внутреннего мира человека, локальностью в изображении событий и строго индивидуальным авторским хронотопом. В центре внимания прозы оказываются испытания духа и воли, анализ мыслей, чувств и переживаний маленького человека на большой войне. Новые качества романа – это аналитическая основа в соединении с психологическим раскрытием общественных взаимоотношений. Изображение военного опыта народа оценивается в свете современных требований. Писателей привлекает изображение человека на войне, в его ратном деле, и главное – обогащение духовного опыта народа в момент наивысшего подъема его патриотических сил, героических традиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахтанов Т. «Грозные дни», роман. - Алма-Ата, 1958. - с.56-58, 279-280.
2. Момыш-улы Б. «За нами Москва», повесть. - Алма-Ата, 1960. - с. 36-38.
3. Джунаньшбеков, Н. Тахави Ахтанов. - Алматы, 2004. - с. 3-6.
4. Кедрина З. «Своей дорогой». - Вопросы литературы, 1958. - с. 60.
5. Мирошкин В.Д. «Нравственно-психологические аспекты современной прозы о Великой Отечественной войне». - Москва, 1990. - с. 10-15.
6. Неупокоева И.Г. О понятии общего типологического ряда // Контекст 1974. – Москва: Наука, 1975. - с.185.
7. Конрад Н.И. Запад и Восток. – М.,1972. – с.294.
8. Мотылева Т.Л. Антифашистская проза сегодня, журнал «Иностранная литература». - М.,1986. № 10. - с.215-223.
9. Anna Seghers, Vorwort, in: Die Rettung, Berlin, 1951, S.6.
10. Э.М.Ремарк «Время жить и время умирать», роман. - М.,1979.

Түйіндеме

Берілген мақала қазақ және неміс жазушыларының шығармаларында көркем проза психологизмінің ерекшеліктері айқын көрінетін шығармаларға сүйенеді. Жұмыс барысында генетикалық және салыстырмалы типологиялық зерттеу жұмыстары қолданылады. Мақалада қазақ және неміс психологиялық прозасының өзектілігін шығарма поэтикасының кешенді талдау жолымен анықтау міндеттері қойылып отыр. Зерттеу нысаны Б.Момышұлы мен Т. Ахтанов, А.Зегерс пен Э.М.Ремарк шығармалары болып табылады.

Resume

The given article is considered on the Kazakh and Germany writers' works, in the creative work who show features of psychological of the art prose brightly. The genetic and comparatively-standard research method has been used during the work. The task of the aspect determination of the Kazakh and Germany psychological prose with the help of complex analysis poet of the works is given in the article. B. Momysh-yly and T. Akhtanova's, A.Zegers and E.M. Remark works are being served as an object of researching.

УДК 82.091

**ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЖАНРОВАЯ
РАЗНОВИДНОСТЬ РОМАНА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ****К постановке проблемы****Д.Т. Исмаилова**

Кокшетауский университет

В 60-70 годы XX века в литературе явственно ощущается попытка первостепенного обращения к нравственным проблемам современности, что в свою очередь расширяло философские горизонты и психологическую глубину разработки характеров. Немало тому способствовал и выход на литературную арену нового поколения писателей. Одним из существенных факторов развития литературы центрально-азиатского региона явился, на наш взгляд, рост национального самосознания. Тогда это проявилось, в частности в издании книги О. Сулейменова «Аз и Я», в развитии исторического романа (в творчестве таких писателей как Абдижамиль Нурпеисов, Ануар Алимжанов, Абиш Кекельбаев, Ильяс Есенберлин, Адъл Якубов, Пиримкул Кадыров). Новые принципы историзма, свидетельствовавшие о росте национального самосознания, раскрываются в написанном в 60-е годы, но не увидевшем свет в силу идеологической цензуры,

весьма показательном романе Тугельбая Сыдыкбекова «Голубой стяг», в развитии так называемого «мусульманского крыла» прозы.

Вместе с тем, усложнение жизни земного сообщества накануне XXI столетия, проявившиеся кризисные явления социальной и национальной жизни, глобальные проблемы современности экологического, энергетического, этнического характера приводят писателей, культурологов, философов, психологов к поискам новых философско-исторических и психологических концепций мироздания, к стремлению глубже проникнуть в сокровенные тайны человеческой души. В.М. Жирмунский в свое время справедливо заметил: «Эволюция стиля как системы художественно-выразительных средств или приемов тесно связана с изменением общего художественного задания, эстетических навыков и вкусов, но также – всего мироощущения эпохи» [1]. Мироощущение эпохи, особенности художественного мировидения отражаются в жанрово-стилевой характерности прозы Средней Азии и Казахстана 70-90-х годов двадцатого века.

Киргизский литературовед Ч.З. Мамытбекова, анализируя творчество Ч. Айтматова, Л. Алимжанова, Т. Зулфикарова, Т. Пулатова, Р. Эсенова, отмечала: «Названные писатели внесли значительный вклад в обогащение романного жанра в современной литературе. В их творчестве представляются разные жанровые модификации романа, от социально-философского романа-притчи до романа с ярко выраженным детективным началом. Богатство форм романов, разнообразие их тематики, многопроблемность, насыщенность философским содержанием, позволяет провести анализ конкретной жанровой поэтики каждого романа в его национально-исторической определенности и психологической глубине [2].

В 90-х годах XX в литературоведении появились работы, отмечавшие, что закономерности развития литературы Центральной Азии позволяют выделить в особую разновидность наряду с другими жанровыми формами философско-психологический роман, доминантами которого являются два структурообразующих начала: постановка субстанциональных проблем бытия с одновременным углубленным интересом к «родовым» психологическим характеристикам человека. Намеренно стараясь избежать механистический утвердившейся в публицистике прошлой эпохи формулы «...Средней Азии и Казахстана», мы хотели внести в понятийный контекст вслед за утвердившейся формулой «центрально-азиатская» литература другую формулу» литература «евразийская», которая в культурно-политическом отношении может рассматривать как выражение этнокультурной и геополитической целостности общепланетного, цивилизационного порядка – евразийского национально-культурного и, одновременно, геополитического континента.

Диалектически взаимосвязанные структурообразующие элемента философско-психологического романа обусловили целый ряд особенностей

его поэтики, проявляясь, в свою очередь, на самых различных уровнях произведения, начиная с языка и кончая самыми общими «архитектоническими особенностями» [3].

Необходимо отметить и новый уровень художественного мышления евразийских писателей, проявившийся в философской художественной литературе, в эстетическом воссоздании многомерных связей человеческой личности с макромиром. В свое время, осмысление идейно-эстетических традиций восточной литературы западноевропейской общественной мыслью, в том числе поэзии центрально-азиатских поэтов (Саади, Хавиза, Руми, Джами и др.) привело к стремлению осознания закономерностей мирового литературного процесса, к возникновению понятия всемирная литература, введенного в научный обиход Гете, после знакомства с диваном Хафиза в переводе Хаммера Пуршталя.

На новом витке стадионального развития культуры, в XX веке центрально-азиатские писатели, обогащенные эстетическими традициями всемирной литературы, опираясь на народно-поэтические основы и общечеловеческие гуманистические ценности, создают философско-психологические произведения, вбирающие в себя многовековой опыт развития мировой культуры и науки. Исследователи, анализируя исторический путь центрально-азиатской литературы, отмечали «включение художественных достижений данного региона в мировой литературный процесс новейшего времени было и поздним и затруднительным». Обращалось внимание на то, что «дело разумеется, не только в замкнутости этого грандиозного поэтического мира, но и в его специфичности, которая не могла не иметь продолжение, во всяком случае, в том виде, в котором она сложилась. В XIX веке художественное сознание народов Средней Азии, для своего успешного развития, должно было на первых порах «порвать» с этой традицией и войти в идейно-эстетический мир классической русской поэзии и прозы, соприкасаясь, а затем и входя через него в мировую культуру. Идея народа, выдвинутая русским реализмом, своим демократическим, общественным, гуманистическим содержанием как бы отражала художественное сознание от «разгула» индивидуализма, столь характерного для данного времени.

Таким образом, по общему мнению, пусть в самой общей форме можно констатировать наличие трех этапов эволюции поэтического сознания, связанных с развитием социально-экономических формаций и сосредоточенных в определенных региональных «центрах», обладающих общечеловеческой новаторской эстетической энергией: 1. Феодалный строй, Восток, идея Человека; «разомкнутый в будущее» гений, вбирающий достижения предшествующей культуры и намечающий качественно новые пути художественной мысли (Алишер Навои). 2. Буржуазный строй, Запад (точнее, Европа), идея Личности (Шекспир). 3. Россия, идея Народа, несущая

в себе возможность нового подъема общественного и нравственного сознания (Пушкин, Толстой). Классическая литература XIX века и далее, обогащенная общемировым художественным опытом, способствовала развитию национальных литератур на путях народности и реализма [4].

Представляется, что в самом общем типологическом плане литературоведом достаточно точно очерчены закономерности развития центрально-азиатской литературы в контексте мирового историко-культурного процесса. Вместе с тем, в двадцатом столетии литература данного региона прошла интенсивный путь, приведший к концу столетия к новому уровню художественного мышления, до конца еще не осмысленного современным литературоведением.

Художественное своеобразие литературы 70-90-х годов XX века обусловлено закономерностями развития литератур и ее связями с другими формами общественного сознания и видами искусств. Поэтому постановка проблем, связанных с пониманием сущности человека и его взаимоотношений с миром является основой изменения жанровых структур.

В самых различных жанрах прозы писатели центрально-азиатского региона плодотворно используют формы и средства художественного психологизма, наработанные мировой литературой для воссоздания человека и национальной культуры в контексте мировой цивилизации и исторической перспективы.

В 80-е годы прошлого столетия литературовед Т. Мотылева заметила: «принято считать, что литература XX века привнесла с собою повышенное внимание к человеческой личности, усовершенствовала инструмент психологического анализа. И это на самом деле так. Однако не будет парадоксом сказать, что наиболее весомые открытия в исследовании внутреннего мира человека сделаны теми писателями, кругозор которых не ограничивается этим внутренним миром. Познание человека в конкретно-историческом контексте, идейно-эмоциональная оценка человека в свете прогрессивных тенденций времени – все это углубило искусство психологического анализа, придало ему новые измерения» [5]. Это утверждение в полной мере можно отнести к центрально-азиатской литературе конца двадцатого века, вышедшей на новый качественный уровень своего развития. Примечательно, что и М.Бахтин, размышляя о судьбе эпических жанров, отмечал: «Эпическое прошлое», и роман, отвергающий мир эпического предания и создающийся, в противовес классического эпоса, «в зоне непосредственного, живого контакта с современностью» являются двумя крайними, противоположными жанрами... Изображать событие на одном целостно-временном уровне с самим собою и со своими современниками (а следовательно, и на основе личного опыта и вымысла) – значит совершить радикальный переворот, переступить из эпического мира в романый [6].

Центрально-азиатская литература прошла ускоренный путь от мифологических и эпических сказаний, концепций личности, характерных для

Средневековья и эпохи Возрождения, к просветительской концепции социального человека и идеи народности, и далее к осознанию глубины и многомерности человеческой личности в самых широких природно-социальных, исторических и планетарных контекстах. В XX веке, обогатившись идейно-эстетическими традициями мировой литературы, романная форма развивалась от романа-эпопеи к социально-психологическому, а затем и к философско-психологическому роману. Заметим, что это является характерной чертой всего мирового литературного процесса. Вместе с тем, в различных национальных литературах данная жанровая форма имеет свои специфические черты, определяемые этапами историко-культурного развития, фольклорно-литературными традициями, эстетическими навыками и особенностями мирозерцания писателей и читателей той или иной страны.

Современное общественное сознание в странах бывшего социалистического лагеря направлено на отказ от многих догм и стереотипов, утвердившихся за десятилетия советской эпохи, на поиск национальной идеи путей социально-духовного развития в эпоху глобализации. Данный принцип должен быть исходным и при переосмыслении узловых философских, нравственно-эстетических проблем, сопряженных с необходимостью пересмотра подходов и решений вопросов взаимоотношений личности и современности, прошлого и будущего.

Философский потенциал центрально-азиатской прозы рубежа тысячелетий значительно увеличился. Вместе с тем, изменяются, становятся разнообразнее и принципы изображения человека, формы и средства создания психологического мира произведений. В самых различных разновидностях романа Центральной Азии можно найти весьма разнообразные принципы построения характеров, формы и средства психологизма, сюжетно-композиционные структуры, условные формы служащие философскому осмыслению описываемых явлений и событий. Среди таких работ можно назвать произведения Ч. Айтматова, А. Алимжанова, О. Даникеева, А. Нурпеисова, Т. Сыдыкбекова, Т. Пулатова, Т. Зулфикарова, А. Якубова, Акима Тарази, А. Кекильбаева, С. Санбаева и многих других значительных представителей этого масштабного литературного региона. Однако произведений, которые можно отнести к собственно философско-психологическим романам, с присущими ему характерными чертами и особенностями, в последней четверти XX века появилось не так уж много. Наиболее ярко и контрастно жанровые особенности современного философско-психологического романа – если иметь в виду такую его доминанту как философско-историческая самоидентификация человека – проявились в 70-е и тем более 80-е годы в творчестве Ч. Айтматова, Т. Пулатова, Т. Зулфикарова. В последующие годы эта литературная традиция (а развитие этой романной линии стало новой традицией, устанавливающей корреляцию между региональным звучанием этой темы в прозе Центральной Азии с процессами в мировой прозе XX столетия) расширилась и упрочилась. Эти процессы и стали точкой отсчета,

которая могла бы помочь в какой-то мере установить общие и особенные черты историко-эстетической концепции художественной действительности в романистике этой (и, надеемся, последующей) литературной эпохи.

Осмысление философской, исторической, наконец, чисто художественной концепции человека и форм ее выражения в поэтике произведений – в контексте закономерностей развития мирового литературного процесса в центрально-азиатской прозе на отходе от XX века – позволяет ставить вопрос о евразийской литературе в суперрегиональном звучании дефиниции и, главное, рассматривать эту литературу (прежде всего романную прозу) как во многом единую художественную систему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жирмунский В.М. Задачи поэтики // Теория литературы. Поэтика. Стилистика. - Л., 1977. - с. 38.
2. Мамытбекова Ч.З. Жанрово-стилевое своеобразие романов русскоязычных писателей Средней Азии и Казахстана. Автореф. дис. канд. филол. наук. - Бишкек, 1992. - с. 5.
3. Койчув Б.Т. Особенности современного философско-психологического романа. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. - Бишкек, 1994.
4. Арутюнов Л. Находит себя и человечество // Поэзия народов СССР XIX – начала XX века. – М., 1982. - с.28.
5. Мотылева Т. Роман – свободная форма. - М., 1982, - с. 28.
6. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. - М., 1975, - с. 457.

Түйіндемe

Мақалада XX ғасырдың 70-90 жж. Орталық Азия әдебиетінің өзіндік ерекшеліктері қарастырылған. Философиялық - психологиялық романның жанрлық формаларының түсінігі берілген.

Resume

This article is devoted to the originality of Central Asia literature of 70-90-ths of the XX c The idea of genre forms of philosophical - psychological novel.

**ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ
КОНЦЕПЦИИ ЧЕЛОВЕКА В ПРОЗЕ
ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЖАНРА
70-90-Х ГОДОВ XX ВЕКА В ЛИТЕРАТУРЕ НАРОДОВ
СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА.**

Д.Т. Исмаилова

Кокшетауский университет

Центрально-азиатская литература прошла ускоренный путь от мифологических и эпических сказаний, концепций личности, характерных для Средневековья и эпохи Возрождения. К просветительской концепции социального человека и идеи народности, и далее к осознанию глубины и многомерности человеческой личности в самых широких природосоциальных, исторических и планетарных контекстах. В XX веке, обогатившись идейно-эстетическими традициями мировой литературы, романная форма развивалась от романа-эпопеи к социально-психологическому, а затем и к философско-психологическому роману. Появление и развитие философско-психологического романа является характерной чертой всего мирового литературного процесса. Вместе с тем, в различных национальных литературах данная жанровая форма имеет свои специфические черты, определяемые этапами историко-культурного развития, фольклорно-литературными традициями, эстетическими навыками и особенностями мирозерцания писателей и читателей той или иной страны.

Современное общественное сознание в странах бывшего социалистического лагеря направлено на отказ от многих догм и стереотипов, утвердившихся за десятилетия советской эпохи, на поиск национальной идеи и путей социально-духовного развития в эпоху глобализации. Данный принцип должен быть исходным и при переосмыслении узловых философских, нравственно-эстетических проблем, сопряженных с необходимостью пересмотра подходов и решений вопросов взаимоотношений личности и современности, прошлого и будущего.

Для исторического романа Центральной Азии 70-90-х годов характерен пристальный интерес к значительным событиям жизни народной, соотношение прошлого и настоящего сквозь призму исторической перспективы. Достаточно высокий уровень эстетической культуры национальных литератур позволяет писателям создавать характеры в социально-психологическом и культурном контексте описываемых эпох. Большинству произведений присущ героико-патриотический пафос. Человек в социальном мире и памяти народной стоит в центре исторических полотен писателей Центральной Азии 70-х-90-х годов.

Усложнение жизни земного сообщества накануне XXI столетия, проявившиеся кризисные явления социальной и национальной жизни, глобальные проблемы современности экологического, энергетического, этнического характера приводят писателей, культурологов, философов, психологов к поискам новых философско-исторических и психологических концепций мироздания, к стремлению глубже проникнуть в сокровенные тайны человеческой души.

Мироощущение эпохи, особенности художественного мировидения отражаются в жанрово-стилевой характерности прозы Центральной Азии 70-90-х годов двадцатого века.

Тенденции развития литературы Центральной Азии второй половины XX позволят выделить в особую разновидность наряду с другими жанровыми формами философско-психологический роман, доминантами которого являются два структурообразующих начала: постановка субстанциональных проблем бытия с одновременным углубленным интересом к «родовым» психологическим характеристикам человека. Эти два диалектически взаимосвязанных структурообразующих элемента философско-психологического романа и обуславливают целый ряд особенностей его поэтики, проявляясь, в свою очередь, на самых различных уровнях произведения, начиная с языка и заканчивая самыми общими архитектурными особенностями.

Можно утверждать, что к концу двадцатого века общественно-эстетическое сознание народов Центральной Азии выходит на новый уровень художественного мышления, проявившегося в философско-художественной литературе, в эстетическом воссоздании многомерных связей человеческой личности со средой, макромиром.

Художественное своеобразие прозы 70-90-х годов XX века закономерностями развития литератур и её связями с другими формами общественного сознания и видами искусств.

Центральноазиатская литература прошла путь развития от мифологического постижения мира, религиозного и гуманистического мировоззрения, характерного для единой художественно-эстетической системы классической центральноазиатской средневековой литературы к концепции социального человека и идеи народности.

В конце XX века писатели и ученые заговорили о «планетарном мышлении». Сегодня проблемы глобализации затрагивают самые различные сферы жизнедеятельности человека. С другой, способствуют индивидуализации мироощущения человека, отчуждению его от окружающего природно-социального мира.

Нравственно-философские искания, являющиеся основой литературы 70-90-х годов XX века, по прежнему, волнуют и побуждают к творчеству

писателей тех лет. В то время, как в современной культуре литература все в большей степени осмысливается с эстетической точки зрения – это прежде всего «игра» - искусство слова. Каким будет путь центрально-азиатских писателей, покажет время. Бесспорно лишь то, что лучшие произведения 70-90-х годов ушедшего столетия явились важным звеном в развитии национальных литератур на изломе веков.

Изучение литературных явлений, особенностей искусства слова на определенном этапе его развития невозможно без рассмотрения проблем жанрологии и литературного процесса, являющихся неразделимыми сторонами изучения литературы. Большая роль в изучении литературы принадлежит исследованию жанров, их системы и потому, что это способно пролить свет на диалектическое взаимодействие художественных традиций и новаторств. Жанровый подход к анализу литературного процесса позволяет выявить особенности и уровень развития той или иной национальной литературы и сопоставлении с другими литературами, обозначить объективные закономерности развития литературного процесса как многомерного движения искусства слова.

Современные центральноазиатские писатели строят национальную картину мира. Однако сегодня невозможно рассматривать ее вне мирового контекста культуры. Художники слова, обращаясь к главному предмету изображения – человеческой личности, пытаются выразить менталитет родных народов в пространствах истории и современности, стремясь внести свой вклад в осмысление великого таинства – смысла земного существования человека.

Современное художественное творчество стремится расширить знания, о человеке исследуя его как биосоциальное существо, стремясь проследить его многочисленные связи с окружающей действительностью. И здесь уже недостаточна та причинно-следственная детерминированность, которая была характерна для литературы XIX, а отчасти и XX веков; искусство слова уже не может ограничиваться психологическим анализом как единственным или ведущим принципом раскрытия человеческой сущности. Современной литературе нужен комплекс форм и средств, способствующих более многогранному познанию человека. Эту тенденцию литературного развития с неизбежностью ощущали как литературоведы, так и сами писатели.

Философско-психологические романы писателей, при всем различии поэтики, вытекающей из их жанровой определенности. Особая роль отводится условности, метаморфичности письма, этому способствует широкое использование мифологических и притчевых структур, литературных реминисценций.

Роль философско-психологической идеи определяет особую роль авторского сознания и форм повествования, своеобразное сюжетно-композиционное построение, когда в сравнительно небольшой объем произведения включается большое жизненное и философское содержание,

выходящее за пределы конкретно описываемых событий и поднимающееся к обобщениям общечеловеческого масштаба и характера.

В литературоведении почти общепризнанно, что наиболее полное выражение проблемы взаимоотношений человека и бытия, а значит и «идеи времени», находят в романной форме.

Исследования многих ученых, среди которых можно отметить труды В.Г. Гегеля, В.Г. Белинского, А.Н. Вознесенского, М.М. Бахтина, Н.К. Гея, Г.Н. Поспелова, В. Днепровы, Д. Затонского, А. Чичерина, Б. Сучкова, В.Кожина и др. доказывают, что роман возник в то время, когда человек осознал самоценность личности и нетождественность окружающему миру.

Таким образом, жанровое «ядро» романа включает в себя две составляющие: личность и мир, которые в романном миропонимании связаны многообразными отношениями. Художественная идея в романе ориентирована на освоение полноты человеческого бытия. Вместе с тем, в романе, по определению Гегеля: «многообразный материал и содержание проявляются в пределах индивидуального события – это и составляет центр всего».

Человеческая личность и окружающий мир, их взаимоотношения, смысл жизни всегда были в центре романских форм. Именно это определяет их живучесть и в то же время изменчивость. Ведь взгляды на мир, понимание человека, его предназначения не остаются неизменными, и те или иные художественные концепции того или иного времени лишь отражают понимание и стремление писателей к истине, путь к которой вечен, пока существуют люди.

К сожалению, с точки зрения генезиса и развития романного мышления эпическое наследие народов Центральной Азии недостаточно хорошо изучено. И это несмотря на то, это изучению лучших проявлений художественной классической литературы данного региона посвящали свои работы такие выдающиеся ученые как Н.И. Конрад, Е.Э. Бертельс, С. Брагинский, Ян Рипка и др. ученые отмечали особое место классической литературы Центральной Азии в истории восточной и шире – всемирной литературы. Так, например, литературовед Е.Э. Бертельс отмечал: «По ширине охвата жизненных вопросов, силе поэтического языка, фантастичности и мастерства психологического анализа произведения писателей данного периода занимали и занимают особое место в классической литературе Востока...»

Действительно, лучшие произведения восточной классической литературы стремились выразить взаимоотношения окружающего мира и человеческой личности, ее богатый внутренний мир, ставили вечные вопросы смысла жизни человека. Особое место среди них занимают эпические творения Низами, Хосрова, Дехлеви, Саади, Джами, Алишера Навои, Бабур и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель В.Г. Сочинения. Т. 14. Лекции по эстетике. Кн.3. - М., 1958.
2. Бучис А. Роман и современность. - М.: Советский писатель, 1977.
3. Джигитов С. Обретение новых традиций. - Фрунзе, Кыргызстан, 1984.
4. Арутюнов Л. Развитие эпических традиций в современной советской литературе // Взаимодействие литератур и художественная культура развито социализма - М.: Наука, 1981.
5. Ауэзов М. Айтыс // Собрание сочинений: в 5. - М.: Художественная литература, 1975.
6. Баруздин С. Уроки нравственности: о творчестве Тимура Пулатова // пулатов Т. Жизньписание строптивного бухарца: Роман. Повести. - М., 1983.
7. Климантович Н. Тимур Зульфикаров. Поэмы странствий // Новый мир, 1982. №1.
8. Иванова Н. Поэтика сравнений в казахской литературе // Русская речь, 1984. №4.
9. Есенов А. Психологизм современной прозы. На материале творчества Ч. Айтматова. - Алматы: Жазушы, 1985

Түйіндеме

Берілген мақалада осы не басқа да ұлттық әдебиеттің ерекшеліктері мен даму деңгейін анықтауға және басқа әдебиеттермен салыстыруға мүмкіндік беретін әдебиеттік үрдістердің талдауына жанрлық тәсілдері қарастырылған. Соз өнерінің қозғалысы ретінде әдеби үрдіс дамуының заңдылықтары бақыланған.

Resume

In this article are depicted the genre approaches to the analyses of literary process, which let to reveal the peculiarities and levels of this or that development of national literature and to compare them with other literatures. Follow the rules of literal process as multivariate motion of the word skill.

К ВОПРОСУ ОБ АЛГОРИТМИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМ

К.К. Каримова

*Павлодарский государственный университет
им.С.Торайгырова*

Долгое время считалось, что национально-этнический компонент присутствует в основном в предметах материально-фактологического характера. Свидетельством тому являются исследования, посвященные проблемам сохранения различных компонентов национального колорита при переводе на другой язык. Со временем развитие лингвокультурологии привело к осмыслению того факта, что национально-культурный компонент присутствует имплицитно и в речеповеденческих лингвокультурах и в лингвокультурах аксиологического характера.

Таким образом, проблема трансформации национальной образности в процессе перевода приобрела новую направленность и актуальность. Современное развитие теории переводоведения и лингвокультурологии обусловили значительное преимущество прямого перевода перед опосредованным переводом. Наличие эквивалентов можно рассматривать лишь как доказательство наличия в семантике каждого языка универсальной части, некоего «общего семантического пространства», которое на наш взгляд все-таки не может считаться идеальным. Подобно тому, как в культуре каждого народа есть общечеловеческое и этнонациональное, так и в семантике каждого языка есть отражение универсального компонента культур и своеобразия культуры конкретного народа, который обусловлен единством видения мира людьми разных культур. В любых культурах говорящие нуждаются в различении субъекта действия и его объекта, предмета и признака, тех или иных временных и пространственных отношений. Межкультурная универсальность проявляется в том, что все языки различают вопросы и ответы, модальные и эмоциональные оценки говорящими того, о чем идет речь. Межкультурная общность человеческого видения мира обусловила антропоморфную концепцию универсальной картины мира. Во всех языках обозначения абстрактного и идеального в своих истоках восходят к обозначениям конкретного и материального. В разных культурах человек называет новое с помощью прежде созданных имен – метонимически, метафорически, сужая или расширяя их семантику.

Так, например, почти во всех культурах люди сочетаются браком, и вновь приобретенные родственники получают свой статус. Известно, что

казахские термины родства отличаются большей детализованностью и представляют собой устойчивые образования, которые обладают нейтральной стилистической окраской. Согласно исследованию М.Ш. Сарыбай, их общее количество составляет тридцать шесть наименований [1]. Только в казахском языке существуют обозначения для каждого члена семьи согласно его статусу. Отдельные наименования имеют члены семейного клана соответственно родовому генеалогическому дереву, иерархическому положению, а также по принадлежности к мужской или женской линии. В отличие от казахской терминосистемы родства, английская значительно меньше (21 наименование). Известно, что в английском языке все родственники, приобретаемые «по закону», так и называются: «relatives-in-law». Так, например, старший брат мужа, младший брат мужа, муж сестры жены, муж старшей сестры и муж младшей сестры – все это обозначается одним словом – *brother-in-law* – «брат по закону». Тот же постфикс присутствует в обозначении родственных связей по женской линии и по линии приобретенных родителей мужа или жены. Так как термины родства эксплицируют характерные для любого этноса семейно-родовые отношения, следовательно, родство – не только социальное, но и историко-этническое понятие, т.к. его развитие обусловлено не только всеобщими закономерностями, но и бытом, культурой, моралью того или иного этноса. Термины родства служат для обозначения двух типов родства: определенного реального когнационного родства (т.е. родства в результате генетических связей) и определенного реального матримониального родства (т.е. родства в результате юридически закрепленного заключения брака).

Таким образом, такой диапазон генетических и матримониальных связей не может не вызывать трудности в процессе перевода. Рассмотрим некоторые примеры:

Тонткекеннің жиенімін деп тұр гой! – десін, Абайдың нағашыларын есіне алысты [2, 12 б.].

Ну, конечно, в нем течет кровь Шаншар. Сразу видно, что он внук Тонткекена! - наперебой заговорили вокруг [3, с. 32].

“Why, of course, there’s Shanshar blood in his veins! One can see at once that he’s the grandson of Tonteken!” [4, p. 32].

В данном примере переводчик использовал прием конкретизации. «*Нағашылар*» - то есть родственники по материнской линии, конкретизированы названием рода Шаншар. Таким образом, лексическая трансформация не нарушила общего семантического содержания оригинала, делая ее понятной для иноязычного читателя. Вместе с тем, как явление окказиональное, она не смогла сохранить национально-окрашенную единицу. Так как, «*нағашылар*» - это не просто родственники по материнской линии, это – целый концепт, включающий в себя свои правила поведения, моральные установки и, в некотором плане, материальную обязанность перед племянниками «*скиен*». Кроме того, как видно из

примеров, и в прямом и в опосредованном переводе произошла грамматическая трансформация – одно предложение оригинала разделилось на два в переводе.

Известно, что в 2007 году вышел современный перевод произведения «Абай жолы», выполненный А.Кимом. В современном переводе, автор использовал прием экспликации, что позволило читателю понять, что речь идет именно о родственниках по материнской линии:

Перебрали многих родственников по материнской линии, записных острословов. Вспомнили и про самого знаменитого, Тонтая [5, с.18].

В казахской лингвокультуре широко распространено условное родство (әкелес іні ‘младший единокровный брат’) и искусственное родство (өкіл күйеу, кіндік бала, бесік куда). Например:

- *Өкіл күйеуі шын күйеу емес, тамыр есепті нәрсе.*

- *Онда «тамыр» деп неге аталмайды?*

- *Тамырлық құрбылас кісінің арасында болады. Ал жасы үлкен кісімен жас жігіт тамырласам десе, кейде осылайша өкіл күйеу боп аталады [2, 112 б.].*

К сожалению данный эпизод не нашел своего отражения в переводе. Хотя, применив описательный способ, можно было донести до читателя эту лингвокультуру, так как это явление (естественно, немного отличное) существует и в русской и в английской культуре. Согласно казахским традициям, когда у новорожденного ребенка есть крестные родители, то такой ребенок называется гкіл бала – крестник. Соответственно - крестные родители «гкіл ата-ана». Как правило, крестными становились только состоятельные люди в степи, так как это обозначало в первую очередь, материальную ответственность за жизнь крестника во все значимые периоды жизни (шілде хана, тұсау кесер, құдалық и т.д.).

Как показало исследование, современный вариант перевода использовал прием транслитерации и описательный способ, что позволило данной лингвокультуре найти свое отражение в переводе.

- *Названный зять? Как это?*

- *А очень просто. Это не настоящий зять, а что-то вроде побратима – тамыра.*

- *Тогда почему тамыром его и не называть?*

- *Тамырами могут стать сверстники, но если человек, годами моложе, захочет стать побратимом старшего по возрасту, то, по обычаям нашим, он может быть только «өкіл күйеу» - названным зятем [5, с. 187].*

В следующем примере, при переводе терминов родства был использован неудачный аналог:

Жаңағы шешелерден басқа: жеңгелер, көрші үйлердің қатындары, бірін-саран тыста жүрген шал-кемпір, онан соң осы ауылдың барлық үйлерінен шығып, жүгірісіп келіп жатқан балалар бар [2, 9 б.].

Подошли многочисленные невестки и женщины соседних юрт, несколько старух и стариков, копошившихся поблизости; примчались со всех ног мальчишки [3, с. 29].

Girls and women from neighbouring yurtas, a number of old men and women flocked to the spot. Little boys came running as fast as their legs would carry them, and men, too, approached from all sides [4, p. 26].

В данном примере, объем значений лексемы «жесгелер» и лексемы «невестка» совпадает не полностью. Так, например, женге - обозначение жены старшего брата, может быть применено по отношению к женщине, являющейся женой любого другого старшего родственника, и к замужней женщине, старшей по возрасту, более или менее знакомой собеседнику, а в русском языке употребление слова «невестка», ограничивается определенной семьей. В опосредованном переводе жесгелер переведено как girls «девочки, девушки», что, на наш взгляд, является переводческим браком.

Немаловажную роль играет и широкое употребление терминов родства в качестве обращения. Термины родства являются самой многочисленной группой вокативов. Обычно говорящий называет собеседника согласно его иерархическому положению. Иногда также обозначение является единственно возможным, ибо выступает в роли эвфемизма взамен табуированного личного имени (құда, құдағи). В таких случаях актуализируется сема 'почтительность'.

В таком аспекте, особый интерес для исследования представляют слова, отражающие явления, специфичные для дореволюционного быта, например:

Бұлар бәйбіше, біз тоқал ғой... теңкі көрмекпіз ғой [2, 72 б.].

Вы - старшие, мы тоқал!.. Наша доля – терпеть унижения, сносить побои! [3, с. 97].

You're the seniors, and we – tokal. It's our lot to be humbled and beaten, isn't it?" [4, p. 130].

Лексема бәйбіше обозначает «старшая жена» - «бәй» - первая, главная, «біше» - женщина, жена, супруга, тоқал обозначает «младшая жена», выполняющая все хозяйственные работы, занимающая низшее положение в семейной иерархии, При переводе «бәйбіше» было использован описательный способ, однако, на наш взгляд, более корректным была бы актуализация семы «первая жена», хотя в некоторых местах романа встречается транслитерация со сноской в контексте. При переводе «тоқал» использован прием транскрибирования и дана сноска в контексте, что на наш взгляд способствует сохранению национально-культурной специфики оригинала.

Обобщив результаты анализа казахских терминов родства, мы пришли к выводу, что основным способом перевода является прием транслитерации с дальнейшей сноской в контексте, и описательный способ, что обусловлено индивидуальной номинацией каждого члена семьи, рода, клана по отношению друг к другу и, способствующей самоидентификацией среди других родов.

В процессе перевода, поверхностное знание культуры народа - носителя языка оригинала приводит к тому, что наиболее сложные части текста,

изобилующие языковыми единицами с национальной окраской, либо полностью опускаются, либо переводятся кратко и поверхностно. Так, например:

-*Уай, қатын, қазан котер мына қонаққа! – деп бұйрық етті* [2, 107 б.].

Эй, хатын, ставь котел гостям! – приказал он [3, с. 132].

“Khatin, prepare something for the guests! [4, p. 182].

Рассмотрим, какие приемы использовал переводчик для трансформации и были ли они оправданы? Так, для слова «қатын» была использована транслитерация, хотя в словаре имеется вариантное соответствие «жена, баба», то есть данный прием здесь неоснован. Во-вторых, выражение «казан ктерү» переводится «готовить пишу», а не «ставит котел гостям», что звучит искусственно даже, по-русски. В степи существовало представление, что нежданный гость – это гость от бога, и хозяин дома обязан встретить, накормить лучшим из имеющихся запасов и, если потребует, предоставить ночлег. Английский вариант «приготовь что-нибудь гостям» более точно передает содержание оригинала, за исключением слов «Khatin», и «something». Как уже отмечалось, хозяйева готовят лучшее, что есть в доме, а «something», переводится «что-нибудь», что не одно и то же. Как следует из анализа переводов, такой вариант вызывает ощущение неестественности речи. Использованный прием калькирования привел к искажению и денотативной и коннотативной информации, заложенной в оригинале.

В современном переводе, автор не раскрыл значение данного выражения, ограничившись несоответствующим оригиналу вариантом:

Вскоре обратился к жещнице, пахтавишей мутовкой сырный творог, и повелел: - Эй, жещница! Принеси им кумысу! Путь отведают... [5, с. 204].

В нашем понимании, степень трансформации должна быть обусловлена, с одной стороны, принципами декодирования (семантические, стилистические и прагматические нормы), с другой стороны, типом лингвокультуры и объемом сигнификативной информации, заложенной в ней и соответствовать нормам и узусу переводного языка.

Если прямой перевод содержит неточности, искажения, пропуски целых абзацев оригинального текста, а иногда и явный переводческий брак, то это не может не отразиться в опосредованном переводе.

Например:

Үлкен ақ үйдің оң жағына әкеліп, әжесінің жер төсегін жайлап берді де, шейіндіріп жатқызып, өзінің мол туштақ иізімен жауып, қымтап қойды [2, 35 б.].

Приготовив постель в правой части юрты, возле лежанки Зере, она молча уложила сына и укрыла его своей лисьей шубой [3, с. 58].

She arranged his bed in the right-hand side of the yurta, near the couch of Zereh, laid him down and quietly covered him with her fox fur-coat [4, p. 70].

В оригинале говорится, что Улжан приготовила постель в правой части юрты, расправив постель бабушки и укрыв своей шубой. То есть, «әжесінің

жер төсегі» - это никак не лежанка. Согласно словарной статье «лежанка – это длинный выступ (у печки, у стены) – для лежания [7, с. 322]. Понятно, что в юрте не могло быть никаких выступов у стены, тем более у печки. Более того, на наш взгляд, в слове *лежанка* присутствует пренебрежительная оценочность. Думается, что у бабушки Зере, матери самого Кунанбая, место для отдыха было особенно комфортным. Переводчик пытался использовать такой прием, как подбор аналога, который заключается в том, что подыскивается ближайшее по значению соответствие в переводном языке для лексической единицы оригинала, которое хотя и не полностью совпадает с исходным понятием, но имеет с ним значительное семантическое сходство. Однако в данном случае произошло искажение культурной исходной информации. Другими словами, при данной трансформации произошло изменение и плана содержания, и плана выражения, что мы рассматриваем, как переводческое несоответствие. В опосредованном переводе слово “*couch*” вообще не выдерживает критики. Во-первых, согласно словарной статье, данное слово переводится как «кушетка, тахта», что тоже не соответствует реальности. Во-вторых, оно совпадает по периферийным семам со словом «лежанка» как «место, где отлеживаются животные». Более корректным, на наш взгляд, является следующий вариант: *Having brought him to the right-hand side of The Great Yurta, she arranged his grandmother’s bed, put him down and carefully covered with her wide fur-coat. (Переведено нами). Пройдя на правую половину юрты, она расправила бабушкину постель, уложила его, заботливо укрыв своей большой меховой шубой. (Переведено нами).*

Однако далее в тексте мы можем наблюдать более точную трансформацию:

Будан басқа оң жақта, жер төсектің үстінде бала уатқан Зере бар [2, 69 б.].

Направо, на постели, разостланной на полу, сидит Зере, раскачивая коленом люльку своей маленькой внучки Камшат, дочери Айгыз [3, с. 94].

Однако в опосредованном варианте жер тсек переводится как «низкая кушетка или тахта»:

On his right, Zereh sat on a low couch and with her knee gently rocked the cradle of her granddaughter Kamshat, the daughter of Aigiz [4, p. 104].

В прямом и опосредованном вариантах перевода данного предложения, мы встретили еще один факт переводческого несоответствия: «*пушақ ишік*» – это *шуба из лапок животных, а не лисья шуба*. Такая одежда шилась из лапок любых животных (лиса, выдра, волк, соболь, заяц, енот) [7, с. 770].

Известно, что языковой материал в статике имеет несколько иные свойства, чем в динамике и, имеющиеся на сегодняшний день, в распоряжении переводчиков рекомендации, которые носят преимущественно лексико-грамматический характер, не вполне пригодны для перевода

лингвокультурологических единиц. Другими словами, лингвистический путь изучения перевода, безусловно, являясь необходимым, не является совершенным для решения многочисленных переводческих проблем. Как показал анализ, формальные трансформации, произведенные без учета сигнификативных коннотаций и фоновой информации, ведут к потере национально-культурной образности или даже к ее искажению.

На сегодняшний день существует несколько точек зрения по вопросу о существовании алгоритма действий переводчика при переводе художественного текста. Большинство склоняется к тому, что перевод не может быть осуществлен по строгим правилам. Тем не менее, анализ переводческих трансформаций лингвокультурем позволил нам построить следующий алгоритм работы над переводом. Мы не претендуем на исключительность или завершенность данного алгоритма, однако считаем, что он (алгоритм) может служить в качестве своеобразной стратегии действий переводчика при переводе национально-окрашенных единиц.

I этап: Определить тип лингвокультуры

II этап: Определить характер лингвокультуры

III этап: Выявить степень определяющего компонента семантической структуры той или иной лингвокультуры, требующего переводческого решения в данном контексте (денотат, коннотат, сигнификат).

IV этап: Определить функцию лингвокультуры в данном контексте (информативная, коммуникативно-регулятивная, прагматическая).

V этап: Выявить аналог/эквивалент/ в переводном языке, в соответствии с функцией и прагматической направленностью лингвокультуры, а также согласно нормам переводного языка.

VI этап: Определить способ и прием перевода лингвокультуры согласно вышеуказанным характеристикам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сарыбаева М.Ш. Система обозначения родства в английском, русском и казахском языках: дисс. к.филолн.: – Алма-Ата, 1991. – 214 с.
2. Әуезов М. «Абай жолы»: роман-эпопея. – Алматы: «Жазушы», 1989. Бірінші кітап, – 608 бет.
3. Ауэзов М. Путь Абая: роман-эпопея / Авторизованный перевод А.Никольской, Т.Нургазиной, Л.Соболева. – Алма-Ата: «Жазушы», 1977. – Т. 1. – 600 с.
4. Auezov M. Abai. A novel, book one. Foreign Languages Publishing House. – Moscow, Library of Selected Soviet Literature. – 449 p. Translated from the Russian by L.Navrozov.
5. Auezov M. Abai. A novel, book two. Foreign Languages Publishing House. – Moscow, Library of Selected Soviet Literature. – 431 p. Translated from the Russian by L.Navrozov.

6. Ауэзов М. Путь Абая / пер. А. Кима. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 2007. – Кн. 1. – 470 с.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, 4-е изд.; доп. – М, 2000.
8. Казахско-русский словарь: Ок. 50000 слов / под ред. член-корр. НАН РК Р.Г. Сыздыковой, проф. К.Ш. Хусаин. – Алматы: Дайк-пресс, 2002. – 1008 с.
9. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі қазақ / Ред. Ысқақов А.Бі. – Алматы, 1959. – 398 б.

Түйіндеме

Бұл мақала лингвокультуремалардың аударма мәселелерінің алгоритміне арналған.

Resume

The article is devoted to algorithmization of the process of lingvoculturemes translation issue.

ӘОЖ 81'342

ОРЫС ТІЛДІ АУДИТОРИЯДА ҚАЗАҚ ТІЛІН ИГЕРТУДЕГІ ФОНЕТИКАЛЫҚ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ТУРАЛЫ

Б.Ж. Құрманова

*Қ. Жұбанов атындағы Ақтөбе мемлекеттік университеті,
Ақтөбе қ.*

Бүгінгі күні қазақ тілінің оқу орындарындағы өзге тілді аудиторияларда оқытылуына арналған көптеген ғылыми-әдістемелік ізденістер жасалып, олардың нәтижелері оқыту үдерістеріне енгізіліп те жатыр. Олар қазақ тілін денгейлеп және коммуникативтік бағытта, жаңаша жаңғыртып оқыту (Қ.Қадашева), қатысымдық тұрғыдан оқыту (Ф.Оразбаева), мамандықты ескеріп, кәсіби бағытта оқыту (Р.Шаханова) т.с.с. бағыттар бүгінгі күні айқындалып, қазақ тілін оқыту үдерісінде өздерінің кең қолданыстарын тауып отыр.

Дегенмен де қазақ тілін өзге тілді аудиторияларда оқыту әдістемесінде өзінің шешуін күтіп жатқан мәселелер де аз емес, соның ішінде екінші тілді оқытуда орталық проблема болып саналатын тілдік материалдың саналы жүйеленуінен шығатын тілдік білім мен сөйлеу білігінің коммуникативтік біліктерге сүйенуі принципінің жоғары және орта арнаулы оқу орындарының қазақ тілі бойынша оқу-әдістемелік базасында әлі де болса толық көрініс

таппай отырғаны. Бұл жерде тілдік материал деп отырғанымыз екінші тілді игеру үдерісінде оқытылуы тиіс фонемалар, әріптер, интонаемалар, сөздер, сөз тіркестері, дайын айтылымдар, грамматикалық формалар мен құрылымдар [1:408-409] және тағы да басқа қазақ тілін оқыту мазмұнының маңызды бөлігін құрушы тілдік бірліктер.

Қазақ тілінің жоғары оқу орындарында оқытылу тәжірибесін талдау барысында тілді игерудегі студенттердің қазақша айту нормаларын сақтауда көптеген кедергілерге тап болатындарын аңғардық. Соның ішінде фонетикалық интерференция құбылыстарының орыс тілді студенттер үшін көптеген қиындықтар туғызатыны анықталды. Бұл психологиялық феномен тек қана орыс тілді студенттер үшін емес, сондай-ақ ана тілін білмейтін қазақ студенттері үшін де тілдік кедергі болып табылатындығын көрдік. Біздің жүргізген зерттеулерімізге сай көптеген ана тілін білмейтін қазақ студенттері қазақ тіліне тән «ө», «ү», «ү», «і» дауыстылары мен сонор «н» мен «ң» дыбыстарының айтылу ерекшеліктерін мүлдем білмейтіндерін көрсетті және де «ү», «ү», дыбыстарын орыс тіліндегі «у» дыбысы арқылы айтып, олардың айтылу ерекшеліктеріне байланысты сөздің де мағынасы өзгеретінін ескермейтіндері де анықталды. Ал «ө» дыбысының айтылуын орыс тілді студенттер үшін олардың тілінде ұқсас дыбыс жоқ болуына байланысты «ү», «ү» дыбыстарымен шатастырып, ол дыбыстадың графикалық бейнелерінде қате жіберетін жағдайлар көптеп кездесті. Осылардың барлығы қазіргі кезде қазақ тілін дұрыс игермеген жоғары оқу орындары студенттері үшін міндетті түрде қазақ фонемаларының айтылу ерекшеліктері игертілетін арнайы курстың өгілуін талап ететіндігін көреміз және де курстарда міндетті түрде өзге тілді студенттердің қазақша сөйлеуіндегі интерференция түрлерінің ескерілуі тиіс.

Осы күнге дейін қазақ тілін оқытудағы итерференциялық құбылыстар туралы проблема өзінің арнайы зерттеуін таппай отыр. Интерференцияның әлеуметтік лингвистикалық, психологиялық, психолингвистикалық, лингвистикалық қырлары өзге ұлт өкілдері-қазақ, орыс-қазақ көстілділіктері негізінде қазақ тіл білімінде де зерттелмей келеді. Интерференциялық құбылыс тек қана қазақ-орыс көстілділігі жағынан зерттелген болатын (А.Е. Карлинский, З. Ахметжанова, М. Жусупов).

Интерференцияны зерттеуді А.Е. Карлинскийге сүйене отырып, М. Жусупов төрт кезеңде өткізілетінін айтады:

1) бірінші кезеңде ана тілі мен екінші тілдің жүйесі белгілі бір лингвистикалық мектеп позициясынан парадигматикалық, синтагматикалық және де трансформациялық тұрғыда сипатталады;

2) екінші кезеңде ана тілі және оқытылатын тілдің салыстырмалы типологиялық сипатталуы негізінде потенциалды интерференция аясы айқындалады;

3) үшінші кезеңде интерференция типтері мен классификациясының болжанылуы іске асырылады.;

4) төртінші кезеңде алынған мәліметтер экспериментальды түрде тексеріледі және зерттеуге алынған информант-билингвтерге әсер ететін экстралингвистикалық

факторлар есепке алына отырып, деректі нақты интерференция анықталады, материал статистикалық өңдеуден өткізіледі [2, 155].

Сонымен қазіргі кезде қазақ тіл білімінде орыс-қазақ қостілділігінің негізінде осы айтылған зерттеу процедуралары толығымен ескерілген зерттеулер жоқтың қасы. Осы уақытқа дейін қазақ тілі екінші тіл ретінде қатысатын қостілділік әлеуметтік лингвистикалық тұрғыдан толықтай жіктелгенмен (Б.Хасанов), олардың негізінде болып жататын интерференция түрлері ажыратылып, айқындалмай отыр.

Дегенмен де негіз болатын теориялық материалдардың жоқтығына қарамастан, қазақ тілінен сабақ беретін оқытушылар тарапынан жоғарыда көрсетілген фонетикалық интерференциялардың студенттердің сөйлеу тәжірибелерінде кездесіп жататындығы ескеріліп отыр. Қазақ тіліне тән дыбыстардың айтылуында кетіп жататын қателерді біз М.Жүсіповтің дыбыстық интерференциясы типтері негізінде айқындап, оларды сөйлеуде болдырмауға арналған жаттығулар тобын жасаған болатынбыз.

М.Жүсіпов деңгейлік интерференцияны парадигматикалық және синтагматикалық деп екіге бөледі де, олардың әрқайсысының өздерінің іштей бөлінулерін көрсетеді. Парадигматикалық интерференция жартылай саралану (недодифференциация), үстілей саралану (сверхдифференциация), субституция, реинтерференция болып ажыратылады. Ал синтагматикалық интерференция ресегментациялық болып бөлінеді [2, 156-158].

Жартылай саралану интерференциясына біз орыс тілді студенттердің «н» дыбысын «н» дыбысымен айтуын, [ү], [ү] дыбыстарын [у] дыбысымен айтуын жатқыздық. Ал үстілей саралануға [ы], [і] дыбыстарының орыс тіліндегі [ы] [и] дыбыстарымен айтуларын жатқыздық, субституцияға орыс тілді студенттердің [к], [ғ], [н] дыбыстарын айтудағы ерекшеліктерін және [о] дыбысының қазақ тіліндегі сөзде кездесу орнына қарамай-ақ, өзінің бастапқы қалпында айтылуында жіберілетін интерференцияны жатқыздық. Өйткені [о] дыбысы орыс тілінде екпіннің түсуіне қарай өзгеріп отыруына байланысты [а] болып та айтылуы ескерілді. Біздің тарапымыздан жүргізілген бұл классификация шартты болып табылады. Жіктелген интерференция соңғы және дәл емес, ол тек қана орыс-қазақ қостілділігін қалыптастырудағы интерференцияларды жіктеудің алғашқы тәжірибесі ғана деп ойлаймыз.

Жоғарыда аталып өткен интерференциялардың орыс тілді студенттердің қазақша сөйлеуінде болдырмау және жою мақсатында жаттығулар тобы жасалып, қазақ тілі сабақтарында пайдаланылған болатын.

Қазақ тілінде дұрыс айтуға «оқытудың барлық кезеңдері мен артикуляциялық жаттығулар, тапсырмалар тіл теориясын, яғни тіл жүйесі туралы білім қалыптастыру мен тілдік материалды талдау білігі мен дағдысын қалыптастырумен бірге жүргізілуі тиіс. Дұрыс айтуға оқытудың нәтижелілігі ситуативтік-коммуникативтік жаттығуларды енгізуді де талап етеді. Өйткені бұл

жаттығулар оқытылып жатқан тілде артикуляциялық біліктер мен дағдыларды және сөйлеу қызметін қалыптастыру мен түзетуді көздейді. Оқу тапсырмалары міндетті түрде коммуникативтік бағытта болып, шынайы болмыспен байланысты ақпараттарды әкелуі тиіс.» [2, 210-211]. Осындай бағытта ұйымдастырылған оқу материалдары ғана тілді үйретуді сапалы қылады.

Қазақ тілінде дұрыс айтуға үйретуде артикуляциялық базаның дұрыс жаттықтырылуы көзделіп отырады. Мысалы, қазақ тіліндегі дауыстыларды айтып үйреткенде тілдің функциясының ерекшелігін айту және оны жіңішке, жуан дауыстыларды айтудағы қозғалысы мен жағдайы ерекшеліктерін түрлі жаттығулар арқылы үйрету қажет. Ол үшін біз студенттерге мына жаттығулар түрін ұсынып, жіңішке және жуан дауыстыларды айтуды жаттықтырдық:

1. Тіліңізді тереңірек артқа тартыңыз, сонан соң алға итеріп, төменгі тістеріңізге тіреңіз.

2. Тіліңізді тереңірек артқа тартып [а] дыбысын айтыңыз.

3. Аузыңызды кеңірек ашыңыз, сонан соң керіңіз.

4. Ерніңізді кеңірек ашып, тіліңізді артқа жіберіп [а] дыбысын айтыңыз.

5. Ерніңізді керіп, тіліңізді алға жіберіңіз, астыңғы тісіңізге тіреп [ә-ә] дыбысын айтып көріңіз.

Осындай артикуляциялық жаттығулар барлық дыбыстардың айтылу ерекшеліктеріне байланысты сипатталып артикуляциялық аппарат жаттықтырылды. Мұндай жаттығуларды жасатуымызға Ә.Жүнісбековтың «көптеген оқыту тәжірибелері дыбыстардың артикуляциялық-физиологиялық классификациясының жасалып берілуінің дұрыстығын дәлелдеп отыр, сондықтан да қазақ тіліндегі дауысты дыбыстардың артикуляциялық жағынан сипатталуы қажет. Ал акустикалық сипаттаманың берілуі мұндай классификацияның құндылығын арттырмақ» [3, 61-62] деген тұжырымы арқау болды.

Ал қазақ тіліне тән дауыссыз дыбыстардың айтылуына қатысты мына артикуляциялық жаттығулар жасатылды:

1. Тіліңізді артқа тартып ауаны мұрныңызбен жіберіңіз.

2. Тіліңіздің ортаңғы бөлігін таңдайыңызбен біріктіріп ауаны мұрныңызбен жіберіңіз.

3. Тіліңізді тереңірек артқа тартып, жоғары көтеріңіз де жылдам, дыбыс шығаруға тырысыңыз.

Артикуляциялық жаттықтырулар дыбыстардың дұрыс айтылуына үлкен септігін тигізетінін тәжірибелеріміз көрсетті. Өйткені фонетикалық дағдыны қалыптастыру тілді үйренушіге қалыпты артикуляциясын өз тіліндегі және оқытылатын тілдегі (біздің жағдайымызда орыс тілі мен қазақ тілі) ұқсастықтар мен айырмашылықтар негізінде қайтадан құруды, фонематикалық естуді, өзге тілдегі сөздер мен сөйлемдерде, сөйлеу, оқу үдерісінде айтылымдар мен айту ағымында айту техникасын қалыптастыруды

көздейді. Осындай мақсаттар көзделгенде ғана орыс тілді студенттердің қазақ тілінде толыққанды, ешқандай қатесіз сөйлей білуіне жол ашылады.

Артикуляторлық жаттығулар арқылы біз қазақ дыбыстарын айтуға артикуляциялық аппаратты жаттықтыруды мақсат еткен болатынбыз. Ал фонематикалық естуді, айту дағдысын қалыптастыру үшін арнайы жаттығулар жүйесі жасалып, өткізілді. Бұл жаттығулар студенттердің орыс тіліндегі дыбыстардың қазақ тіліндегі дыбыстармен шатастырылмай айтуын көздеді. Ол тыңдау, визуалды табу, дыбыстарды буындарда, сөздерде тыңдау арқылы жазбаша түрде көрсету, диктордың артынан қайталау, оқытушының артынан қайталау, берілген сөздерден айтылған дыбыстарды айырып көрсету, қайталап айту, дауысты дыбыстарды оппозицияда айту сияқты жаттығулардан тұрды. Осындай жаттығулар тобының кейбіреулерін төменде беріп отырмыз.

1. Дауысты дыбыстарды тыңдаңыз, қайталаңыз, өзіңіз оқыңыз.

Послушайте гласные звуки, повторите в паузах за диктором.

- а) а о ұ ы б) ә ө ү і
 ә ө ү і а о ұ ы

2. Дауыссыздарды тыңдаңыз, қайталаңыз, оқыңыз. Послушайте согласные звуки, повторите в паузах за диктором

- а) ғ, к, н, һ.
 б) Дауыссыздарды буында тыңдаңыз. Қайталаңыз.

қа-кә	ақ-әк	ға-гә	ағ-әг	аң -ңа
кү-кү	үк-үк	ғү-гү	үғ-үғ	үң үң
қы-кі	ық-ік	ғы-гі	ығ – іг	ың-ің
кө-кө	өк-өк			өң-өң

3. Сөздерді тыңдап, жазыңыз! Послушайте слова, напишите!

Ғалам, ғалым, ғаламдық, ғаламшар, ғарыш, ғимарат.
 Қазақстан, қазақ, қазына, қала, қазіргі, қаржы, қарулы, қару.
 Аңыз, он, сең, ерген, өң, өңір, таңба.
 Жиһаз, жиһангер, гауһар, қаһарман, сыртқы.

4. Дауыстыларды буындарда тыңдаңыз, қайталаңыз.

ба-бә	бә-бә	ал-әл
бо-бө	бө-бү	ол-өл
бү-бү	бу-бү	үл-үл
бы-бі	би-бі	ыл-іл

5. Жіңішке дауыстыларды тыңдаңыз, қайталаңыз. Послушайте мягкие гласные звуки, повторите за диктором.

- а) ә ө ү і и е
 ә) ә-е б) ү-і в) ә-і г) ү-і
 ө-ү ә-і ә-ү ү-ә
 і-и ө-і ә-е ү-и

6. Сөздерді тыңдаңыз. Айтыңыз. Послушайте слова и проговорите в паузах.

Әке, әже, әкім, әкімшілік, әдемі, әдет, әдеп, әлеумет, әлем.
 Ілгек, іле, ілік, іні, іс, істер, ізгі, ізгілік, ілеспе, ірге, іргелес, ішкі.
 Өжет, өзара, өзі, өзге, өзек, өзгеріс, өзара, өкіл, өкілеттік, өкілдік, өкім, өндіріс.
 Үгіт, үлгі, Үкімет, үйлестіру үлкен, үрдіс, үдеріс.

7. Жуан дауыстыларды тыңдаңыз. Послушайте твердые гласные звуки. Постарайтесь повторить за диктором.

- а) а о ұ ы - а ы о ұ
 б) а – о о – а ұ – а
 а – ы о – ы ұ – о
 а – ұ о – ұ ұ – у

8. Сөздерді тыңдаңыз. Қайталаңыз. Послушайте слова и повторите.
 Адал, азамат, азаматтық, аймақ, айналыс, айрықша, айып.

Ынтымақ, ықпал, ымыра, ықтияр, ынта, ынтамақтастық.

Ұлт, ұлттық, ұлты, ұйым, ұмтылыс, ұйымдық, ұжым.

Отбасы, ой, оң, оқиға, онтүстік, оқу, оқыту, оқу орны, орталық, ортақ.

9. Сәлемдесіп үйреніңіз. Дикторды тыңдаңыз үзілісте қайталаңыз. Научитесь правильно приветствовать. Послушайте диктора, в паузах повторяйте за ним.

Сәлеметсіз бе? Сәлеметпін! Ассалаумағалейкум! Уағалейкумассалам!
 Қайырлы таң! Қайырлы күн! Қайырлы кеш! Қайырлы түн! Сәлем. Амансыз ба? Амансың ба?

10. Дикторды тағы бір рет тыңдап, әріптерді қойып жазыңыз, сөздерді қайталап оқып отырыңыз. Послушайте диктора, впишите пропущенные буквы.

С...леметс...з бе? Ассалаума...алейкум! Уа...алейк...массалам! ...айырлы та...! ...айырлы к...н! ...айырлы кеш! ...айырлы т...н! С...лем! Аман... ба? Аман... ба?

Осындай жаттығулардың жүргізілуі студенттерді қазақ тілінде дұрыс сөйлей білулеріне төселдіріп, сөйлеу ағындарында интерференцияның болдырмауына үлкен септігін тигізеді.

Ал қазақ тіл білімінде өзекті болып табылатын өзге тіл- қазақ, орыс-қазақ көстілділігі негізіндегі интерференциялық құбылыстың толыққанды және жан-жақты зерттелуі қазақ тілін оқыту әдістемесін белгілі бір сапалық деңгейге көтере алады.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Словарь методических терминов. -Санкт-Петербург,1999.
2. Джунусов М. Звуковые системы русского и казахского языков. Слог. Интерференция. Обучение произношению. - Ташкент,1991.
3. Джунисбеков А. Акустико-артикуляторные характеристики гласных казахского языка. Фонетика казахского языка. - Алма-Ата: Ғылым,1969.

Резюме

В статье рассматриваются проблемы интерференции в речи студентов, изучающих казахский язык в вузах. Сделана попытка классификации интерференции в речи русскоязычных студентов и ряд упражнений по устранению интерференции.

Resume

The problems of the interference in the speech of students who study Kasakh in institutes of higher education are considered. The classification of the interference in the speech of Russian speaking students are made and the exercises for the interference removal are given.

УДК 37.036.5

СТИХИ К. МЫРЗА АЛИ В ПЕРЕВОДЕ И. ФОНЯКОВА

З.Х. Латыпова

Инновационный Евразийский Университет, г. Павлодар

Известно, что национальный колорит (итальянское *colorito*, от латинского *color* (цвет) – совокупность характерных особенностей какой-либо нации, национальности, ее своеобразие, отраженные языковыми средствами и воплощенные в образной системе в произведениях литературы и искусства.

Передача национального колорита любого оригинального произведения является одним из основных проблем и важным условием, представляющим

иноязычную культуру. Современная теория перевода подчеркивает необходимость сохранения национальной и исторической специфики подлинника.

Безусловно, сохранить все элементы оригинала невозможно, тем не менее, иноязычный читатель должен окунуться в национальную среду.

Значит, обойтись без истории, культуры, знания жизни и быта, национального характера народа переводчику просто невозможно. Н.Заболоцкий заметил: «Перед переводчиком две чаши весов: первая принадлежит автору оригинала, вторая читателю перевода. Перевод будет хорош в том случае, если чаша весов не выйдет из равновесия» [1, с. 426].

В этом плане и перейдем к рассмотрению вопроса сохранения национального колорита в переводе на конкретных примерах, то есть переводов на русский язык казахских детских произведений К. Мырза Али. Итак, попытаемся проанализировать несколько стихотворений, включенных в учебники, хрестоматии и учебные пособия для детей среднего и старшего школьного возраста.

Интерес представляют стихотворение поэта в переводах И. Фонякова.

Стихотворение К. Мырза Али «Ат жарыс» [2, 315-316Б.] озаглавлено «Байга» [3, с. 136] что означает «скачки», а «Аударыспак», «Қазақша кірес» сохранены транслитерационным способом как «Аударыспак», «Қазақша кірес». Эти произведения о национальных традициях и обычаях, отражающие быт казахского народа, его времяпровождении.

Стихотворение «Ат жарыс» , названное переводчиком – «Байга» посвящено национальной спортивной игре. Для участия в состязаниях специально «атбегі» готовил лошадей для скачек, растил и обкатывал их. Джигиты старались защищать честь и свой авторитет, пройдя через ответственные испытания.

Строки оригинала:

2	Жарысқан жүйрек пенен желік бірге,
3	Жарысқан атпен бірге намысың да
7	Сыналған баппен бірге бақ дегенің
8	Сыналған атпен бірге абырой да!

переданы И.Фоняковым:

2	Здесь вступают в решительный бой
3	Люди, кони и честь, и задор.
5	Будет каждого скачка испытывать:
6	Как тулпара умеешь воспитывать.
7	Как сумел приготовить коня
8	Ты для самого главного дня.

Перевод отличается сохранением слов-реалий, показывающих национальное своеобразие: джигит, тулпар, Кулагер, казах, аргамак, переданы и географические названия Талас и Сарысу. В стихотворении добавлено имя Акан. А тулпар Кулагер, «всем коням образец и пример», и его наездник (Акан) непременно «будет с победой и удачей». Об этом свидетельствуют следующие строки оригинала:

Ақандар Құлагерін танымас па!
 Тарландар тасқа тұяқ жанымас па!
 Қазақтың қазанатпен қаны бірге,
 Жүйріктен тек шығарда жаны басқа.
 Тартса деп атасына, бабасына,
 Әр әке үміт артқан баласына.
 Сілтейді-ау сайгүліктер салсаңыз бір
 Талас пен Сарысудың даласына.

В переводе:

Кто же будет с победой, с удачей
 В каждом – сердце Акана горячее,
 Легендарный тулпар Кулагер –
 Всем коням образец и пример.

- Сын наездник отцу улыбается:
 «Все исполню я, как полагается
 Слава предков и я пронесу
 Над Таласом и Сарысу!»

Читатель понимает, что на казахской земле тулпар Кулагер – легендарный конь и, чтобы добиться победы на скачках, приумножить славу отцов и де-дов, конь у наездника не должен уступать крылатому скакуну.

Чтобы показать положительные качества героя, как выносливость, сообразительность, смелость, остроту мысли (идеи), уверенность в своих действиях, строптивость и т.д. берут за основу свойства, присущие разнообразным мастям лошадей.

Эту сторону героев-участников в спортивных играх и старается передать И. Фоянков, подчеркивая национальную особенность подлинника. В оригинале показаны масти лошадей: қазанат – чистопородная (чистокровная), тарландар – сивые, точащие свои копыта о камни, сайгiлік зат. «Шашасына шаң жұқпас жүйрік ат» [4, 99 б.], (т.е. быстрый, преодолевающий большие расстояния – З.Л.).

Переводчик к этим словам не подбирает на русском языке подходящие по смыслу слова и выражения, дает в общем: кони, скакуны.

Читателям представляет интерес и национальный вид спорта «борьба», популярная среди спортсменов разной весовой и возрастной категорий. Данный вид спорта показан в стихотворении К. Мырза Али «Қазақша күрес». Приведем произведение в подлинном звучании:

- 1 Жұлдыздары үміттің бір жарқ етіп, бір өшіп,
2 Жасыл кілем үстінде жатыр екеу күресіп.
- 3 Бұлшық еттер түйілген қайың ба, әлде емен бе,
4 Алдырмай жүр айлакер алып күшпін дегенге.
- 5 Бұлт-бұлт етіп бөксесі, өзіне көп жолатпай,
6 Серпіп – серпіп тастайды бірін-бірі болаттай.
7 Бір мезгілде басталды тобықтардың таласы,
8 Сарт еткенде, жіліншік сынды ма деп қаласын.
- 9 Әдіскер ку шалт еткен, шалып алып ішінен,
10 Көріп еді сынасып, шықпады түк күшінен.
- 11 Босап кеткен белбеуге қолдар қайта жармасып,
12 Теңелісіп жүрді олар тағы біраз арбасып.
- 13 Жүрді біраз арбасып.
14 Жүрді біраз андысып.
15 «Әуп!» - деп сосын көтерді айлакерді әлдісі.
- 16 Жетпеген күш жеңуге жеңілмеуге жарай ма,
17 Жалп етіп-ақ жығылды,
18 Жығылмауға қарай ма!
- 19 «Әуп» деп мықты лақтырды:
20 Кетті басы айналып.
21 Тасып тұрған күш болса, керегі не айланын.

В переводе И.Фонякова читаем:

Казахша курес.

1	То сверкнет, то померкнет надежды звезда:
2	Двое борются, кто победит и когда?
3	То не дуб ли с березой ветвями сплелись?
4	Тот сильнее, тот хитрей, погляди, подивись?
5	Вот кружат, не касаясь друг друга почти.
6	Слишком близко никак не дают подойти.
7	В шар земной напряженно уперты ступни,
8	Так упрямо, что кажется: хрустнут они!
9	Изловчился, подножку подставил хитрец,
10	Как рванет! Что ж, конец? Нет, еще не конец!
11	Снова топчутся, за кушаки ухватясь.
12	Нескончаемый бой. Неразрывная связь.
13	Смотрит словно колдун, борец на борца.
14	За кого ты? За сильного, за хитреца?
15	Торжествующий возглас взлетел над толпой:
16	Сильный хитрого поднял рывком над собой –
17	И швырнул на траву. Завершилась борьба.
18	Против истинной силы и хитрость слаба.

Сопоставляя оригинал и перевод, отметим, что в 3-4 строки авторы сравнивают мускулы борца с «емен», т.е. «дубом», символом богатырской силы. Слово «кайың» означает на русском языке «береза». Известно, что береза символизирует красоту, гибкость, грациозность.

Так образно наделяется герой стихотворения профессиональными качествами, свойственными борцу: силой, хитростью, грациозностью, изворотливостью. Он должен быть ловким и хватким.

Разумеется, И. Фоняков старается максимально приблизить читателям оригинал, сохранив в переводе правила национального вида спорта, изображая действия, повадки, телосложение поведения борющихся, показывая победу и поражение участников. Более того, как аксиома звучит итоговая строка «Тасып тірған кіш болса керегі не айланьс», которая переведена «Против истинной

силы и хитрость слаба». На самом деле действительно так. Переводчик знает, что в народе сильные склоняют головы только перед старшими, сила и правда в своем истинном значении не сравнится ни с хитростью, ни с коварством, ни с обманом.

Народную психологию, философское осмысление жизни казахов, показанные в стихотворениях К. Мырза Али стремился воссоздать И. Фоянков в своих русских переводах.

В подтверждении своих наблюдений приведем стихотворение К. Мырза Али «Аударыспақ» с одноименным названием в переводе И. Фоянкова.

В стихотворении автор изображает условия и ход суровой национальной игры, по правилам которой два джигита без оружия выходят на поединок. Побеждает тот, кто сбросит соперника с коня. Победителю готовят специальный приз, который вручают на торжествах, посвященных к национальным праздникам, как Наурыз мейрамы. Знающие толк в лошадях, заранее подготавливают их для участия в соревнованиях. Автор оригинала предоставляет прекрасную возможность переводчику воспроизвести национальный колорит и специфику переводимого поэтического произведения. В подлиннике встречаем слова, характеризующие выносливость спортивных чистокровных лошадей: «казанат» - сильная лошадь для дальних переходов, «тұлпар» - боевой конь, скакун, которого в народе называют «жел жетпес», что означает быстрее ветра, «арғы-мақ» - чистокровная породистая лошадь. Для повышения познавательной функции перевода, думаем, необходимо было переводчику дать описание, объяснение в сноске.

И. Фоянков ограничивается использованием приема передачи реалий в переводе транскрипированием слов: «аударыспақ» - «аударыспақ», «тұлпар» - «тулпар», «арғымақ» - «аргамақ».

О значимости национальной игры и отношения наездников к лошадям свидетельствуют следующие строки:

В оригинале:

1. Не керегін иесіне
Түсінеді ат байғұс.
2. Төрт аяққа салмақ сап,
Шіреңеді олар да.
3. Бір бүйірге
Апырым-ай! –
Ауып кете жаздайды.
4. Бірте – бірте
Біріндеп,
Жанкүйерің мақұлдар.
5. Тартқан сәтте ышқынып
Керек қуат, әл қанша!
Күштірегі
Күштіні
Аттан жұлып алғанша.

В переводе:

- Подтянув коню подпруги,
Поискать в борьбе удачи.
- И сердито роя землю,
Бьют копытами тулпары.
В бой! Противника руками
Ты с коня стащить попробуй.
- Кто кого? Азарт, волнение,
Ходят кони в темном круге.
- В следующую минуту
Он слетает с аргамака.

Из приведенных строк видно, что авторами утверждается: хозяину, т.е. участнику в соревнованиях необходимы удача и победа, и конь это знает.

Пятую строку оригинала:

Айтылып тілек – тілеулер,
Айқайлап туыс – жақындар,
Қарысып болат білектер,
Қарысып құрыш тақымдар.

Переводчик воссоздает следующими стихами:

Как тиски, сильны колени
И стальными стали руки.

То болельщики толпятся,
Нетерпением согреты
И, конечно, не скупятся
На суждения и советы.

Видно, что в казахском тексте употреблены «кос сөздер» - парные слова «тілеу- тілектер» (пожелания - З.Л.) в переводе даются как «суждения и

советы», «туыс-жақындар», - обобщает и представляет как «болеельщики». Эпитеты «болат білектер» — «стальные руки», «құрыш тақымдар» — «колени как тиски». Эти изобразительные средства придают поэтической речи, пластичность, свой-ственную казахскому языку. К сожалению, выпала из поля зрения переводчика строка оригинала:

Ауыр айкаста

Аруағың келіп қона ма?! –

раскрывающая национальную психологию казахов. Например, есть поверье, о том, что в тяжелых ситуациях аруах (дух предков) помогает человеку, поэтому автор намекает на то, что если такое случится, джигит непременно победит. Думаем, необходимо было переводчику сохранить данный элемент национального колорита, используя в русском варианте выражение «призвать дух предков».

Рассматривая переводы И.Фонякова произведений К. Мырза Али о национальных традициях и обычаях, отражающих быт казахского народа, его историю, отражающих культуру и жизнь можно констатировать о том, что поэт-переводчик сумел дать в целом как можно больше правдивости произведениям, чтобы читатель мог очутиться в другой культуре, в другом незнакомом мире. Говоря словами С. Маршака, подчеркнем высокую ответственность и мастерство переводчика: «Чем глубже и пристальнее вникает художник в сущность изображаемого, тем свободнее его мастерство, тем точнее изображение. Точность получается не в результате слепого, механического воспроизведения оригинала. Поэтическая точность дается только смелому воображению, основанному на глубоком и пристальном знании предмета» [5, с. 249].

Известно, что переводчику иногда необходимо добавить слово в текст, изменить порядок слов, найти правильный тон и так далее. Все это, думаем, отнюдь не служит препятствием для качественного перевода.

Для более полного раскрытия рассматриваемой темы обратимся к переводам произведений К. Мырза Али, выполненным А. Кушнером. Например, название стихотворения «Қыз қуу», транслитеруется «Кыз куу». Внизу дается сноска, объясняющая, что это народная игра, означает «догони девушку», тем самым сохраняется познавательная функция художественного перевода. Отметим, что А.Кушнером использован парафразный тип перевода.

В оригинале:

1. Барады Саэит қуып, Сара кашып,
2. Әлі де әжептеуір ара кашық.
3. Қуғасын жету керек,
4. Масқара боп
5. Жүрмесін, о жігітім, қара басып!

В переводе:

1. За девушкой на лучшем скакуне
2. Несущейся
3. Лети, джигит, - не мне
4. Учить тебя сноровке и отваге
5. Не осрамись, скачи по целине!

Отметим, что своеобразный совет автора и болельщика передается и в переводе.

Однако в предложенном варианте русского перевода использовано слово «целина», которое не соответствует времени проводимых традиционных казахских национальных игр. Заметим, что в советское время, в годы поднятия целинных и залежных земель в Казахстане подобные игры были совершенно забыты и не пропагандировались вовсе.

В стихотворении изображается картина произведения национальной спортивной игры, в которой участвуют девушка Сара и джигит Сагит. В переводе имена героев не конкретизированы, а взяты обобщенно, как девушка и джигит. Конечно, необходимо было в переводе транскрибировать имена собственные Сара и Сагит (по именам можно определить, что произведение относится к казахской поэзии). Словосочетание «қара басу» обладает многозначностью, придает оригиналу национальную окраску, значение которой соответствует печали, трауру, безнадежности, коварству, злодейству и т.д., обозначающие отрицательные явления. «Қара басу» может означать и «маскара болу» (так обозначено в оригинале), т.е. «осрамиться», «опозориться». А. Кушнер строки с данными словами переводит по смыслу, не передавая их образности и экспрессивности. Наличие устойчивого словосочетания придает оригиналу гибкость и точность. Строки подлинника:

Аруды армандаған азаматтың
Адуын атынан да көңілі озық -

знакомят читателя с эпитетом «адуын ат», в переводе на русском языке означающим «напористый конь». Здесь джигит обладает быстрым и сильным желанием догнать девушку. Выражение «Адуын ат» применяется автором оригинала как образительное средство, оно специфично усиливает Национальный колорит. Однако вышепоказанные строки остались вне поля зрения переводчика.

Следующие строки оригинала:

- 1 Шынында жеткізбейді, сүйгізбейді
- 2 Ерiнiн қызыл шоққа күйгізбейді.

Первую строку никак не переводит, а вторую передает следующими словами:

2 Бедняге алых губ не целовать.

В оригинале показаны действия девушки. В переводе выражено сожаление в отношении того, что джигит не смог осуществить свою мечту: догнать и поцеловать девушку. Слово «кызыл» (красный), обозначает любовь, симпатию и благосклонность, «шок» (горящий уголь, искра) – начало огня, пламени. Известно, что огонь – символ жизни. Автор оригинала сравнивает джигита с огнем, страстно жаждущим взаимной любви, поэтому его губы «кызыл шок», огнем горят. Таким образом показана горячая, пламенная любовь Сагита к Саре. Значит словосочетание «кызыл шок» соответствует выражению «пламенная любовь». Тем не менее девушка не позволяет джигиту себя догнать, чтобы не обжечься об его поцелуи, показывает безразличие к чувствам юноши.

В строках:

Келеді бүрк – бүрк етіп, енді шаны,
«Арқасы бейшараның киіз бе еді»

- автор «спину бедняги» приблизил в сравнении к «войлоку, кошме». (по спине джигита девушка ударяла камчой неоднократно). В быту, в процессе изготовления «киіз» овечью, козью или верблюжьей шерсть бьют специальным деревянным инструментом (сабау – палочкой для взбивания шерсти). Безусловно, здесь переводчику необходимо было дать объяснение – сноску о процессе изготовления кошмы, тем самым подчеркнуть национальное своеобразие стихотворения, движение и жизнь подлинника, дать возможность русскоязычному читателю почувствовать атмосферу, окружающую переведенное произведение. Автор оригинала прибегает к образному сравнению, чтобы показать, как джигит становится предметом насмешки. Действительно такие не достойны уважения, они не могут осуществить свою мечту, как показано в первых двух строках последней строфы подлинника.

В русском варианте мысли автора оригинала не переданы, читатель сталкивается с иным видением переводчика:

Склонился он, волос намокла прядь,
И пыл над ним столбом стоит, и плетке
По сгорбленной спине его гулять.

Видно, что переводчик, стараясь передать смысл подлинника, упустил поэти-ческую образность, придающую оригиналу национальную особенность.

И, наконец, сравним последние строфы.

В оригинале:

- 1 Адамнан ат танымас мән шыға ма?!
- 2 Жырына қоспайды оны әнші дала.
- 3 Арманын қуа алмаған азаматтың,
- 4 Еншісі – ерін емес
- 5 Қамшы ғана.

В переводе:

- 1 Степняк, не смог он справиться с конем!
- 2 Какая девушка вздохнет о нем?
- 3 Плеть вместо алых губ – тому награда,
- 4 Кто настоять не может на своем.

Словосочетание «әнші дала» - поэтическая степь казахов начало и мерило всего прекрасного, олицетворение красноречивого казахского народа, воспевающего талантливых, одаренных, смелых и отважных людей. Казахи издревле гордились своими акынами, жыршы, күйши и т.д.

Переводчик словосочетание «әнші дала» передает неудачно одним словом: «степняк». Более того, слово «әнші» обозначающее как «доля в наследстве», встречающееся в третьей строке последней строфы оригинала в переводе вовсе не показано. Скажем, в подлиннике «әнші» - «әнші» несут эмоциональную нагрузку, связанную с обычаями и традициями казахского народа.

Переводчику следовало оставить слово «әнші», сделав следующую сноску: по казахскому обычаю сыновей после женитьбы отделяют в семью (отау), выделив им положенное имущество и скот. Опушения в переводе словосочетания «әнші дала», и слова «әнші» снижают национальную окраску в русском варианте стихотворения. Применяемые А.К ушнером выражения плеть – награда (для джигита), судьба (о девушке) не могут придать его строкам той гибкости, точности и красочности, чем отличается язык оригинала. Нелепо сравнение алых губ девушки красавицы с призом, недушевленным предметом, который вручается победителю соревнований.

Из вышеизложенного явствует, что в переводе не сохранены основные элементы национального колорита оригинала.

Приблизить подлинник к русскоязычному читателю возможно и необходимо, если в переводе воссоздать следующее:

- 1) конкретные имена героев (Сара и Сагит);
- 2) слова, связанные с историей и культурой казахского народа, с обычаями и традициями, с его образом жизни (киіз, әнші, әнші дала);

3) компонентов национального колорита, понятий с яркой национальной специфичностью («қара басу», «адуын атынан да көңілі озық», «арқасы бейшараның киіз бе еді», «ерінін қызыл шоққа күйдірмейді».

Попытаемся обосновать наши наблюдения напомним А. Айкуловой: «При переводе, прежде всего необходимо учитывать то, что часто слово одного языка и слово другого языка, являющиеся словарными эквивалентами отличаются в отношении тех ассоциаций, которые эти слова вызывают ... изучение традиционной особенности в историко-этнографическом аспекте становится ясным, если учесть характер и происхождение наиболее древнего пласта поэтической образности, также символики и этно-бытовых знаков, т.к. в них таятся глубокие особенности национального характера, они передают специфику национального мироощущения. Они предстают в роли элементов культуры, способствующих закреплению и сохранению национальной ментальности» [6, с. 15].

О казахской поэзии Г.Герольд пишет: «Поэзия как снадобье, как услада ... Ею надлежит пользоваться осторожно ... Труднее это искусство – перевод. Высокое искусство» [7, с. 200].

Вышесказанное относится и к переводам казахской детской поэзии.

Примечательны слова Е. Эткинда: «Поэзия – высшая форма бытия национального. В поэтическом творчестве с наибольшей полнотой и концентрированностью выражается дух народа – своеобразие его исторического и культурного развития, его психического строя. Понять поэзию другого народа, значит понять другой национальный характер, эмоциональный мир другой культуры.

Ритм и мелодия музыкального произведения, пластика живописи и скульптуры, целесообразная гармония архитектурных объемов, динамические образы пантомимы и немного кинематографа понятны всем – язык этих искусств международен; чтобы его понять необходимо лишь в каждом случае вникнуть в его внутренние закономерности, как ни своеобразен национальный орнамент ... он не требует пересоздания на другом художественном языке. Словесное искусство без такого пересоздания не может выйти за национальные границы» [8, с.3].

Итак, нами сделана попытка показать удачные, на наш взгляд, стихотворные переводы с сохранением национального колорита, исторической специфики оригинала и различного вида упущения, неточности, недостатки в русских переводах стихотворений К. Мырза Али. Отмечено, что перевод служит функции общения и понимания, главная задача переводчика – сделать это общение понятным и полноценным. Вместе с этим подчеркнута необходимость таких переводов, которые могли бы достойно представить русскому читателю поэзию казахского поэта К. Мырза Али, произведениям которого присущи щедрая метафоричность, красочная образность, широкий ораторский жест.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федоров А.В. Искусство перевода и жизнь литературы: Очерки. – Ленинград: Сов.писатель, 1983.-352с.
2. Мырзалиев Қ. Үш томдық шығармалар жинағы, Т.1. Өлеңдер мен поэма. – Алматы: Жазушы, 1989. – 448 б.
3. Коровайко И.В., Жумабекова Б.К. Правоведение для маленьких. Учебное пособие. – Алматы: Білім, 2000.-172 с.
4. Толковый словарь казахского языка. Г-Т. 8-Т. Ответственный редактор А.Ы.Ыскаков. – Алматы: Наука, 1985.-591с.
5. Маршак С.Я. Искусство поэтического перевода. // В кн.: Мастерство перевода СБ статей. – Москва: Сов. Писатель, 1959.-459с.
6. Айкулова А.С. Проблемы перевода казахских символов и этнобытовых знаков на русский язык. Автореф. дис....канд. филол наук. – Алматы: АГУ, 1999.-22с.
7. Бельгер Г. Вступительное слово к циклу этюдов о переводах И.Джансугурова.- // Тан шолпан. №2.- Алматы: Олке, 2001.-207с.
8. Эткин Е.Г. Поэзия и перевод. Москва – Ленинград: Сов. писатель, 1963.-430с.

Түйіндеме

Бұл мақалада белгілі қазақ ақыны Қ.Мырза Әлидің балаларға арналған өлеңдерінің түпнұсқасы мен орыс тіліндегі аудармасы негізге алынып, салыстырылған. Аударма барысында ұлттық орнектің қаншалықты деңгейде сақталуы қарастырылған.

Resume

To the article «Return of national colour in artistic translation».
The author examines the problems of National colour return of the original in this article after the example of artistic translations of the famous modern Kazakh poet – K. Myrza Alis works.

РОЛЬ ПЕРЕВОДА В РАСШИРЕНИИ ПОЭТИЧЕСКИХ ФОРМ НА КАЗАХСКОМ СТИХОСЛОЖЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И.В. ГЕТЕ)

А.М. Макибаева

*Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина,
г. Астана*

Казахстан в силу различных исторических, культурных, географических, общественно-экономических, геополитических факторов с незапамятных времен находился на перекрестке оживленного общения и обмена опытом между многими народами. Это обусловило тот факт, что казахской культуре свойственно стремление к постоянной международной активности.

В прошлом казахская литература находилась во взаимосвязи с литературами тюркоязычного, арабоязычного и персоязычного регионов, а также установила контакты с русской литературой и с западноевропейскими художественными традициями.

Наличие давних традиций и обширного фактического материала, а также необычайно оживление международных связей Республики Казахстан в последние десятилетия предопределяют необходимость обращения к опыту изучения теории и практики литературных связей и взаимодействий.

Как известно, подобный опыт в мировой науке был связан с постепенной выработкой концепции единства всемирного художественного процесса, определением «мировой литературы» и, как логическое следствие этого, становлением новой отрасли в филологической науке – сравнительного литературоведения. С момента своего зарождения суть и смысл новой дисциплины заключались в сборе, систематизации и обобщении фактического материала истории национальных литератур, научном изучении и обосновании процесса становления мировой литературы, определении методов и теоретических ориентиров, постановки и исследования разнообразных проблем взаимодействия литератур.

Национальный облик - это единая система навыков народного мышления, нашедшая проявление в художественном образе. Он состоит из истории, быта, убеждений, традиций, обычаев, особенностей вкуса каждого народа. Одна из самых больших трудностей, которые необходимо преодолеть переводчику, это точное сохранение особенностей национального облика.

Язык и облик не могут рассматриваться по-отдельности. Облик – широкое понятие. Обличительные поиски в казахской поэзии привели к двум периодам, и оба они связаны с одним именем, с именем Маяковского. Вначале Маяковский

проявлялся в увлекательных стихах, затем в переводах. Маяковский хорошо знал, что его стихи труднопереводимы. И потому он написал: «Трудность перевода моих стихов в том, что я вношу в них простую разговорную речь, например попробуйте перевести это: «светить - и никаких гвоздей», иногда весь стих становится обыкновенным разговором. Такие стихи могут быть понятными и находчивыми только при полном осознании системы языка [1].

Пути и формы взаимодействия материальной и духовной культуры народов носят чрезвычайно сложный и многообразный характер. Одна из этих многообразных форм – взаимопроникновение элементов духовной культуры народов разных стран, говорящих на различных языках, обмен художественно-литературными ценностями, который осуществляется преимущественно через переводы.

Переводы все вновь и вновь переносят нас в многогранность иных миров: в миры других мышлений и чувств, в миры других культур и языков.

Переводчик художественной литературы может быть сравнен с паромщиком, который перевозит путешественников с одного берега реки на другой, и при этом четко управляющий своим паромом, плывущим против течения. Он не должен позволять себе быть унесенным течением реки. Его задачей является перевести без особых осложнений людей на другую сторону. Переводчик, как и паромщик, соединяет два берега друг с другом. Он объединяет две языковые культуры. Причем сила и знание иной культуры являются лишь условием. Переводчик переносит духовное богатство в другой язык и культуру. Вместе с автором он переносится через поток языка, и не без потерь и сложностей.

В переводе преодолеваются барьеры времени и пространства. Для этого переводчик использует знания истории, языка, традиций, чувств. Знание фактов и событий недостаточно, так как об этом можно узнать и из других источников. Очень важным является понимание силы культуры и языка внутри произведения, то, что автор увидел, почувствовал и выразил. Немецкий философ и языковед Гердер назвал это качество проникновением [2].

Процесс перевода относится к столкновению с мировой картиной человека, с картинами мира вокруг нас, с миром вокруг нас. Духовная культура человечества есть история переводов. Тот факт, что естественнонаучные знания являлись предметом переводов, доказывают нам арабские числа, наименования в математике и химии и многое другое. Литературные переводы являются выражением и стимулом закономерного процесса сближения культур различных государств, в результате которого творчество писателя одной страны может стать духовной собственностью другого народа.

Освоение иноязычных литературных ценностей должно отвечать внутренним потребностям развития национальной литературы. Перевод должен рассматриваться как своего рода школа, способствующая развитию

и обогащению национальной литературы и национального языка. В таких условиях и переводчик считается равноправным участником литературного и «двуединого» диалектического процесса, при котором, с одной стороны, каждая культурная нация или народность стремится сконцентрировать свои интеллектуальные силы, чтобы четче чувствовать свое национальное достоинство, ощущать себя не только потребителем, но и производителем духовных ценностей, выявить свое подлинно национальное. С другой стороны, в силу исторических обстоятельств и насущной потребности времени происходит консолидация духовных сил, властная тяга к взаимообогащению интеллекта и единению литератур, культур и народов.

Литературные связи казахского народа с другими народами в прошлом и настоящем, как важная грань живого национального художественного процесса имеет свою историю, в которой немало особенностей, черт и явлений. От отдельных фактов к общему движению литературы и культуры связей с народами и культурами шел, развивался, обогащался процесс художественного развития казахского народа.

Одним из главных условий перевода является мелодичность слов красивого текста, которая делает прекрасным произведение любого жанра. В этой части среди стилистических узоров огромное место имеет аллитерация. Если правильно использовать это воздействие, появляющееся при повторении согласных букв, можно удачно подчеркнуть свойственный стиль автора. Конечно, нет никакой необходимости передавать аллитерацию аллитерацией, либо ассонанс ассонансом [3].

«Созвучность слов и звуковая гармония имеет сильное влияние на наши эмоции». Звукопись в поэзии неразделима со значением стихотворного произведения. Звукопись, конечно, сама по себе не имеет определенного значения, при этом придает значение эмоционально-эстетический оттенок и определяет смысловые категории.

Кадыр Мырза Али сказал: «Казахская поэзия, известна всем, это - традиционная поэзия. Стихотворные произведения у нас существуют с давних пор. Но стихотворения, не имеющие ритмичности, которые опираются только на мысль, образ, интонацию и ритм, до сегодняшнего дня не принимаются. И даже одиннадцатистрочный запутанный ритм не был принят казахской поэзией. Поэтому Абай десяти- и одиннадцатистрочные стихи переводил с русского языка четверостишием. Да, казахская поэзия является разборчивой. Писать стихотворение, не имеющее ритма. Не говоря об оригинальных произведениях, переводы тоже являются таковыми. Поэтому наши опытные переводчики подвергают Уитмена, Таку Боку, Пабло Неруда вынужденному ритму...» [4]. Сколько бы не говорилось, что стихотворное искусство развивается и меняется, система стихотворения, в нем имеются самобытные природные внутренние закономерности. И нарушая эти

законности, невозможно внести новшество в национальное стихотворное искусство. Кто смог внести эту новшество, это те, кто смог заметить те скрытые способности языка, которые ранее поэты не замечали.

Абай – мастер перефразирования. Этому тоже повлиял перевод. Особенно в стихотворениях, переведенных с Лермонтова, он использует многие виды перефразирования. Қараңғы көңіл, көңілдің жүгі, улы сусын, жанға түскен жара, жалтандаған жас жүрек, жүйрік уақыт, үміттің нұры, еркелі қол, асау өмір, тентек өмір, жабырқақты сөз, тәтті үн, нәпсінің сынған қайғысы, асау той, тентек жиын... и так далее. «Если все эти образы даже в русском языке использовались в качестве перефразирования, то Абай очень красиво переводил их на казахский язык и предлагает казахские эквиваленты сочетаний. Конечно, Абай не исследовал теорию системы образов на русском языке или канонский словарь русского поэтического языка, но его поэтический талант и прекрасное знание культуры казахской художественной речи дало возможность четко и точно перевести художественное достояние Лермонтова» [5].

Вопросы интонации и интерпретации объясняются конкретными примерами. Для нахождения интонации не условно сохранение размера стихотворения. Самое главное – придерживаться размеров, соответствующих ритмически-интонационным образным средствам.

«Переводчики – представители своего времени и своего народа, они имеют полное право передать оригинал по-своему. Если нет рассуждения и мышления по оригиналу, то и художественного перевода не может быть», – говорил Иван Кашкин [6].

Конкурентоспособность казахского языка в условиях глобализации должна постоянно подтверждаться и в области художественного, в частности, стихотворного перевода, с помощью которого читатель познает другой национальный характер, эмоциональный мир иной культуры, а национальная литература расширяет свою поэтику новыми выразительными средствами.

Перевод не должен быть абсолютным аналогом оригинала, в особенности в странах почти сплошного билингвизма, каким, например, является Казахстан, главное – адекватное эстетическое воздействие на реципиента.

Казахский стихотворный перевод за сравнительно короткий исторический срок прошел весь эволюционный путь, характерный для поэтического перевода в целом. Акыны и поэты-переводчики применяли весь арсенал переводной поэзии: упрощение, сокращение, добавление, перевод поэзии прозой, перевод прозы поэзией, пересказ, переложение, национальная адаптация, подражание, вольный перевод, точный перевод, дословный перевод, эквивалентный перевод, адекватный перевод, имелись также объяснительные (разъяснительные) переводы, устные переводы. Благодаря переводу казахская поэзия обогатилась новыми формами, более разнообразными стали ритм, размер, рифма, усилилась образность поэтической речи.

Главной целью для переводчика является глубокое понимание основной мысли текста. В любой период времени для перевода характерны ошибки. Одним из недостатков переводчика является при недостаточном опыте бросать свою профессию. Из-за неловкости и безалаберности допускаются ошибки. Перевод стихотворения в некоторых местах был выигрышным, в некоторых местах проигрышным, но в общем можно сказать, что перевод достиг творческой победы. Даже при правильном переводе человек не может быть уверен в сути произведения. Известно, что переводить художественный текст очень трудно. Для этого переводчик должен всей своей душой и сердцем, умом и разумом прочувствовать свое произведение. Самое главное точно-точно знать текст. Верить в восприятие, в конце концов, не сожалеть о содеянном. Лучшие переводчики - это не только поэты, но и этнографы, историки, знатоки, языковеды, общественные деятели. И поэтому мы говорим, что переводческое искусство можно рассмотреть как отдельную науку. Первоначально найти дух подлинника, передать основную мысль, а так же найти главных исполнителей. Остальное - на втором плане. По правде говоря, обычные слова с помощью гармонии звуков звучат по-другому. Существование одного общества в другой стране или в другой эпохе способствует восприятию социальных и культурных форм, принимающий художественную литературу. Переводчик служит субъективной опорой и это, конечно, бесспорно. Между автором и переводчиком существует какая-то непонятная связь. Реципиент, как участник коммуникативного акта, а читатель - субъективная сторона. Большую роль занимает менталитет человека. Национальная система перевода может и не соответствовать.

Самая главная цель произведения – это восприятие читателя. Главная цель перевода – это соответствие подлиннику. Проблема поэтики это то, что переводчик должен использовать тот язык, который соответствует подлиннику. В этом деле большое место занимает исследование, понимание. К сожалению, все ошибки допускаются из-за непонимания текста. Сложными являются тексты научные и филологические. Поэт при переводе всегда смотрит на куплет, ритм, слог. В связи с этим он может не донести образ, мысль произведения. Переводчик Белинский называл талантливым того, у кого идеи были талантливыми.

Роль переводной литературы в духовной жизни общества высока. Происходит усвоение опыта передовых иностранных литератур. Во все времена культурные слои общества искали в переводной литературе информацию о новой для них жизни, образцы для нравственного поведения, формирования идейных воззрений и эстетических вкусов.

Иногда переводные произведения рассматривались как оригинальные, что могло привести и приводило к ошибочным выводам и утверждениям. Высказывалось даже мнение, что установление иностранного источника вообще излишне, поскольку анонимно переведенное произведение будто бы вполне соответствовало воззрениям переводчика и его аудитории.

Теоретики и практики литературного перевода различных направлений едины в том мнении, что в развитии переводоведения и национальной литературы большую роль играет переводческая традиция. Переводческая традиция возникает в том случае, если два языка или их носители находятся в долголетнем контакте благодаря переводческой деятельности. Если существует такая переводческая традиция, то она дает возможность переводчикам в будущем в своих переводах учитывать опыт и не совершать ошибок своих предшественников. При наличии переводческой традиции переводы являются попыткой сближения иностранного языка с языком перевода, создают коммуникативные связи, опираясь при этом на ранние переводы. В этом случае между языковыми обществами существует «переводческая прогрессивность». И чем больше будет осуществлено межъязыковых переводов, тем чаще могут в будущем переводчики отказываться от общих толкований, разъяснений, касающихся коммуникативных связей иностранного языка и являющихся предпосылкой для взаимопонимания у читателей языка перевода. Это относится также к выразительным средствам, лексическим единицам иностранного языка и языка перевода. Чем больше будет переведено, тем более расширяются возможности применения выразительных средств, как в языке перевода, так и в родном языке. Межъязыковой перевод означает всегда работу с другой и своей культурой, работу над своим и другим языком.

В противоположность «переводческой прогрессивности» понятие «непереводимость» приобретает значение: «неподвижность», «неизменность».

Создание последовательной истории отечественной переводной литературы в Казахстане является актуальной задачей литературоведения.

Одним из основателей переводческой школы в Казахстане, бесспорно, является великий Абай – гениальный мастер слова, поэт, мыслитель, непревзойденный переводчик русской и зарубежной классической литературы. Воссоздание им произведения Пушкина, Лермонтова оказались ему близкими по мысли и настроению. В произведениях русских поэтов классик казахской литературы слышал отзвуки ему раздумий и сомнений, находил образцы гражданского пафоса. Этим объясняется высокое поэтическое мастерство переводов Абая, которые, не уступая оригиналу, сохранили дух, мысли, идеи великих русских поэтов. Переводческая деятельность Абая во многом способствовала духовному и культурному сближению русского и казахского народов.

Развитие многожанровой переводческой литературы в Казахстане вызвало необходимость в критическом рассмотрении качества переведенных произведений, в теоретическом обобщении национального опыта. Среди первых критиков и теоретиков перевода необходимо назвать М. Ауэзова. Так, он писал: «Вершины мировой философии и мировой литературы в наших руках, и мы должны все это передать нашему народу. Но при этом необходимо сохранить высокий художественный и научный уровень оригинала, не опускаться до упрощенчества, не ориентироваться на неподготовленного

читателя». М. Ауэзов, работая над переводами, сам невольно входил в круг интересов замечательных писателей, усваивал остроту их зрения, учился у них масштабности представлений о мире. По мнению М. Каратаева, без большой и многолетней переводческой деятельности М. Ауэзов, вероятно, не стал бы тем, кто он стал для советской литературы.

Впервые «Царь леса» на казахском языке появилось в 20-х годах прошлого века в переводе Магжана Жумабаева. Его творчество возбудилось знаменитым переводом Жуковского. Если сравнить эти два перевода, они очень похожи как два ягненка. В переводе Магжана не наблюдается искажения содержания и самостоятельное нововведение. На основе перевода Жуковского поэт Магжан перевел балладу Гете на казахский язык более достоверно, выигранными словами характеризовал красивые силуэты и пополнил мировую литературу новым произведением. Со стороны лексики от перевода Жуковского немножко отклоняется, но с точки зрения поэзии казахский поэт полно использовал ритмические изменения амфибрахий, примененные русским классиком и приспособил стих в знакомой 7-8-звенной форме для казахских читателей.

При этом Магжан в каждом куплете вынужденно вклинивал 2-3 слова, чтобы устранить расхождения в оригинале и переводе. В искусстве перевода такой метод издавна встречается, поскольку на разных языках измерение Ритма, выражение звучания не всегда соответствует друг другу. Поэт-переводчик с самого начала ищет форму – синонимы, соответствующие природе оригинала, с чего и начинается сам перевод. Измерения стиха соответствует природе и эстетике национальной поэзии «легко на языке, тепло сердцу». В переводе Магжан предпочитал как можно меньше слов. Поэтому для начала он выбрал свой путь, искал новые оттенки. Остановился на одиннадцатислоговой песне, стихотворения основывались на аабб. По нашим понятиям этот выбор был удачен.

Магжан подчеркнул характерные особенности баллады немецкого автора, особенно выразительно усилив музыкальность и таинственность ее колорита. Поэтический стиль Магжана воплотился в балладе с поразительным совершенством, но стиль Гете оказался значительно изменен: автор видит и воспроизводит иное, чем то, что дает читателю Гете. Поэтика ужасного - примета немецкого романтизма, и немецкие романтики любили сюжет, основанный на таинственном и страшном. Жизнь для романтиков – неразгаданная тайна, загадка, мир чудес. Нередко таинственное обретало в их произведениях черты зловещие, злая судьба играла героями. Такова баллада Гете, написанная в 1782 году. Баллада «Лесной царь» вызывает волнующее чувство изображением того, как силы природы определяют ход действия и становятся причиной таинственной смерти человека. Баллада построена в форме диалога: дитя пугается, отец успокаивает его, лесной царь зазывает ребенка, угрожает ему, и, наконец, все заканчивается смертью

мальчика, не сумевшего устоять под напором грозных и таинственных сил. В этой трагической истории неясно, кто ездок, откуда и куда он скачет; страх, который испытывает ребенок, - это страх перед голосом лесного царя, боязнь тумана, шума листвы. Кого же он боится? В этом и кроется тайна и загадка баллады. В гносеологическом плане романтизм связан преимущественно с субъективной стороной художественного познания. Романтик стремится выразить, прежде всего, самого себя, свой идеал. Роль субъективности в творческом процессе зависит от концентрации в ней гуманистического содержания. Чем больше общечеловеческого она содержит, тем плодотворнее ее участие в создании творения искусства. Шедевры романтической литературы – плод пламенной души, которой хочется поведать людям правду, раскрыть красоту мира и разоблачить его уродливые стороны. Субъективное в произведениях истинных романтиков глубоко человечно и поэтому эстетически значимо. В «классическом» романтизме субъективное выступает, по существу, синонимом человеческого, она гуманистически содержательно. Подлинная романтичность того или иного произведения определяется поэтичностью его идей, она связана с эстетической сущностью мироощущения художника, без чего искусство мертвеет, превращается в кладбище слов, звуков, красок [8].

Проследим динамику поведения и изображения героев и развития сюжета.

У Гете:

Король: в короне и с хвостом; ласкает слух; уговаривает; обещает; угрожает и, наконец, приносит невыносимое страдание ребенку.

У Магжана:

В короне с бородой, заманивает; предупреждает об угрозе

Дитя: пугается; испытывает страх; переживает ужас; невыносимое страдание.

Отец: успокаивает дитя, отрицает его видения, сам испытывает беспокойство; в ужасе торопится

Пугается, испытывает мучение: «мне душно», «тяжко дышать»

Отрицает видения ребенка: «о нет...», затем успокаивает дитя, наконец, торопится.

Таким образом, можно прийти к следующему выводу: у Гете – сила эмоционального воздействия на читателя выражена с большей экспрессией и динамикой, накал страстей доведен до предела, читатель оказывается свидетелем напряженной трагедии; у Магжана – более спокойный и выдержанный тон, нет той гетевской экспрессии и динамики, и случившаяся трагедия не воспринимается так остро и болезненно, проникновенно и трогательно, как у Гете; у Магжана нет «пафоса», «бури», да и не могло их быть у «тишайшего поэта русской поэзии».

В 20-е годы на казахском языке появился перевод баллады Гете «Лесной царь» в переводе К.Бекхожина основное содержание, мысль произведения даны правильно. Но, как указывает М.Курманов, здесь в переводе некоторые значимые особенности выпали из поля зрения. Это связано со стилем, присущим автору. В каждом куплете стиха Гете, четко наблюдаются нежные чувства, пульсы горячего сердца.

Перевод Калижана Бекхожина ничуть не был изменен, он передал вдох и выдох, стук сердца, эстетическое значение в таком же виде, как и его издатель. В балладе описание каждого персонажа, отца, сына, лесника - слова переданы с точностью, характер, обстоятельство на тот момент, чувство испуга.

Казахские поэты передают точную мысль не только с оригинальных произведений, но и с перевода Жуковского и так далее. Эти два писателя могут, стоять плечом к плечу к Жуковскому и их перевод ничуть не уступает другим писателям.

Например, Жуковский: «О нет, то белеет туман над водой», в то же время Мағжан: «Жоқ жаным, су үстінде тұман ғой ол аңғарған» переводит замечательные стихотворения. Или, перевод Жуковского: «Дитя, оглянись, младенец, ко мне», то Калижан «Ей балақай, қара маған кел бері». Так же Жуковский «То ветер, проснувшись, колыхнул листья», Мағжан переводит вот так: «Жел ғой ол жаңа оянып ол жапырақты тербеткен». Приведем еще один маленький пример из последних строк стихотворения.

Жуковский:

«В руках его мертвый младенец лежал»

Мағжан:

«Бір оның қолында, нәресте жолда өліпті»

Қалижан:

«Бірақ бала өліп қапты қолында»

Итак, баллада построена как диалог. По оригиналу трудно определить возраст ребенка, автор описал отца ребенка и лесника некоторыми терминами. К этим определениям Жуковский отнес такие слова как: сын, молодой, малютка, мальчик, дитятка. В переводе Мағжана уменьшительно-ласкательных слов больше, такие как: молодой мальчик, подросток, ребенок, душа, дитя, мальчишка.

Так же нельзя определить возраст отца. А Жуковский в первых куплетах дал определение так: эздок, родимый, а в конце назвал его стариком. Исходя из этого, казахские переводчики дали отцу немного больше, описывая его такими терминами, как старый отец, попугчик (Мағжан), дед, батюшка (Калижан). Употребляя такие слова как душа, отец, дитя, наши переводчики заработали еще один балл[7]

В переводе Мағжана встречаются такие строки: «сансыз қызық көп нәрсе», «ол ақ, шашты ағаштар», «жетті ғой бітті ғой», «ойнар да ұшар-ұйықтар». Так же в переводе Мағжана «старик с детьми» словосочетание не такое уж и приятное.

Конечно, произведение Гете «Царь леса» сильно повлияло на Аполлона Григорьева. Это не скрывает и сам поэт, в своей статье в журнале «Отечественные записки» он пишет: «При чтении «Царя леса» каждый человек волнуется и переживает чудесное чувство. Вы порою слышите тихий плач маленького ребенка, порою слышите чудесный голос Царя леса, уговаривающего малыша, иногда даже поверите успокаивающим словам отца ребенка. А сам Царь леса виднеется издалека в форме беловатого тумана. Маленькая баллада имеет глубокие тайны и великую силу». Баллада Гете распространилась по всему миру в переводах разных авторов и на разных языках, произведение от души изучалось многими поколениями. Оно нашло своих поклонников и на казахском языке. Александр Аникст, который, хорошо знал Шекспира и Гете, говорит так о произведениях Гете: «Король леса - это самая знаменитая баллада Гете, которая достигла больших вершин».

Каждый перевод - это своеобразный эксперимент. Любой автор произведений - неповторимая личность, что и отображается в его произведениях, и произведения его вне зависимости от качества, талантливости это все равно неповторимое произведение. Можно понять танцы других народов, фильмы на чужом языке, так как можно все узнать по движениям и сменам обстановки. Но вот в письменной литературе есть только буквы и знаки препинания. И произведению дарится новая жизнь с приходом переводчика. Переводчик сажает цветы на новый грунт, на новый язык так, чтобы не терялись яркие эмоции и другие чувства автора [8].

Человеческое мышление непрямолинейно, и не является прямым выстрелом пули. Иногда при переводе может оказаться так, что смысл раскрывается сразу, а иногда смысл остается непонятным. И неудивительно, что среди переводов мировой литературы могут встретиться и такие, что превосходят и оригинал того же произведения, которое было написано на родном языке. При помощи сравнения, перечитывания и изучения произведения мы начинаем по-другому смотреть на это произведение. Мы находим нечто, что раньше не замечали, находим новые цвета и мир для себя. И те страны, где были написаны произведения начинают углубленно изучать творение их авторов. Мы долгое время переводили произведения русских авторов. Это и правильно, ибо не делая этого мы лишились бы большого клада знаний и мудрости. Но и останавливаться только на русских произведениях нельзя, надо было изучать литературу и других стран. Но все же, при переводе немалые знания были потеряны. В литературе многое условно, нет четких измерений. Ничего не считается, ничего не нумеруется.

До сих пор есть проблемы, связанные с переводом. Во всем мире появляются статьи, монографии на эту тему, до сих пор ведутся споры. И до сих пор не придумана единая терминология. Чтобы развивать историю художественного перевода, мы обязаны следить за мировыми переводами других авторов и следить за другими, учиться у них. Поэтому должны обобщить знания, собранные

уже опытными переводчиками. Учитывая особенности устной литературы, мы должны хорошо его развить, так как известно, что самый первый способ это устное общение с иноязычными странами и людьми. У нас не осталось доказательств о том, что у нас был устный перевод.

Итак, сравнивая немецкие и казахские произведения, можно увидеть между ними разницу. Во-первых, чтобы глубоко понимать смысл слов, надо достаточно хорошо знать менталитет, традиции и обычаи немецкого народа. Во-вторых, чтобы переводить с иностранного языка, нужно знать нормы родного языка, чтобы они не были преувеличены в переводе. В-третьих, они должны сохранить изначальный облик произведения. Для того чтобы сохранить эстетическое знание, нужно переводить, не изменяя его первого смысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маяковский В.В. Собр.соч. Том. 10. 274 с.
2. Абдрахманов С. «Теория и поэтика стихотворного перевода» автореферат дис. ...докт. филол. наук. - А., 2007 - 36с.,
3. Виноградов В.С. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., Изд-во АН СССР, 1963. - 255с.
4. Мырза Әли Қ. Таңдамалы туындыларының көп томдығы. 13 том. А., 2005, 329-331с.
5. Ауэзов М.О. Уақыт және әдебиет. - Алматы, 1962. - 388с.
6. Кашкин И. Для читателя-современника М., 1968, 439-440 с.
7. Жуковский В.А. П.с.с. в 12т. 1902, т.9, с.73-74 47.Иванов В.В. Лингвистические вопросы стихотворного перевода. //Машинный перевод. Труды Института ТМ и ВТ АН СССР. Вып. 2. - М., 1961. - С.369-395.

Түйіндеме

Мақала И.В. Гетенің “Лесной царь” шығармасы желісі бойынша аударылған Қ.Бекқожин және М. Жұмабаев аудармаларын талдауға арналған. Автор әдеби аударма ерекшеліктерін ескере отырып, Қазақстандағы көпжанрлық аударма әдебиеттерінің даму мәселесін зерттейді.

Resume

The problem of literati translation has been considered in this article. The author examines the problem of development of multigenre literature. Critical consideration of the theoretical conclusion of the national experience has been shown in this article. This article was written on base Goethe's ballad “Erlkönig” which was translated by K. Beckhozhin and M. Zhumabaev.

ПОСЛОВИЦА КАК ВИД ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА ЯЗЫКА И ФРАГМЕНТ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Е.С. Мезенцева

Академический инновационный университет, г.Шымкент

Приоритетным направлением современной лингвистики является изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением и духовно-практической деятельностью. Паремиологический пласт языков является весьма интересным материалом, где отчетливо виден срез “язык - культура - этнос”.

Паремии (пословицы, поговорки, присловия, крылатые слова) являются ценным лингвистическим материалом. Они позволяют проникнуть в глубину языковой символики и способны отражать и даже порождать правила человеческого поведения в новых реалиях окружающего мира. Паремии являются одним из видов речевого творчества народа.

У каждого народа с древних времен в речевом обиходе наряду со словами и устойчивыми сочетаниями слов используются и устойчивые фразы, одну из разновидностей которых составляют паремии.

Под паремиями понимаются вторичные языковые знаки - замкнутые устойчивые фразы (пословицы и поговорки), являющиеся маркерами ситуаций или отношений между реалиями. Отличить пословицу от поговорки достаточно трудно.

По вопросу определения статуса пословицы в научной литературе существуют различные точки зрения. Разграничивая пословицы и поговорки, мы опираемся на концепцию Г.Л. Пермякова. Ученый различает “замкнутые” и “незамкнутые” предложения/ [Пермяков 1975]. Предложения, состоящие из одних постоянных компонентов, которые не изменяются и не дополняются в речи, называются незамкнутыми. Незамкнутые предложения типа До свадьбы заживет представляют собой поговорки. Замкнутые предложения типа Жизнь прожить - не поле перейти представляют собой пословицы. Рассмотрение пословицы в сравнении с паремиями других видов доказывает, что пословица, имеющая сходные признаки с ними, имеет и свою собственную специфику, характеризуется своими отличительными признаками и выполняет только ей свойственные функции.

Значение и место пословицы в духовной жизни народа издавна привлекало к себе внимание исследователей, работающих в разных областях знания - культурологов и филологов, фольклористов и лингвистов, что объясняется

неоднозначной природой пословицы. Пословица не только “кладезь народной мудрости”; с позиций лингвистики пословица - это и текст, и знак. Г.Л. Пермяков описывает тройственную природу пословицы. С одной стороны, пословица - явление языка, с другой - это логическая единица, выражающая суждение, с третьей - это художественная миниатюра [Пермяков 1970].

В работах К.И. Григаса рассматриваются художественные или поэтические образы пословицы. И в то же время пословица рассматривается им как часть языка и инструмент информации [Григас 1987].

Вероятно, первым исследованием русских пословиц с позиций когнитивной лингвистики можно считать книгу И.М. Снегирева “Русские в своих пословицах”, написанную в середине XIX в., в которой на основе пословиц и поговорок точно и последовательно реконструируется представление русского человека о мире и о себе [Снегирев 1997].

По своему содержанию, назначению, функциям пословица - это универсальное явление. По характеру реалий, своеобразию “языковой картины мира”, отражаемой в пословичных изречениях, пословица - национально-языковое явление. Не учитывая этих противоречивых свойств пословицы, нельзя понять ее сущность и специфику. Универсальное и национальное в пословице представляют собой прочный сплав, они сосуществуют в тесном единстве, заключая в себе народную и общечеловеческую мудрость.

Рассматривая пословичный фонд языков разных народов, мы прослеживаем “изображение” картины мира и образа мира сквозь призму пословиц данных народов, выявляя, таким образом, особенности материальной и духовной культуры, архетипы сознания этноса, связь пословиц с историей народа. Помимо этого, сопоставительный анализ пословичных фондов различных языков позволяет получить представление о культурном и пословичном менталитете, характерном для каждой лингвокультурной общности в отдельности.

Являясь готовым речевым стереотипом, пословицы словно навязывают носителю языка готовое решение возникшей проблемы, пытаются предсказать будущий результат его действий или оправдать его неудачи.

Поясним происхождение и функционирование термина “менталитет” в современной научной литературе. Понятие “менталитет”, недавно вошедшее в отечественную научную парадигму, не имеет однозначного определения и характеризуется многозначностью. В узком смысле менталитет понимается как устойчивый склад ума, как понятие, близкое к немецкому *Weltanschauung* “мировидение” [Ревель 1993, 51].

Рассмотрение менталитета как способа восприятия мира, мироведения, обусловленного психическими характеристиками нации и социально-историческими условиями ее существования, восходит еще к В. фон Гумбольдту. Менталигег - это, по В. Гумбольдту, характер народа, находящий отражение не только в языке, но и в литературе, религии, во всех проявлениях

духовной жизни нации. С точки зрения В.Гумбольдта, характер нации складывается на характере языка, а он, в свою очередь, представляет собой “объединенную духовную энергию народа” и воплощает в себе своеобразие целого народа, язык выражает определенное видение мира, а не просто отпечаток идей народа [Гумбольдт 1985]. У каждого народа есть свой склад мышления, мышления который и предопределяет своеобразную картину мира.

Менталитет также рассматривают как совокупность мнений и представлений, свойственных той или иной этносоциальной группе. В.В.Колесов фактически ставит знак равенства между понятиями “менталитет” и “картина мира”, и, отдавая предпочтение термину “ментальность”, определяет ее как мирозерцание в категориях родного языка, в котором сочетаются интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в его типичных проявлениях [Колесов 1995].

При широком понимании менталитет определяют как совокупность представлений, способ поведения, реагирования и восприятия мира представителей различных областей знаний, широкой общественности [Гачев 1995]. Менталитет отражается в картинах мира с разной степенью яркости и полноты. В тех случаях, когда приоритетная роль принадлежит рациональному, логическому мышлению, менталитет проявляется в меньшей степени. Однако, как считает Г.Гачев, даже немецкая классическая философия, претендующая на универсальность, носит отпечаток немецкого видения мира.

Менталитет, проявляющийся в языковой картине мира, - это языковой менталитет. Соответственно, менталитет, проявляющийся в пословичной картине мира, - это пословичный менталитет. Пословичный менталитет - это не менталитет пословицы (как и языковой менталитет - не менталитет языка), но отраженный в пословичном фонде менталитета народа, точнее, определенных социальных групп народа. Пословичный менталитет - это один из вариантов языкового менталитета, шире - один из вариантов народного менталитета.

При анализе пословичного менталитета необходимо учитывать, мировосприятие каких социальных групп влияет на его формирование, поскольку так же, как и языковой менталитет, пословичный берет свое начало от разных социальных групп, в подавляющем большинстве случаев он представляет собой мировидение какой-то одной социальной группы. Немалый интерес представляет и учет гендерных характеристик пословичного менталитета.

Можно предположить, что в коллективном сознании языкового социума, (и в сознании индивида) пословицы образуют своеобразную когнитивную структуру. Пословичный фонд любого языка является своеобразной призмой, сквозь которую отражается представление народа об окружающем мире и о себе, поэтому исследование этого фрагмента языковой структуры, безусловно, может представлять интерес для лингвокогнитивного, ментального анализа языковой личности и языкового коллектива в целом. Пословичные когнитив-

ные структуры разных языков имеют черты сходства и различия, что делает возможным их сопоставительный анализ, а сопоставление пословичного фонда разных языков способно открыть широкие перспективы для межъязыковых (межэтнических, межкультурных) исследований ментальности и языковой картины мира разных этносов.

Выяснить черты сходства и различия в восприятии мира в гомогенной и негомогенной среде и установить особенности их пословичных менталитетов, объяснить, чем обусловлен выбор или сравнение тех или иных пословичных компонентов - лишь некоторые из аспектов и задач нашего исследования, которые требуют особого рассмотрения. Так, в своей работе мы предприняли попытку сопоставить пословичный фонд русского языка (представителей русской диаспоры в Казахстане и русских, проживающих в России). Прослеживая «изображение» картины мира и образа мира сквозь призму пословичного фонда языка, мы пытаемся установить формы и границы трансформации языкового сознания русского этноса, проживающего в разном геополитическом пространстве (автохтонном и неавтохтонном). Проведенные нами первые пилотажные эксперименты (ассоциативные, на установление агнонимии пословичного фонда и др., уже позволяют говорить о неоднородности и специфических особенностях языкового сознания русских - россиян и казахстанцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гачев Т.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. - М., 1995.
2. Григас К.И. Литовские пословицы: Сравнительное исследование. -Вильнюс, 1987.
3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. - М., 1985.
4. Колесов В.В. Ментальные характеристики русского слова в языке и философской интуиции // Язык и этнический менталитет / Отв.ред. З.К.Тарланов. -Петрозаводск, 1995.
5. Пермяков Г.Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда// Типологические исследования по фольклору: Сб. ст. -М., 1975.
6. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (Заметки, по общей теории клише). -М., 1970.
7. Почепцов Г.Г. История русской семиотики. -М., 1998.
8. Ревель Ж. История ментальностей: опыт обзора // Споры о главном: Сб.ст.-М, 1993.
9. Снегирев И.М. Русские в своих пословицах. - Н. Новгород, 1997.

Түйіндеме

Мақалада тілдің паремиологиялық қорының әртүрлі мәселелері және әлемдеге мақал-мәтелдерді және мақалдардағы архетиптерді әр халық тілдік ой-санасына байланысты қабылдауы зерттелінген.

Негізгі сөздер: паремиология, мақал-мәтел, архетип, ұлттық, тілдің ой-санасы, халық.

Resume

This article is based on the different aspects of parameological funds of the language, the world views in proverbs and arshitypes of the language realization of ethnic in it.

Rey words: paremiology, proverbs, saying, arshityres, the language realization, ethnic.

ӘОЖ 81'1

ҚАЗАҚ ТАНЫМЫНДАҒЫ «УАҚЫТ» КАТЕГОРИЯСЫНЫҢ ЭТНОЛИНГВИСТИКАЛЫҚ СИПАТЫ

Б. Молдағали

Инновациялық Еуразия университеті, Павлодар қ.

Тіл мен ойлау, тіл мен таным бірлігінің өзіндік ерекше қасиеттерін тіл білімінің дәстүрлі, «таза», тілдік жеке ғылым саласы шеңберінде зерттеу мүмкін емес. Оған қажет ғылыми парадигма-когнитивті лингвистика, онымен сабақтас этнолингвистика, психоллингвистика, социоллингвистикамен т.б. байланысуы қажет. Осы байланыстар арқылы тіл білімінде адам санасы қалай құрылған, адам дүниені қалай таниды, қабылданған мәліметтер қалай танымға айналады, ментальдық кеңістіктер қалай жасалады деген сұрақтарға жауапты тілдің терең құрылымдарын зерттеу арқылы анықталған. Демек, бұл мәселелер этнолингвистикалық аспектіде - В.Гумбольдт, Ф.Баос, Э.Сепир, Б.Уроф, А.Потебня, Н.Толстой, Ә.Қайдаров, Е.Жанпейісов т.б.; психоллингвистика тұрғыда - К.Юнг, А.Н.Ләонтъев, А.Шахнарович т.б.; лингвомәдениет танымдық сипатта - Э.Тейлор, Э.Маркарян, Ю.Лотман, Ю.С.Степанов, Н.Д.Арутюнова, Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров т.б. ғылымдардың, ғылыми зерттеу еңбектерінде философиялық, психологиялық, этностық, лингвистикалық теорияларының жүйесі дүниені тұтас танудың теориясы шеңберінде тіл қызметінің когнитивтік негіздерін айқындап, сипаттаған.

Бүгінгі таңда тіл білімінде өзіндік табиғатын, даму заңдылықтарын толық та, жан-жақты зерттеу барысында іштей жіктеліп, дүниеге келген әлеуметтік лингвистика, психолінгвистика, статолінгвистика, паралингвистика, іспеттес этнолінгвистика да «этностаным» мен «тілтаным» ғылымының ортақ мәселесі шеңберінде тоғысу нәтижесінде пайда болған жаңа сала.

Алайда этнолінгвистика идеясын әр қырынан және әр деңгейде қарастырып келе жатқан ғалымдардың (мәселен, В.Ф. Гумбольд, В. Вунт, Г. Шухард, Ф. де Соссюр, Бодуэн де Куртене т.б.) өздері де о бастан-ақ, этнолінгвистиканың «Этнос пен этнос тілі» негізінде қалыптасқан толық мойындаса да, олардың өзара қатыстылығы мен үйлесімін айқындауға келгенде пікір тоғыстығы әр жақты болады. Олай дейтіміз, проф. Ж.А. Манкеева: «Этнолінгвистика-тілді мәдениетке қатысты зерттейтін, сонымен бірге тілдің қызметіндегі және дамуындағы тілдік, этномәдени және этнопсихологиялық факторлардың өзара әсерін қарастыратын тіл білімінің саласы» [1, 55б.] –деп, мәдениет пен этнопсихологиямен байланыстырыла қарастырылатын тіл білімінің саласы ретінде көрсетеді. Ал акад. Ә. Қайдар: «Этнолінгвистика – этнос болмысын оның тілі арқылы танып білу мақсатында туындаған лингвистиканың жаңа да дербес бір саласы», – дейді [1, 8б.]. Ғалым Ә. Қайдар этнолінгвистиканы тілмен байланыстырады да, «Этностың басы өткен сан ғасырлық даму жолы, оның белгілері біздерге тас мүсіндер мен жартастарға қашалған сына жазулар арқылы, мәдени ескерткіштер мен әртүрлі ғимараттар түрінде жетуі мүмкін. Бірақ бұлардың бәрі этнос өмірінің мың да бір елесі ғана. Оның шын мәнісіндегі даналығы мен дүниетанымы тек тілінде ғана сақталады. Әрбір дәуірде өмірге қажет болған құрал-сайманның, қару-жарактың, киер киім мен ішер тамақтың, тұрмыстық заттар мен салт-санаға, әдет-ғұрып, наным-сенімге, ойын-күлкі, той-томалаққа байланысты ұғымдардың аты-жөні, сыр-сипаты т.б. тек тіл фактілері ретінде ғана, яғни жеке сөздер мен сөз тіркестері, фразеологизмдер мен мақал-мәтел арқылы ғана бізге жету мүмкін» екендігін айтады [2, 34б.].

Демек, тіл арқылы жеткен көненің көзі, тарихи қаптарлар сырын ашу –этнолінгвистика саласына тиселі.

Жалпы тіл біліміндегі этнолінгвистикаға шолу жасап, жеке сала ретіндегі негіздерін анықтаған - профессор М.М. Копыленко. Ғалым М.М. Копыленконың пайымдауынша, «этнолінгвистика» термині ғылым әлемінде ең алғаш шетел ғалымы Б. Уорфтың идеясы негізінде этнография мен социология ғылымдарының аралығынан туындаған болып табылады. Ал, бұл идея Э. Сепирдің тіл фактілерін этнос мәдениеті мен жеке тұлға тұрғысынан қарастыратын теориясымен сәйкес болғандықтан, ғылымда «Сепир - Уорф болжамы» деген атпен де белгілі болып келді [3, 16б.].

Қазақ этнолінгвистикасына қатысты мәселелермен акад. Ә.Т. Қайдар бастаған этнолінгвистика ғылымының төңірегінде ғылыми мектеп қалыптасқандығын атап кету орынды.

Қазақ танымында қалыптасқан, бейнелі тәсілмен дүниеге келген «уақыт» категориясы әр халықтың өмір тіршілігіне, әдет-ғұрыпына, дүниетанымына байланысты қалыптасқан. «Уақыт» категориясын этнолингвистикалық тұрғыдан зерттеу ұлттық ерекшелігін, әдет-ғұрпын, қайталанбас қасиетін танып білуге, этимологиялық, семантикалық, құрылымдық жағынан ерекше қасиеттерін ашуға мүмкіндік береді. Мәселен, дүниеде барлық нәрсенің басталуы мен аяқталу мерізімі бар. Адам баласы әр уақыттың шектерін шамамен немесе нақты біледі. Бірақ, адамзат баласы өз өмірінің шегі еш уақытта білген емес. Және де білмейді де. Бұл шындық. Бұл адам танымындағы абстракттілік ұғым. Демек, уақыт мәселесі өзі сияқты шегі жоқ мәңгілік мәселе. Уақыт - бұл абстракт ұғым. Соған қарамастан уақыт адамның сезімі мен қарым-қатынас жасаушысының себепкері. Уақыттың өткен-кеткені шексіз, түзу және қайтарымсыз жылжиды. Дүниежүзі халқының уақыт цикілін елестетуі, сипаттауы тіпті оның аяқталуы да әр түрлі. Мәселен, уақыт – мерзім, сағат, өмірдің өту уақыты, арыға барсақ, халық мекені, тұрмыс тіршілігі, тарихы, діні-ділімен байланысы. Уақыттың көз ілеспес жылдамдығын, оны босқа өткізіп, өмірді өксітпеді, алтын мезетті пайдалы іске арнауды уағыздайтын «уақыт –білгенге қазына, білмегенге – быламық» және «Ерте тұрған ойелдің бір ісі артық, ерте тұрған еркектің ырысы артық» мақал-мәтелдері уақытты ұтымды пайдаланып, тынбай еңбек етсең, мол қазынаға кенелесің деген ұғымды білдіре отырып, уақытпен байланысты туындаған тілдік бірліктер.

Айталық, «уақыт тапшы» бірлігін алсақ, уақыттың шектеулігін есептейміз, ол «уақыт өтпей» деген бірлігін уақыттың алдында дәрменсіз сезіну, ал «уақыт тауып» деген бірлікте адам өзінің уақыттан күштірек сезінетінін көрінеді. Бұдан уақыттың шегінің бар екенін көруге болады.

Әлемнің тілдік бейнесіндегі адам танымының табиғи заңдылығы: Уақыт шеңберіндегі (айлық жыл, жыл мезгілдері) тәулік шеңбері және апта шеңбер, Күн мен айдың жылжуы қатысады.

Көшпелі қазақ халқы жаз жайлауда, күз күзекте, қыс қыстауда бірден-бірге көшіп-қонып жүргенде уақыт мерзіміне қатысты, сол уақыттың тұрмыс-тіршілігіне лайық өз өлшемдері болған. Мәселен, ол замандарда секунд, минут, сағат, күн, ай, жыл деген ұғым атауы болмағанымен, оларды деңе мүшелері және тағы басқа өлшем бірліктері арқылы шамалап, болжай білген. Мысалы, секунд ұғымын былай деп шамалап айтқан: Қас қағым, көзді ашып жұмғанша, қас пен көздің арасында т.б. деген деңе мүшелерінің қимыл-қозғалысы арқылы секунд ұғымын айнытпай дәл білдірсе, минутты білдіретін өлшемнің орнына «сүт пісірім» (яғни сүт піскенше өтетін уақытты айтады) деген немесе «ет пісірім; ет қайнатым; ет асым; ас пісірім», «шай қайнатым» деген минут пен сағатты білдіретін фразеологиялық тіркестерге айналған тілдік бірліктерді қолдану арқылы өлшем атауларын бейнелеген.

Философ-ғалым М.Орынбеков ежелгі қазақтар үшін уақыт ұғымы алғашқыда күн мен түн ауысуын сезіну, аңшылық мерзімін түсінумен байланысты болғандығын, сонымен қатар, олар үшін жыл, кезең, уақыт ұғымдарының мәні болмағандығын айтады [4, 101 б].

Мал шаруашылығымен байланысты көптеген уақытты білдіретін бие сауым «биені сауғанда өтетін минуттың шамасын білдіреді, шамамен 30-35 минуттық уақыт», сиыр сауым «сиырды сауап біткенге дейінгі уақыт шамамен 15-20 минут», мал өргенде «таң ертен малдарды өріске айдайтын уақыт» деген өлшемдер этнос тілінде қалыптасқан. Тіпті көшпелі өмірдегі тұрмысымен тығыз байланысты киіз үйдің өзі уақыт категориясын көрсете білген. Айталық, киіз үйдің шенберлі болуы, оның әр орнының өзі халықтың жыл санағы бойынша жыл қайырумен тікелей байланысты. Бұл жөнінде философ-ғалым Т. Ғабитовтың [5] еңбегінде кеңірек баяндалады. Ал, А. Ока өз еңбегінде киіз үй уығымен уақытты белгілегендігі туралы былай дейді: «... Осылай ағашы үнемделген, қолданым мерзімі ұзарған, сапалы және мал-шаруашылығы үшін ыңғайлы үйдің түрі пайда болды. Әсіресе, уықтың тік болуы үйді күн сағатымен үйлестірді. Уықты күн сағаты ретінде пайдалану мүмкіндігінің тууымен уық дамуының үшінші сатысы басталды... Моңғолдардың ерте кезде тұзу уықтың ұшын керітіп белгілеуі, оны жасыл бояумен бояуы, бұл халықта күн сағатының жақсы дамығандығын көрсетеді. Яғни, күн сәулесінің уық ұшынан кереге басына дейін ауысу сәті, сол күндегі мерзімді дәлме-дәл өлшеуге көмектескен. Ал қазақтар арасында уақытты есептеу көбіне шаңырақтан түскен күннің жүрген жолымен есептеген [6, 161 б.] – деп жазған.

Ислам діні кіргеннен кейін діни тұрғыға байланысты айтылатын, уақытты білдіретін өлшемдер қалыптасты. Ол өлшемдер күні бүгінге дейін діни ұстанымдарда, яғни намаз оқу, ораза ұстау т.б. қатысты қолданылады. Мысалы, Бес уақыт намаз: таң (Бамдат) (таң қылаң бере таң намазын оқитын кез), күннің еңкейген мезгілін бесін (бесін намазын оқитын кез) деп атаған, екінді (түс ауып, күн батуға жақындаған мезгіл, бесін мен ақшам арасы), Ақшам (күн еңкейіп, ұясына кіруге таяған кез), Құптан (түн уақыты), ораза ұстау: ауыз ашар кез (күн ұясына кіргеннен кейінгі уақыт), сәресі (таңғы уақыт, шамамен сағат 4-5 арасы) т.б. деп күн уақыттарын бөліп қарайды.

Қазіргі кезде көнеленіп, архаизмге (пассив сөзге) айналған бұл сөздердің бәрі де дін, намаз оқитын адамдары үшін уақыт категориясының өлшемдері болып есептеледі.

Қөк(аспан), жер үсті және жер асты әлемі деп бөлген қазақ дүниетанымындағы аспан әлеміндегі денелерінің әрбір қимыл-қозғалысын көшпелі жұрт жақсы білген. Сол арқылы тәулік бойындағы таң, күн, түн мезгілдерін айнытпай, дәл және болжамды шамамен ажыратып отырған. Мәселен, таң мезгілін Үркер туа, Үркер жерге түспей, Шолпан туғанда деп анықтап, сол мезетте туылған сәбилеріне (қыз балаларға) Шолпан деп ат қоюы, сонымен қатар қазіргі кезде таңғы теле-бағдарламалардың өзінде де «Таң шолпан» деп аталуының өзі де соның айғағы. Ал, аспан денелерін жақсы ажырата білмеген жұрт, көбінесе таңның қалай атуын көзбен, я елеспен мөлшерлеген. Және сол арқылы тілде көптеген фразалық таң рауандап

атқанда, алаң-еленде, таң қылаң бере, таң сібірлей, таң арайлана, құлқын сәріде, таң сыз бергенде т.б. тіркестер қалыптасқан.

Күн шыққандағы уақыт мерзімі күннің қимыл-қозғалысы арқылы өлшенген. Мысалы, күн шығар алдында, күн шыға келгенде, сәскеде, шабдар сәскеде, сәске түсте, күн еңкейгенде, күн ұясына кіргенде (отырғанда), күн батқанда т.б.

Күн ұясына кіргеннен кейін енді түн мезгілі басталады. Мұны да халық бірнеше кезеңге бөліп қараған: екі кештің арасы, алағөбеде, ел орынға отыра, көз байлана, қас қарая, ымырт жабыла, апақ-сапақта, інірде, жеті қаранғы түнде, қас қарайған кезде, т.б.

Халық тәуліктегі уақыт мерзімін қалай жақсы ажыратса, жыл мезгілдерін де жете тани білген. Бір жылды, ең алдымен көктем, жаз, күз, қыс деп төрт маусымға бөліп, онан соң әр маусымды іштей бірнеше кезеңге бөліп қараған. Мұнымен қоса, маусымның өзіне тән тіршілік көрінісімен де уақытты бейнелей білген. Мәселен, жазды: жаз шыға «жаз шыққанда», жаз ортасында «жаз мезгілінің ортасында, яғни шілде айы», қырық күншілік шілдеде «жазда қырық күн шілде дегеніміз жаздың ең ыстық сәті, ол маусым айының жиырма бесінде кіреді де тамыз айының бесінде шығады, осыған байланысты қырық күн шілде деген: сол аралықты білдіре отырып өлшем түрінде қолданылып кеткен», жаз бойы «бүкіл жаздағы үш ай бойы», пішен шауып жатқанда «қысқы малдардың шөбін жазда жинайды, сол себептен жаз мезгілінде шөп жинайтын сәтті білдіреді», ала жаздай «жаздың үш айында білдіреді».

Уақыт категориясының этнолингвистикасын құрауға қазақи танымның, ұлттың болмысын, әлеуметтік-экономикалық тұрмысын, рухани мәдениетінің ерекшеліктерін көрсететін мынадай күрделі атаулар қатысады: он екі сәт, үш бунақ, бес қонақ және т.б.

Он екі сәт – «ұзақ мерзім» дегенді білдіреді [7, 186.]. Мысалы, -О, бұл қой әлі ет болғанша мың бір әлем он екі сәт. Мұнан қашан әкетеді? Ет комбинатына апарған күні қабылдай қоя ма, жоқ па? (Нұқасым Қазыбеков. Хат. – Жұлдыз, 1986, 127 б), - деген әңгіменің үзіндісінде он екі сәт күрделі атауы мың бір әлем тіркесімен бірге ұзақ мерзім деген сөзді білдіріп тұр. Бұл жерде аталған күрделі сөз үстірт мағынада қолданылса, он екі сәт сөзінің байырғы нақты мағынасын екінің бірі біле бермейді, сондықтан оның шын мәнінде білдірген тілдік мағынасы астырт мағынаға жатады. Осы мағынаны Н.Уәлиев былай анықтайды: «Қазақтың халық календарын зерттеуші ғалымдарымыздың бірі – М.Ысқақов кейбір түркі халықтары, оның ішінде ұйғырлар тәулікті он екі шаққа (сағат) бөлген деген Ұлықбектің мағұлыматына назар аударады (М.Ысқақов. Халық календары. 1980, 220-бет). Тәулікті он екі шаққа бөліп, оны он екі жыл атауымен атау монғол халықтарында да бар: 1) хулгана цаг – тышқан шақ, 2) ухер цаг – сиыр шақ, 3) бар цаг – барыс шақ, 4) туулай цаг – қоян шақ, 5) луу цаг – ұлу шақ, 6) моғай цаг – жылан шақ, 7) морин цаг – жылқы шақ, 8) хонин цаг – қой шақ,

9) бичин цаг – мешін шақ, 10) тахиа цаг – тауық шақ, 11) ноой цаг – ит шақ, 12) гахай цаг – доңыз шақ [86.].

Үш бунақ. Қазақтарда және тағы да басқа түркілерде бір жылды үшке бөліп қарастырумен туындаған уақыт ұғымы. Сонымен қатар, шаруашылыққа байланысты туындаған уақыт ұғымы. Есепшілер шаруашылықты ауа-райымен сабақтастырып жүргізу үшін бір жылды 120 күннен тұратын үш бунаққа бөлген. Үш бунақтың алғашқысы бас бунақты шаруалардың тілінде қара қатқақ деп те атайды. Орта бунақта шөп қуаты басына шығады. Аяқ бунақ қазанның тоғызынан ақпанның тоғызына дейінгі уақыт. Малшылар бұл мерзімде «күйек шешіп», жылқыны тебінге түсіреді.

Бес қонақ. Жаз бен күз мезгілі арасында болатын ызғырық, суық күн. Бес қонақ күрделі атауы тоғау есебіне байланысты: бірінші қонақ 31 наурызда, қазіргі күнтізбе бойынша 21 сәуір – көктем мейрамы, еңбек мерекесі; екінші қонақ 31 мамыр, қазіргі 22 маусым-жаз мерекесі; үшінші қонақ 31 маусым, қазіргі 22 шілде – ақын, өнер, парасат күні; төртінші қонақ 31 шілде, қазіргі 22 тамыз – тіл мерекесі және ұлттық дәстүр күні; бесінші қонақ 31 тамыз, қазіргі 22 қыркүйек – күз мейрамы, сабантой [7, 216.].

Бес күндік пәни – шектеулі ғұмыр дегенді білдіреді. «Бес күндік» деген «қысқа» мағынасында жұмсалып, жалған дүние, адамның жарық дүниеге келіп, о дүниеге аттану аралығында уақыт өлшемін білдіреді. Бір жағынан бұл күрделі атау «дін» концептісіне «діни уақыт» өлшемі ұғымына да келеді. Сондай-ақ, бес уақыт намаз деген сияқты бес санымен келетін өлшем бірліктері де қазақ халқының лингвомәдени танымын білдірсе керек. Ай атауларында: «көкек» - құстардың оралу уақыты, «мамыр» - жаңару кезеңі, «отамаль» - мал барынша тойынды, «қазан» - шөптің таусылуы, «қантар» - күннің қысқарылуы, қаңтарылуы деген сияқты уақытпен байланысты халық танымы байқалады.

Сонымен, уақыт категориясына жеті күндік апта, төрт апталық ай, он екі айлық жыл және он екі жылдық мүшел циклдары кірді. Бір цикл айналымына сыймайтын оқиғаларға уақыттың «тірі хронология» стилі қолданылды.

Қорытындылай келе, кез келген атау қажеттілік болған соң пайда болады. Тіл - атаулардан құралады. Бірақ әрбір тіл қандай да бір ұлттың ғана тілі болатындықтан, оның әрбір атауы мен әрбір этнолингвистикалық сипаты сол ұлттың ділін танытып, белгілі бір қажеттілігін өтейді. Сондай-ақ, сол бірлік арқылы беріліп тұрған ақпаратқа халық өз тәжірибесі арқылы көз жеткізген, оның заңдылығын таныған, ашқан және мойындаған. Сондықтан да, «уақыт» категориясының этнолингвистикалық атауы әлі де болса, толық зерттеуді қажет ететіні сөзсіз.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Манкеева Ж.А. Қазақ тіліндегі этномәдени атаулардың танымдық негіздері. – Алматы: Жібек жолы, 2008.-356 б.

2. Қайдар Ә.Т. Қазақ тілінің өзекті мәселелері: Актуальный вопросы казахского языка. – Алматы: Ана тілі, 1998. - 304 б.
3. Копыленко М.М. Основы этнолингвистика. – Алматы :Евразия, 1995. - с 16
4. Орынбеков М.С. Ежелгі халықтың дүниетанымы. – Алматы: Ғылым, 1998. - 126 б.
5. Философия: Жоғары оқу орындары студенттеріне арналған оқулық/ Құрастырған Т. Ғабитов. – Алматы: Раритет, 2004. - 392 б.
6. Ока А. Қазақтың киіз үйінің негізгі бөлігі – уық.// Б.Әбілқасымұлының 70 жылдығына арнайы ұйымдастырылған ғылыми теориялық конференция материалдары. – Алматы: Арыс, 2001. - 159-163 б.
7. Уәлиев Н. Сөз мәдениеті. - Алматы: Мектеп, 1984. -107 б.
8. Базылхан Б. Монғолша – қазақша сөздік. Улан батор – Өлгий, 1984. - 880 б.

Резюме

В статье рассматривается то, как раздел этнолингвистики, который изучает тайны древности и страницы истории, дошедшие через язык, пишет о казахах, а так же как определяет единицу времени в понимании кочевого казахского народа.

Resume

In this article is considered that, how branch of Linguistics, which studies ancient mysteries and pages of history, endured through language, writes about Kazahk, and in the same way defines unit of time in appreciation of nomadic Kazahk nation.

УДК 801. 8

КОМУЛЬСКИЙ ЦИКЛ ИСТОРИЧЕСКИХ ДАСТАНОВ

Г.М. Молотова

*Институт востоковедения Комитета науки МОН РК,
г. Алматы*

Богатый фонд фольклорного материала хранится в Восточном Туркестане, частью которого является комульский цикл исторических дастанов. Комульский цикл дастанов включает в себя две группы текстов: 1) дастаны, повествующие о событиях XVII-XVIII вв., 2) дастаны, о событиях первой четверти XX века. Единство двух групп произведений реализуется через объединение вокруг центра, которым выступает место событий. Характерно, что образование цикла произведений устного народного

творчества осуществляется объединением единым центром. Это может быть важнейшее историко-тематическое происшествие или персонаж. Сам термин четко охарактеризован В.П. Аникиным, который утверждает, что: цикл образуют «совокупности связанных между собой явлений, свершающихся в течение какого-либо промежутка времени» [1, с.117].

Тексты дастанов повествуют о событиях XVII-XX вв., происходивших на территории Комула, имевшего в прошлом статус города-государства. Комул входил в состав Яркендского ханства, созданного во второй половине XVI века, южной части Восточного Туркестана. Яркендское ханство граничило Джунгарским ханством. В XVII в. власть в Яркендском ханстве переходит в руки ходжей. В 1713 г. с помощью своих ставленников ходжей ойраты установили контроль над этим ханством [2, с.18]. В трудах историков изучающих данный период констатируется факт, что благодаря географическому положению, Комул имел важное стратегическое значение как для Джунгарского ханства, так и для Цинской империи. В эпоху сражения за контроль над Яркендским ханством уйгуры были вовлечены в эти конфликты. События этого периода воспеваются в комульских исторических песнях и дастанах.

В комульский цикл входят следующие дастаны: «Өмір батур» (Богатырь Омар), «Ячибөг дастаны» (Дастан о Ячибеке), «Исламбегим дастаны» (Дастан «Исламбегим»), «Ғожанияз һәккидә» (О Ходжиниязе). Эти тексты опубликованы в сборнике «Кумул нәмилири» (Комульская поэзия) [3, с.343-398]. В дастанах воспеваются храбрость и героизм национальных героев, выходцев из Комула и его окрестностей.

«Богатырь Омар» повествует о столкновениях комульцев с джунгарами в XVII в., «Дастан о Ячибеке» о национально-освободительном движении во второй половине XVII века. «О Ходжиниязе» о народном восстании 30-х годов XX в. под руководством Ходжинияза. К какому периоду относятся события дастана «Исламбегим» трудно установить. Можно предположить, что и этот текст повествует об эпохе борьбы уйгуров с джунгарцами. Таким образом, в комульском цикле сосредоточены дастаны, воспевающие события разных эпох.

Составитель сборника «Кумул нәмилири» Ели Исмаил предполагает, что в дастане «Богатырь Омар» повествуются события 1605-1668 годов. В книге «Комул» говорится, что в 1674-1788 гг. совершались набеги джунгарских войск под предводительством Галдан Кунтайджи. Также сообщается о месте, где происходило событие – Ялгуз туюн вблизи Комула [4, с.145]. Как повествуется в дастане, у пригорья Ялгуз туюн джунгарцами был совершен набег на мирных тружеников и убиты сорок молодых людей. Когда народ обратился к правителю Абайдулла тарханбегу отомстить за смерть невинных людей, то выступает богатырь по имени Омар. По сведениям, приводимым в книге «Комул» Абайдулла тарханбек правил Комулом в 1697-1709 годы [4, с.80]. Исследователь истории Восточного Туркестана А.Ходжаев правителя

Комула называет Убайдулла-ханом. Конкретной даты начала правления Убайдуллы-хана ученый не указывает. Однако послание Убайдуллы-хана цинскому двору датируется 1696 годом. В связи с ограблением и убийством цинского посла Мади в 1693 году. Убайдулла-хан упоминается как правитель Комула [2, с.23]. Таким образом, сличив сведения, приводимые в двух трудах, приходим к выводу, что автором труда «Комул» не правильно указана дата начала властвования Убайдуллы-хана.

В дастане Омар характеризуется как охотник. В прологе сказитель сообщает, что:

Лачин ғолидин чүшүп кәлди,
Атлар ойнатип.
Оң қолида күмүш нәйзә,
Куланлар атип.

С ущелья Лачин спустился,
Гарцуя на скакуне.
В правой руке серебрянсе копьё,
Подстрелив куланов.

Из этого примера видно, что образ богатыря Омара создан в подобии образа охотника. С одной стороны, охота – одна из занятий жителей горных мест Комула. С этой точки зрения, отражена реальность. С другой стороны, образ охотника является отголоском архаических мифов [5, с.667]. Как известно, в мифах культурный герой выступает как охотник–добытчик. С этой позиции образ Омара приближается к образу героя эпосов.

В следующем четверостишии, где описывается одяние богатыря, повторяются первые две строки. Сказитель уделяет особое внимание оружию, одежде и коню богатыря. Если в приведенном выше примере делается акцент на серебрянсе копьё, то в следующих строках сказитель акцентирует внимание на его одежде:

Лачин ғолдин чүшүп кәлгән,
Бир һашим улан.
Қизил-йешил тон кийипту
Яқаси булғун.

С ущелья Лачин спустился
Один величавый сын.
Одет в красно-зеленый халат
С воротником из соболя

В приведенных двух примерах наблюдается, что сказитель использовал повтор для создания портрета героя. Первая строка этих примеров, повторяясь, создает созвучие двух строф. В первом примере создан образ охотника, во втором делается акцент на одяние героя. В целом в приведенных двух

строфах создается портрет народного героя. Сказителем особо отмечается такая черта Омара, как отзывчивость. Как уже отмечали, народ Комула обратился к Абайдулле тарханбеги с просьбой отомстить за смерть мирных тружеников. Омар вызвался добровольцем:

Көк ала тайни минип,
Фол төвөн чапқан.
Мән-мән дегән ярәнләрниц,
һалини сориган.

Сев на серо-пегого жеребенка,
Вниз по ущелью скакал.
У высокомерных друзей,
Справлялся об их состоянии.

Эти строки несут скрытый смысл: «Мән-мән дегән ярәнләрниц, һалини сориган». Здесь подразумеваются джунгарские войска, которые возгордились временной победой.

Масть коня героя упоминается дважды. В первом случае, сказитель говорить, что Омар скакал на серо-пегом жеребенке. Во втором случае, упоминает о смене коня богатырем на серо-пегого жеребенка. Когда речь идет о коне богатыря, то для передачи быстроты серо-пегого жеребенка использовано выражение «учти пәләккә» - «взлетел на небо»:

Өмір батур тайни минип,
Учти пәләккә.
Ялғуз туюн аркисида,
Қонди терәккә.

Богатырь Омар сев на жеребенка,
Взлетел на небо.
Сзади Ялғуз туюна
Сел на дерево.

Использована антитеза для раскрытия образа Омар-батура. Противопоставляется храбрость главного героя трусости врагов:

Өмір жәңгә атлинип,
Яв ағзини кан әтти.
Болуп бәрбат дүшмәнләр
Қуйруқини тикивәтти.

Омар вступил в бой,
Окровавил пасть врага.
Разбитые враги
Смылись.

В данном примере, чтобы описать трусость врага, сказитель использовал идиому «куйрукини тикивэтти» в значении «смылся».

В эпизоде, где описывается сражение Омар-батура с врагом, передается мастерство и храбрость богатыря:

Ойнитип ок-я-килич,
Төрәптин киргін салди,
Өмәр батур мәрдләрчә,
Гапат туғини алди.

Махая мечом и луком со стрелами,
С одной стороны учинил побоище,
Омар батур мужественно,
Взял знамя Гапата.

В данных строках сочетание «әпат туәи» может означать «знамя Гапата». По историческим фактам, старший сын Абайдулы тарханбеги Гупа (Вапа) [6] возглавлял войсками Комула, а флаг армии был красного цвета. Омар-батур выступив добровольцем, стал под знамя войска Комула.

Образ Омар-батура идеализирован. Его образ близок к образам героев эпических произведений. Он один сражается против тысячной армии. Он внушает им страх. Враг, увидев Омар-батура, пускается в бегство. В дастане повтором числа «бир миң бир йүз» (одна тысяча сто) делается акцент на многочисленность вражеского войска, против которого сражался Омар-батур. В следующих строках мы видим храбрость, бесстрашие и воинственность Омар батура в противовес трусости вражеской рати:

Өмәр батур хош әр еди, Аләмдин ашқан.	Богатырь Омар был хорошим, В мире нет подобного.
Бир миң бир йүз черик кәлсә, Нәйзиләр чачқан.	Если наступал тысяча сто войско, Разбрызгал на них копьа.
Көк ала тайни минип, Байларни басқан.	Сев на серо-пегого жеребенка, Проехал местность Бай.
Бир миң бир йүз черик көрүп, Арқиға качқан.	Тысяча сто солдат его увидев, Попятились назад.
Ялгуз туюнниң арқиси, Түп-түз бир алқан.	Горный хребет Ялгуз туюн, Подобно ладони равнина.
Бир миң бир йүз черик чикип, Өрүлүп янған.	Тысяча сто солдат выступив, Попятился назад.

Дастан «О Ячибеке» – второй текст, входящий в кумульский цикл. Этот дастан тоже освещает уйгуро-джунгарские отношения в XVII веке. В начале XVII в. потомки правителя Восточного Туркестана делятся на две группы:

белогорцы (ақ таәлиқлар) и черногорцы (қара таәлиқлар). Начинается междоусобная борьба. В 1679 году предводитель группы белогорцев Аппакходжа, опираясь на поддержку джунгарцев, берет в свои руки власть. Однако с тех пор Восточный Туркестан становится вассальной страной джунгарцев. В дастане воспевается борьба народа за независимость во главе национального героя Ячибека. Как повествуется в дастане, под знамя Ячибека собираются добровольцы ряда городов, как Комул, Багдаш, Аратам и других. Повстанцы под его предводительством наносят серьезный урон врагу.

В прологе дастана сообщается о месте рождения главного героя:

Ячибәғниң өйлири,
Төрүк теғи Әмтидә.
һийлә-тама йоқ еди,
Ячибәғниң әптидә.

Дом Ячибека,
В Амти близ горы Торук.
Корысти, ухищений не было,
В нраве Ячибега.

В приведенном примере нашло отражение отношение народа к Ячибеку. Кратко, ярко охарактеризован народный защитник. Далее сообщается о тяжелом положении народа, который подвергался к разбою, и облагался непосильными налогами, что привело народ к обнищанию. Эта причина побудила Ячибека встать на тропу борьбы.

Кунтажиниң ләшқири,
Салди хәккә соруқлук.
Сар селишти халайиқ,
Өй-макани туруқлук.

Войско Кунтаджи,
Наложил народ налогами.
Народ замучился от беготни,
Остались их жилища.

Сказителем создан яркий портрет Ячибека. Он строен, руки словно кувалда, а сам подобен льву. Это традиционное сравнение, используемое в создании образа богатыря:

Ячибәғни көргәнләр
Сумбатлиқкән дәр еди.
Гурзи-базған қоллири,
Йолвас кәби әр еди.

Кто увидел Ячибека
Говорили, что он статный.
Его руки словно булава-кувалда,
Мужчина подобный льву.

Ячибеку также характерен богатырский аппетит. Этим подчеркивается огромная физическая сила героя:

Ячибэг хоп эр еди,
Ячибек был хорошим мужчиной,
Йэттэ кулан йэр еди.
Йэттэ кулан йәп болуп,

Ел семь куланов.
Съев семь куланов,
Спрашивал, есть ли еще.

Приведенные примеры показывают, что сказитель при создании образа национального героя использовал готовые формы. Поэтому образ Ячибека очень близок к образу богатырей героических эпосов.

Сказитель, как и в предыдущем тексте, повтором числа «миң киши» (тысяча человек) делает акцент на многочисленность повстанцев.

В дастане Ячибек характеризуется как бесстрашный и храбрый воин, которому беспрекословно подчинялись все. Враги могли сохранить жизнь, сдавшись в плен, о чем свидетельствуют следующие строки:

Ячи дегән бир киши,
Аркисида миң киши.
Ячиға егилмисә,
Кутулалмайду киши.
Ячи бегим Ячидур,
Нәйзисини санчийду.
Ячиға егилмисән,
Токмак билән яниду.

Ячи был личностью,
За ним стоят тысячи человек.
Если не подчинятся Ячи,
Человек не мог спастись.
Бек мой Ячи, он Ячи,
Вонзает копье.
Если не подчинится Ячи,
То огреет дубинкой.

Повстанцы во главе с Ячибеком были большой угрозой для маньчжуров. Тогда маньчжурский правитель находит выход из ситуации: подкупает одного

из представителей высшего сословия Османбека, тот в свою очередь нанимает себе в подручного зятя Ячибека Саманчи. При передаче этой информации наблюдается отрицательное отношение сказителя к этим персонажам. Продажность этих людей в дастане повествуется с презрением:

Қалмақ келип чиллиди,
Османбәгни йениға.
Османбәгму сетилди,
Сәккиз мискал алтунға.

Пришел калмык и подозвал,
Османбека к себе.
И Османбек продался,
За восемь мискалов золота.

Саманчиму сетилди,
Османбәгкә қетилди.
Кәйнигә чүшүп Ячиниң
Тутмақ болуп етилди.

Саманчи продался,
Стал на сторону Османбека.
Следуя за Ячи
Бросился пленить его.

Здесь «мискал» означает меру веса равной 4 граммам. Утверждая, что Османбека подкупили 8 мискалами золота (32 г), сказитель раскрывает его сущность. Представителя высшего сословия подкупают за столь мизерную оплату.

Сказителем создается портрет Саманчи, где чувствуется презрение к предателю:

Соқләт-сөрүн Саманчи,
Ячиға болди күшәнди.
Нәпкә сетип женини,
Болди Османға ялақчи.

Гнусный, презренный Саманчи,
Стал вредителем для Ячи.
Ради выгоды продал душу,
Стал приспешником Османа.

Из этого примера видно, что сказитель относительно народного предателя Саманчи подобрал слова с неодобрительным оттенком. Саманчи обманом заманивает Ячибека в свой дом, убеждая, что у них спокойно. Затем, подрезав подпругу коня Ячибека, доносит врагам. Как повествуется

в дастане, Ячибека привязывают восемьдесят человек. С одной стороны гиперболизацией сказитель подчеркивает богатырскую силу народного героя. С другой – делается акцент на трусость вражеской рати, несмотря на многочисленность:

Ячибэгниц йүрикини,
Эжэп-эжэп дағлиди.
Сәксән киши йиғилип,
Ячибәгни бағлиди.

Сердце Ячибека,
Очень-очень опечалили.
Собравшись восемьдесят человек,
Ячибека привязали.

В дастане приводятся краткие биографические данные Ячибека. Называется имя отца Ячибека – бек по имени Сулайман, упоминается о сестре, хотя не называется ее имя. В эпилоге дастана называется имя сына – Аллакули:

Елип манди Ячини,
Өлтүрүшкә буйриди.
Аллакули дегән оғли,
Аркисидин йүгүрди.

Повели Ячибека,
Приговорили к смерти.
Сын по имени Аллакули,
Следом побежал.

Дастан завершается сообщением, что народ отомстил за смерть своего любимца: убив Саманчи, набили соломой его кожу. Здесь использован повтор слова «саман» (солома). Имя предателя сказитель тоже производит от этого слова, делая акцент на полость, внутреннюю пустоту. Характерно, что имя предателя сводится к роду занятия. Как бы заранее информируя о безликости образа.

Следует отметить, что об убийстве 40 мирных землепашцев была сложена историческая песня «Ялгуз туюн», которая приводится в книге «Комул» [4, с.145-147].

Дастан «Исламбегим» сопровождается предысторией, где сообщается об ареале распространения текста:

Гүл-чечәккә оралди,
Кумул йурти-бостани.
Эл ичигә таралди,
Исламбегим дастанни.

Укутался в бутоны-цветы,
Родина-сад Комул.
Среди народа распространился
Дастан об Исламбегим.
Далее повествуется ликование народа, услышав весть о приезде
Исламбека. Он правитель города Чамбашлик. Отмечается его мастерство:
Мисир теги кәйнидә,
Тарам-тарам су ақар.
Исламбегим ғәйрәтлик
Қилич ойнап баш чапар.

За горой Мисир,
Обильно течет вода.
Исламбегим доблестен
Играя саблей, рубит головы.
Сказителем мастерски использована гипербола для передачи отвагу и
храбрость Исламбегим:
Әпләп туруп мушт атти.
Ялмавузға-чериккә.
Тағ-сайларни тошқузди,

Наполнил горы и лощины,
Прицелившись, кинул колотушку
На чудовище-войске.
Дәвә-дәвә өлүккә.
Грудами трупов.
Наблюдается использование традиционного сравнения врага с чудовищем
(ялмавуз), мифическим существом, пожирающее все, что попадает на пути.
Этим сравнением показывается разрушительность набегов врага.
Далее повествуется, что Исламбек признанный на родине богатырь:
Ислам шундақ әр еди,
Нами әлгә тонулған.
Әлгә қилған һиммити,
Дастан болуп тарқалған.

Ислам был таким мужчиной,
Его имя народу известен.
Его забота о народе,
Распространен дастаном.
Дается косвенная информация о всеобщем народно-освободительном
движении. Как повествуется, султан Хотана собрав войско, пригласил

Исламбека возглавить их. Сказителем особо подчеркивается его храбрость. Герой дастана внушает страх своим грозным видом:

Көкрәк керип Исламбөг,
Кирди мөйдан ичигө.
Титрәп кәтти черикләр
Униң тағдәк күчигө.

Исламбек расправив грудь,
Вошел в поле боя.
Вражеская рать задрожала,
Увидев его силы, подобной горе.

Далее сообщается о доблестном сражении Исламбека, о покорении множества войск врага, его ранении. С особой силой передается картина храбрости Исламбека. Так, раненый Исламбек перевязав раны, вступает вновь в бой:

Қанчә-қанчә черикләр,
Ислам бәккә баш әгди.
Қаза келип ғайиптин,
Ана үч пай оқ тәгди.
Ярисини шу һаман,
Достлириға тандурди.
Жәңгә кирип қайтидин,
Қисасини кандурди.

Сколько-сколько солдат,
Подчинились Ислам беку.
Неизвестно откуда беда пришла,
На него три стрелы попали.
Рану сразу же
Велел перевязать друзьям.
Вновь вступив в поле боя,
Утолил жажду мести.

Исламбека, плененного в одном из боев, заперев в железную клетку, тайно везут в Хотан. Приемом антитезы сказитель передает силу любви и уважения к национальному герою: враг ликует, прокликает Исламбека, а народ желает ему здравия. Как повествуется в дастане, друзья освобождают его из плена и Исламбек выступает с призывом бороться с врагом и освободить Хотан. Из его слов явствует, что враг – кефиры, а их борьба - «газават». Эпилог дастана оформлен в виде плача народа о смерти Исламбека.

Дастан «О Ходжиниязе» относится ко второй группе комульского цикла. В нем повествуется о восстании народа Комула под предводительством

Ходжинияза в 30-е годы XX века. Основной акцент делается на то, что Ходжинияза народ выдвинул руководить деятельностью повстанцев. Сказитель позволяет себе давать наставления Ходжиниязу:

Хожанияз әмди сиз,
Көңлиңизни кәң қилиң.
Он икки тағниң чоңлирини,
Өзиңизгә тәң қилиң.
Ходжанияз тепер вы,

Будьте великодушны.
Старшин двенадцати гор,
Считайте равными себе.

Этими строками как бы передается присущее человеку высокомерие. Поэтому сказитель советует Ходжиниязу считать старшин других местностей, примкнувших к народно-освободительному движению, равными себе. Как свидетельствуют исторические факты, в 1933 г. была создана Исламская Республика Восточного Туркестана. Ходжинияз был избран председателем [7, с. 68]. Вероятнее всего об этом факте истории идет речь в приведенном примере.

При описании сражений использована гипербола:
Лүйжаң болуп Хожанияз,
Лодунларда жәң қилған.
Батурларчә жәң қилип,
Өлүк билән шәр қилған.

Ходжанияз стал командиром,
В Лодуне воевал
Сражаясь героически,
Из трупов построил город.

В комульском восстании принимали участие и дунгане. В дастане повествуется об измене дунган во главе с Маджуньином:

Мажуньиң дегән тунған,
Жимисарда турғанду.
Бирләшкән келишимни,
Өзи башлик бузғанду.

Дунганин Маджуньин,
В Джимисаре остановился,
Договор об объединении,
Нарушили под его руководством.

Как свидетельствует Алихантора Сагуний, объединение дунган и уйгуров под предводительством Маджуньи́на и Ходжинияза образуют мощную

силу. СССР, не ожидавший такого поворота, внедряет людей организовать раздор между ними: распространяют слух о присвоении большого количества трофея дунганями. Таким путем добиваются разлада уйгуров и дунган [7, с.70]. Об этом факте повествуется в следующих строках:

Ушшак тилда жән болди
Хәнжәр билән сәп турдук.
Нийәт бузған туңғанни
Иман ейткин дәп турдук.

В Ушшак тиле был бой
Стали в строй с кинжалом.
Дунганов, нарушивших замыслы
Призывали к вере.

Историческим дастанам комульского цикла свойственно усиливать воздействие речи путем повтора. Особенно для обозначения многочисленности войска употребляется выражение «бир мис бир йӱз» (одна тысяча сто). В дастане «Богатырь Омар» это выражение повторяется трижды.

Еще одной отличительной чертой текстов комульского цикла является создание некоторых строк путем контаминации. Это явление наблюдается в дастане «Исламбегим». Доминантой выступают строки песен народной певицы Назугум. Контаминацией созданы 2,3,4 строки. Часть первой строки дается с небольшим изменением:

У Назугум:

Тағдин чүшкән төрт атлик,
Тәртилиси боз атлик.
Тәртиниң ичидә
Мениң акам сумбатлик.

Спустившиеся с гор четыре всадника,
Все на сивых конях.
Среди четверых всадников
Мой брат стройнее.

В «Исламбегим»:

Ахшам кәлгән төт атлик
Төтилиси боз атлик.
Төтәйлән арасида
Исламбегим сумбатлик.

Вчера прибывшие четверо всадника,
Все на сивых конях.

Из четвертых
Исламбек стройнее.

В исторических дастанах редко встречается упоминание о дате события. Указание точной даты воспеваемого события характерно историческим песням. Однако в дастане «О Ходжиниязе» мы обнаружили строку, где сообщается время одного из сражений:

Иккинчи айниң он алтиси,
Лодуңларда сокуштук.
Худайимға шүкри ейтип,
Намаз-нияз окуштук.

Шестнадцатого числа второго месяца,
Всеваля в Лодуне.
Выражая благодарность Богу,
Молитвы-обращения читали.

На примере исторических дастанов комумельского цикла можно сделать следующий вывод: исторический дастан XX в. претерпел множество изменений. Он более приближен к жанру исторических песен. Повествование лаконичнее. Композиционные строение дастана изменено. В отличие от традиционного строения в этих текстах повествование передается только поэзией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин В.П. Теория фольклора. Курс лекций. - М.:КДУ, 2004. - 432 с.
2. Ходжаев А. Цинская империя и Восточный Туркестан в XVIII в. - Ташкент:Фан, 1991.
3. Кумул нэмилири. Үрүмчи, Шинжаң хәлик нәшрияти, 1991.
4. Кумул Түзгүчи Айшәм Әхмәт. Үрүмчи, Шинжаң хәлк нәшрияти, 1993.
5. Мифология. Большой энциклопедический словарь. М., Большая Российская энциклопедия, 1998.
6. А.Ходжаев в указанном труде называется имя старшего сына Убайдулла-хана – Гопурбек, который стал правителем после смерти отца.
7. Талипов К.Т. Лихантҗрј Саәуний Қумул козәилиси һјккидј// Материалы международной конференции «Уйгуроведение в Казахстане: традиция и новации». - Алматы, 2006.

Түйіндеме

Мақала авторы ұйғыр фольклорының аз зерттелу мәселесіне назар аударады. Мысалы тарихи дастандарының Қомұлдық айналым мысалында айналымдар қалыпталуы мәселесі, олардағы тарихи шынайылықтар бейнесі, сонымен қатар зерттелетін дастандарда кейіпкерлердің бейнесін жасау қарастырылады.

Resume

Автор статьи обращается к проблеме малоизученной в уйгурской фольклористике. На примере Комульского цикла исторических дастанов рассматривается вопрос образования циклов, отражения в них исторической действительности, а также созданию образов героев в исследуемых дастанах. Приходит к выводу, что, в основном, образы героев дастанов созданы по готовой форме. Они сближены к образу богатыря героического эпоса. При описании портрета и деяний героя повествования сказителями используются такие приемы как гипербола, повтор, антитеза.

ЭОЖ 882.151.212.2

**О. СҮЛЕЙМЕНОВТІҢ АДАМ МЕН ӘЛЕМ ТУРАЛЫ
КӨРКЕМДІК-ФИЛОСОФИЯЛЫҚ ИДЕЯЛАРЫ****Г.С. Мұхамбетова***С. Торайғыров атындағы Павлодар мемлекеттік университеті*

Олжас Сүлейменов туралы көп және әр түрлі пікірлер айтылады: қарама-қайшылық ақыны, тек қана ұлттық ақын, планетарлық ойдың ақыны, сонымен бірге оның дәстүрлілігі мен шешендігі туралы да сөз таластырып жатады. Олжас Сүлейменовтің поэзиясының мамандығын түсіну үшін оның терең тұлғалық сипаттағы көркемдік-философиялық мәніне ену қажет. Ол поэзияға анықталған әлемді тануымен келді. Оның ертедегі жазған өлеңдерінің бірін одан арғы шығармашылығы үшін анықтаушы деп санауға болады:

... Старики, я хочу знать, как погибли мои города?...

Сырдарья погоняет ленивые желтые волны.

Белый город Отрар, где высокие стены твои?...

Бұл тек қана азиаттық көнелікті болжай білу ғана емес, одан да көп нәрсе. Бұл терең философиялық жалпылау. О. Сүлейменов тек қана өзінің туған халқының мәселесін ғана қозғап қоймайды, ол кеңірек алады – бұл адамның және оның жадының рухани және адамгершілік құндылықтарының терең мағыналылығы. Жалпылама кең ауқымда алынады, себебі, барлық адамзатқа және әр адамға осы поэтикалық шығармада анық көрсетілген сапалар тән: құрып бара жатқан мәдениетті көрген кездегі қайғы; кітаптарды жағу, кейін «өртелген шығыс»²⁷ сағына еске алатын кітаптардың; ауыр кітаптардың, ауыр дегенде салмағы жағынан емес, оны жасау жұмыстарының ұзақ та қиын деген мағынасы жағынан – рухани құндылықтардың іске асуы.

Отанды мықты қорғау, әлсіз, қорғансыз әйелдердің кегі. Өлеңде тарихи факті - әлемдік мәдениеттің орталықтарының бірінің, яғни қыпшақ қаласы Отырардың құлдырауы жайлы сөз болады. Мұнда жоғары адами мәннің - өтірік пен жауыздыққа қарсы күрестің қажеттілігі, қауырт жағдайларда адами құндылық сапаларын, адамгершілікті, рухты, патриотизмді сақтап қалу мәселесі қойылған.

Жалпы алғанда, О. Сүлейменовтің поэзиясына жоғары динамизм, қозғалысқа ұмтылу, түрлі көзқарастарды қарама-қарсы қою мен бөліп-жару тән.

О. Сүлейменовтің өлеңдері мен прозасы кез-келген ойлаушы қазіргі заманғы адам секілді ассоциативті, эмоционалдық жағынан шамадан тыс тырысатын болып келеді.

Поэзия автордың еркелігінен күрделенбейді, ол өмірдің қиындығын сезінумен, өзінің әлемді танып-білуін білдіруге ұмтылумен күрделенеді және бұл оның адамгершілік және этикалық-философиялық позициясының бірлігімен анықталады:

... искусство-слепо,
когда у девочки в желтом сари
в глазах нет хлеба.
Ее растреляют ночью
росинка,
которой нет,
об этом предупреждает девочку
Шри, поэт
пока прибудет обоз
Из провинции Непала,
ее сожгут индуисты,
но раньше-
вьетнамку напалмом...

Бұл өлеңде өркениетті Батыс пен рухани бай Шығыстың өзара қатынасының тұтастай образы берілген. Бұл образда күрделі рухани қақтығыстар ашылып көрсетілген. Сары саридегі қызды өртеу бұл – аштық пен қайғы-қасіретте қалған қарсылық күштің көрінісі. Бұл үнді, африка, вьетнам әйелдерінің қасіреті. Бұл берілген образ – терең философиялық-көркемдік жалпылау.

Олжас Сүлейменовке сөздің семантикасын шешу, тек түрінің әдемілігіне ғана емес, оның эмоционалдық-көркемдік толықтығына ұмтылу сипаттары тән. Мұның бәрі де ой мен сезімнің стандарттарын қабылдамайтын нағыз өнердің белгілері. Ақын өткенді тірілтеді, оны бүгінгі күнмен салыстыруға тырысады және осы салыстыру арқылы өз-өзін көруге тырысады, мұндай қарама-қайшылықтар ол үшін жай ғана поэтикалық сұлулық қана емес, шығармашылық өзіндік бере білуінің сенімді құралы.

Бұдан басқа, ақын жай сипаттап қана қоймайды, көргені мен естігенінің тірі шынайы суретін беріп, тыныш жатқан сезімді қозғалысқа келтіреді:

Ах, какая женщина,
руки раскидав,
спит под пыльной яблоней,
Чуть журчит вода.
В клевере помятом сытый шмель гудит,
Солнечные пятна бродят по груди.

Суреткер-ақынның импрессионистік болжамдары келесі өлең жолдарында одан да үлкен күшпен өз-өзін көре біледі:

Вдоль арыка тихо еду я в седле.
Ох, какая женщина! Косы на земле!
В сторону смущенно
Смотрит старый конь.
Солнечные пятна шириной в ладонь. («Жара»)

Бұл ақындық жолдар ерекше тазалықпен, мөлдірлікпен, ерекше бір алаңсыз тыныштықпен дем алады. Тамаша әйелдің образы аз сөзбен-ақ керемет суреттелген. Жеке алғандағы жазушы әр жолдың астарынан көп нәрсені көре алады. Жүректі тебірентер ашық та нәзік өлең жолдары жүректің ең түкпіріндегі қылын шертіп, жүректі тербеп, тебірентеді. Әйелдің әдемілігін мақтан тұту жүректі керемет сезімге толтырады.

Суреткер мен уақыт – Олжас Сүлейменовтің көп көңіл бөлетін мәңгілік тақырыбы болып саналады және оның барлық шығармашылығы арқылы ерекше тізіліп көрінеді. Мысалы, «Құмырсқа», «Кактус» поэмаларында, әсіресе, «Сазды кітапта»:

И снова в будущее
пропутешествуют народы спящие,
и в следующем веке
проснется один человек,
чтоб зафиксировать или исследовать
настоящее.

Ұйықтап жатқан бар әлем мен ояу суреткер - әлемнің шынайы суреті. Олжас Сүлейменовтің поэзиясының басқа бір қыры бұл – ойдың ауқымдылығы, жаһандығы. Оның поэтикалық таланты қазақ халқының ғасырлар түкпіріндегі терең ескілік контексіндегі және қазіргі заманғы тарихи тағдырының суреттерін камтиды. Ақын және көтерілісші Махамбет ол үшін – тек қана халықтық көтерілістің көрінісі ғана емес, сонымен бірге, өз халқының мерейі үшін соңына дейін күресе білу:

Эх, если бы сказали мне:
«Великий,
Прости людей, уже пора-простить,

Мир будет счастлив

От твоей улыбки!»

Тогда бы я старался не грустить

Сказали бы смущенные мужчины:

«Моря полны водой, пока Урал

Не высохнет.

Пока ты жив, мы-живы...»

Тогда бы я, клянусь, не умирал.

О. Сүлейменовтің Махамбеті – күшті әрі тұтас тұлға. Ақын ол бейнеден әділеттілік үшін күресетін нағыз күрескерді ғана емес, қаламдас бауырды да көре біледі:

«раскалывал врага ты до сапы,

Потом писал лирические строки

И в каждом слове улыбался – бы...»

Да – да,

Ты резал и шутил при этом,

Все правильно, все верно, Махамбет.

Какая радость, что я стал поэтом,

Иначе б не знал,

Что ты-поэт.

Олжас Сүлейменовтің шығармашылығында суырып салушылық өнердің ашық көрінісі таң қалдырады, ол дала жыраулары мен ақындарынан мирасқа қалған болатын. Бұл оған бір тақырыптан екінші тақырыпқа, бір ғасырдан екінші ғасырға жеңіл ауысып отыруға және түрлі ғасырдың суретін беріп, сол уақыттың жағдайларын тірілтуге мүмкіндік береді. Оның образдары шапшаң және қарқынды өсіп отырады, «поэзия мен проза патшалығына еніп, әлемді метафорамен басқарады». Кей кезде әр қилы әлемді, сезімді және ойды толықтай сипаттап беру үшін ақынға өлең формасының шеңбері тар болып көрінеді, сол кезде ол рифмді прозаға немесе драмаға ауысып кетеді.

Олжас Сүлейменов үшін – ой мен сананың еркін қалықтауына кедергі жасайтын шаблон шеңберінен шыққан ақын ғана нағыз ақын болып саналады. Оның қашанда «әдетке айналған аллегориядан жүрегі айнитын». Ол ақынның Тәңірдей шебер нәрсе жасауына тырысуы қажет екенін түсінетін. Ақынның бүкіл шығармашылық жолы – осыған куәлік етеді. О. Сүлейменов көркем шындыққа ілесе отыра, адам ретінде, тұлға ретінде қоғамның дегуманизациясымен бетпе-бет келіп, өзінің жанына өзі иелік иету құқығын талап еткендігі тулаы айтады. Ол үшін адам адамгершілігі жоқтыққа қарсы тұруға қаншалықты қабілетті деңгейде болса, сол деңгейде ғана өмір сүре алады. Оның шығармашылық ізденістерінің – оның поэзиясының, публицистикасының, сонымен қатар әдебиет жайлы, әріптестері жайлы, сол замандағы адамдар жайлы мақалаларының мәніне түсіне отырып, бұған көз жеткізуге болады.

Олжас Сүлейменов - өз халқының адал да лайықты перзенті. Ақын егер парыз бен патриоттық сезім әлемді ойсыратып, адами өмірдің тыныш ағынын бұзса, мұндай парыз бен патриоттық сезімнен бас тарту қажет деген оймен келісетін адамдар категориясына жатады. Оның жалпыға белгілі афоризмі – тауды аласартпай-ақ даланы көтеру – бұл ақын және азаматтың бүкіл шығармашылығы үшін өзіндік ұраны болып табылады. Өз елінің кең-байтақ даласының арқасында қазақ халқы әуел бастан кең жүректі халық. Оларға бұрыннан-ақ көңілінің кеңдігі тән. Олжас Сүлейменовтің шығармаларында сөздің материалдық және рухани жағы бар. Ақын ізденіс үстінде, ол үнемі сөздік ізденісте. Ақын үшін шығармашылық процестің өзі – Тәңірінің күшімен туатын бір ғана қажетті сөздің тууы. Олжас Сүлейменов сөздің әлемнің дамуы мен өзгеруі үшін әрекеттегі қару екенін түсіне біледі:

Любая влага,
влитая в кувшин,
спешит принять
его литую форму.
А слово, проникая в глушь души,
ей сообщает
собственную форму.

Так, в мир входя, мы изменяем мир,
он-оболочка, мы-его основа,
мой мир, рябь, морщина, как эфир,
приобретает очертание слова...

Олжас Сүлейменов қазақ ақындарының бірегейі ретінде көп сапар шеккен. Ол Азияны, жақын Шығыс елдерін, Еуропаны, Американы аралап өткен. Ақын көшпенділер тұқымы, ол қозғалысты жаны сүйеді, жылдам ағыстағы, қарқынды өмірді қалайды, адамдар мен басқа елдерді танып біледі:

Кочую по черно-белому свету,
Мне дом двухэтажный построить советуют,
А я, как удастся какая оказия,
Мотаюсь по Африкам, Франциям, Азиям,
В Нью-Йорке с дастанами выступаю,
В Алепе арабам глаза открываю
Вернусь,
И в кармане опять-
Ни копья.
Копье заведется, опять на коня!

О. Сүлейменовтің барлық сүйікті ақындары – Пушкин мен Абай, Лермонтов пен Махамбет, Маяковский мен Рождественскийлер саяхат жасады, көшіп-қонды, саяхат романтикасын, орын ауыстыруға құмарлықты түсіне білді.

Олжас Омарұлы көп елдерді көрді, әр түрлі нәсілді көптеген адамдармен достасып, бауырласты, сондықтан міндетті түрде ол өзінің туған халқынан, туған жерінен, туған тілінен қол үзіп кеткен жоқ па деген сауал туады. Иә, ол әлем азаматы сипатын алды, бірақ оның бойындағы ұлттық құндылықтары еш жағдайда да өзгерген емес. Бөтен елдерді неғұрлым көбірек көрген сайын, ол қазақ жерін, туған Қазақстанның соншалықты қатты, беріле сүйеді. Бөтен халықтың поэзиясымен неғұрлым көбірек танысса, соғұрлым қазақ поэзиясының негізгі арнасы – Махамбет пен Абайға үлкен махаббатпен үңіледі.

Олжас Сүлейменовтің орыс тілінде жазылған поэтикалық шығармаларында қазақ ұлтының өзіндік ерекшелігін көрсететін ұлттық-қазақи дәстүр туған тілінде, қазақ тілінде жазатын ақындардың өлеңдеріндегіден еш кем емес.

Олжас Сүлейменов-ұлт ақыны, сонымен бірге, оның поэзиясында, жоғарыда айтып кеткеніміздей, жалпы адамзаттық мәселелер басым болып келеді, оның шығармашылығы қазақ ұлттық поэзиясының шеңберінде қалып қоймайды. О. Сүлейменовтің феномені туралы ой түйе отырып, орыс ақыны Леонид Мартынов былай дейді: «... Қазақ, кеңес ақыны, қазіргі таңда тек қана кеңес оқырманына ғана емес, шетелік оқырманға да таныс, орыс тілінде жазады. Жалпы бұл факті туралы айтатын болсақ, бір ұлттың жазушысы, өз тілінде емес, басқа тілде жазғандығында еш ерсілік жоқ, тарихта мұндай мысалдар көптеп кездеседі. Молдаван билеушісі Дмитрий Кантемирдің ұлы Антиох Кантемир жаңа орыс поэзиясының бастаушыларының бірі болды. Поляк Юзеф Тедор Конрад Кожневский кейін Джозеф Конрад деген атпен ағылшын көркем прозасының шебері болды. Жас поляк Альбер Владимир Александр Аполлинарий Костровицкий Гийюма Аполлинер деген атпен француз поэзиясын әлемге танытты. Бірақ, Конрад экваторлық көлдердің әншісі болса, ал Аполлинер өз еліне, Еуропаның шығысына тек анда-санда арманымен ғана оралатын, ал Олжас Сүлейменов, орыс тілінде жазатын қазақ ақыны толығымен қазақ ақыны, осы тамаша, паң, ежелден-ақ өз үмітін және мүддесін орыс халқының үмітімен ... біріктірген халықтың туған ұлы болып қала береді. Олжас Сүлейменов осы барлық байланысты – тұрғындық, географиялық, саяси, эстетикалық байланыстарды іске асырады».

О. Сүлейменовтің поэзиясының өзекті мазмұны мен көркемдік шеберлігінің қайнар көзі осында. Осы жерде сыншылардың Олжас Омарұлы жаңашыл ма, жоқ әлде дәстүршіл ме деген дауларын еске алған жөн. Қазіргі кезде көп жағдайда бұл мәселеде екі түрлі көзқарас жоқ. Оның шығармашылығын зерттеушілер барынша шешімділікпен бірінші ойды жөн деп санайды. Бірақ бұл пікірлер бізге оны толығымен қазақ және орыс әдебиетінің дәстүрінен ажыратып алуға құқық бермейді.

О. Сүлейменовтің шығармашылығынан орыс тілдік жүйесіне тұтасып кеткен қазақ ауыз әдебиетінің үлкен әсер еткендігін көруге болады. Осылайша, екі мәдениеттің тұтасуы негізінде бір жаңашылдық пайда болады,

ол ақынның идеясын ерекше нақтылықпен береді. Орыс тілінде жазылған шығармаларынан біз қазақ поэтикалық тілінің өзіндік және органикалық сипаттарын қосқандығын көреміз. Мысалы, «Молитва батыра Махамбета перед казнью» атты өлеңіне келсек, бұл өлеңнің сөздік-сипаттық қатары қазақ ұлттық санасына тән архетипика түсінігіне негізделеді:

Я забуду как пахнет запаленный конь,
Я забуду в зиндане гортанные кличи
Утром тело разрубят и бросят в огонь,
Моё темя забудет былое величье.

Қазақ халқының тарихи өткен тағдырының ерекшеліктерін бере білу ақынның өзіндік мақсаты емес. Ол өткенді қазіргі күнмен біріктіру үшін сипаттайды, өз халқының тағдырын адамзат тарихымен сәйкестікте қарайды, Азия мен Шығыстың жалпыхалықтық мәдениетке тигізген әсері туралы ойланады.

Олжас Сүлейменовтің көркемдік-философиялық позициясын саясаткер О. Сүлейменовтен бөлек алып, толығымен көрсету мүмкін емес. Ақын өзінің саяси қызметінде есепті басшылыққа алмайды, ол ең алдымен адамгершіл идеал мен адамдарды біріктіруге ұмтылуды, оларға түрлі өркениетке жататындығын есепке алмауды негіз етеді. «Бүгінгі мәдениетте,- дейді ақын, -бірінші де, екінші де, үшінші де әлем жоқ. Біріккен әлем ғана болуы қажет».

Олжас Омарұлының шығармаларын оқи отыра, оның мәдени-философиясының маңызды жағын құрайтын пацифистік позициясы туралы қорытынды жасауға болады. Мүмкін бұл тіпті де пацифизм емес шығар, ал оны О. Сүлейменов ең басты қауіптің – ядролық қарудың адамзатқа тигізетін қауіпіне қарама-қарсы қояды. Ақынның халықаралық ядролық қаруға қарсы қозғалыстың беделді көшбасшысы болуы – оның көркемдік-философиялық ізденістерінің заңды нәтижесі. Ол тарихтың образды-көркем формададағы мәнімен сәйкес келеді. Бұл абстракты гуманизм емес, толығымен қозғалыстағы белсенді позиция, ол соңында Семейдегі ірі ядролық полигонды жабуға әкелді. О. Сүлейменов өзінің ядролық қаруға қарсы күресінде ең алдымен адамгершілік критерийін алға қояды. Бұл күрес барлық әлемдік қоғамдастықты бірлікке әкелетін адамгершілікті қозғалыс. Өзінің қарапайым ашық көркемдік-публицистикалық формасында ол былай деп жазады: «Адам ата мен Хауа ана туралы аңыз қазіргі заманда адамзаттың серіктестік пен махаббаттың өзара әсерінің нәтижесі деген ойдың тағы да бір дәлелі. Бірінші атомдық жарылыс адамдықтың жаһандық құлдырауының белгісі болды. Бұл соңғы ядролық жарылыс Ұлы Адам атаның адамгершілік жағынан құлдырауының соңғы нәтижесі деген ескерту. Жазушылар - өз халқының ақыл-ойының үні, ол құлдырауға қарсы күш ретінде алғашқы болып біріктіруі қажет. Жалған ұнқағаздарды, ұлттық және жергілікті сананың шеңберін бұзып, адамзаттың планетарлық санасын құру».

Осылайша, Олжас Сүлейменов өзінің саяси көзқарасында сөздік образ арқылы тек тарихты ғана емес, саясатты да өзгертуге тырысады.

О. Сүлейменовтің соңғы публицистік еңбектері Қазақстанның мәдени өмірінде ерекше жағдай болды. Олар өткен жүзжылдықтың қорытындысы туралы ойлануға ғана емес, ХХ жүзжылдықтың соңындағы және үшінші мыңжылдықтың басындағы болған барлық жағдайды терең сезіне білуге де мәжбүрлейді. Ақын геосаясатқа және тарихқа ең алдымен әдебиеттің және мәдениеттің көзқарасы жағынан тұтастықта қарайды. Адам оның көз алдында тек қана жай тұлға ретінде ғана көрінбейді, екі әлемнің-шығыс пен батыстың қиылысуы көрінетін тұлға ретінде көрінеді.

Екі мәдениеттің мұндай қиылысуы, оның барлық шығармашылығында ерекше өтеді. Шығыс пен Батыстың өзара қарым-қатынасының жаһандануы 1975 жылдан бастап О. Сүлейменовтің «Аз и Я» еңбегінде апофеозға жетті, ал 1978 жылы өзінің «Көшпенділер және мәдениет: қазақ эксперименті» атты эссесінде ол былай дейді: «... Шежіреде халықтың тарихының тек қана драмалық кезендері ғана орын табады. Бейбіт заман тарихи емес. Оны сипаттау қиын. Әлем есте қалмайды. Егер славяндар мен көшпенділердің бірге, бейбітшілікте, саудамен және мәдени қызметпен айналысып тұрған жылдарын қсоатын болсақ, тұтас бір ғасырлар жиналар еді».

Қазіргі заманғы саясатқа О. Сүлейменов қазіргі кезде де Батыс пен Шығыстың мәдениетінің қиылысуы арқылы қарайды.

Тарихи санасыз, ойсыз адамда өзіндік таным, өзіндік МЕН түсінігі жоқ. Тарихи сана ұмытуға, яғни өткенді жоқ қылдыруға қарсы тұрады, тек қана тарихи сана ғана ұрпақтың, халықтың, елдің тарихының, тұтас адамзаттың жалғастығының шарты болып табылады. Адамда тектік және жеке санасының арасында бөлінушілік болуы мүмкін емес.

Тарихи сана - өткен ерлік, жеңіс, елдің батыл күресі туралы естелік қана емес, қателік, қиындық, трагедия туралы да естелік. Өзіндік адами МЕН-ді сезіну, білу және өз халқының тарихы - бөлінбес дүние және бұл бөлінбестік О. Сүлейменовтің шығармашылығында нақты көрінетіні кездейсоқтық емес. Оның шығармаларындағы өткенге деген қатынас үнемі субъективті, терең жеке мінезді сипатта болады. Ақын үшін өткенді сезіну, білу болашақты болжауды анықтауға мүмкіндік береді.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Сүлейменов О. Ты-мой герой // Эссе, публицистика. Өлеңдер, поэмалар. 12 б.
2. Кенжеев Б. Мегполис. 13.05.2004ж.
3. Сүлейменов О. Бетпақ-Дала. Алматы, 1976. 61 б.
4. Сүлейменов О. Кочевники и культура. // Эссе, публицистика. Өлеңдер, поэмалар. 38 б.
5. Әуезов М. Энциклопедия // Шығыс жұлдызы. 1996. №3, 159 б.
6. Сүлейменов О. Портить отношения // Эссе, публицистика. Өлеңдер, поэмалар. 29 б.
7. Мартынов Л. Воздушные фрегаты. - М., 1974, 31 б.

Резюме

В статье затрагиваются проблемы преемственности в творчестве О.О. Сулейменова в восточно-западном контексте. А также рассматривается личность поэта в мировой литературе.

Resume

On the report is touched problem of successes in the East and West context creativity by O. Suleimenov. And it is considered person of poet in world literature.

ӘОЖ 882.151.212.2

О. СҮЛЕЙМЕНОВ ШЫҒАРМАЛАРЫНЫҢ КӨРКЕМДІК ЕРЕКШЕЛІГІ

Г.С. Мұхамбетова

С. Торайғыров атындағы Павлодар мемлекеттік университеті

О. Сүлейменовтің басшылыққа алатын негізгі әлемдік көзқарастағы принциптерін қарастыруға тырысып көрелік. Бірақ, бұл принциптерді ақын қандай да бір тұтастықтағы логикалық кестеге келтірмеген. Бірақ, олар оның барлық көп образды шығармашылығында анық көрінеді. Ақынның шығармашылық кезеңінің басында, ерте кезде көтерген ірі мәселелерінің бірі - қазақ халқының тарихының қайта даму мәселесі болды. Өзінің ертедегі публицистикалық мақаласында ол былай деп жазады: «Менің руымның қараңғы, мағынасыз өмірі туралы жалпы мәліметтер мені қанағаттандырмайды. Бұл жағдайды көптеген колониализм идеологтары өз мақсаттарында қолданып отыр. Олар қазір де мемлекеттілігі жоқ, мәдениеті жоқ Шығыс елдері тең дәрежелі дамуға қабілетті емес деп жариялап отыр. Біз өзіміздің немқұрайлығымызбен бұл пікірді растап отырмыз» [1].

Олжас Омарұлының өмірінің өзі бірыңғай адамның қабілетінен тыс күштерді талап ететін істерді жасаудан тұрады. Сондықтан ол барлық әлемге қазақ халқын таныстыру сияқты қиын істі түсіне отыра, өз мойнына алды. Қазақ халқының өткені, қазіргісі және алдағы болашағы барлық тұтастықта алғашқы рет – Мұхтар Әуезовтің ұлы эпопеясынан кейін Олжас Сүлейменовтің – ақын және азаматтың шығармашылығында кең ауқымды және жоғары көркемдік деңгейде көрініс табады. О. Сүлейменовтің жеке тұлғасының кең ауқымдылығы туралы ақын Бақыт Кенжеев былай деген: «Ол (О. Сүлейменов) Қазақстанды әдебиет жағынан әлем картасына енгізді, себебі, ол нағыз бірінші халықаралық қазақ жазушысы болды. Олжас қазақтар туралы, Қазақстан туралы көп жазды, оның бәрі де бүкіл әлемге қызықты

болып шықты. Оның кітаптарын Мәскеуде сөрелерден таласа-тармаса әкетіп жатқаны менің есімде... Ал, «Аз и Я» туралы тіпті айтпаймын да, бұл кітап – менің табынатын кітабым...» [2].

Оның жазған дүниелері арқылы қазақ халқының ұлы өмірінің беттерін қайта қалпына келтіруге болады. Оқырман көптеген ғасырлар бойында маңдайларына жазылған көптеген ауыр сынға карамастан, өздерінің алғашқы мәдениетін бастапқы қалпындағыдай сақтап қалған қазақтардың қызықты да керемет өмірінің куәгері болады. Ақынның өзі бұл туралы былай дейді: «Біздің ұрпағымыз өзгеріссіз қалыптасып жатыр. Халық ішінде ар-намыс реакциялары өтіп жатыр. Кемсіткен адамдарда еш қуаныш жоқ. Ақындар халыққа ар-намыс үшін энергия беруі керек. Әлеуметтік өлеңнің тапсырмасын мен осылайша қалыптастырамын» [3]. Бұдан әрі ақын өзінің әлем мен адамның концепциясын, нақтырақ айтсақ, қазақ әлемі мен қазақ адамының концепциясын жарықтандырады:

... В нашей степи если ночи,
так кночи –
самых белых не видно камней.
В нашей степи, емли солнце захочет,-
черные камни станут светлей.
Если радость согреет сердце,
Солнце тенью будет на ней...

Қазақ халқының тарихы мен тағдырының бұл мағынасында Олжастың ұлы ғұламалар: Абай Құнанбайұлы, Шоқан Уәлиханов, Шәкәрім, Ыбырай Алтынсарин және тағы да басқа қазақ мәдениетінің негізін салушы ірі өкілдері іске асырған үлкен өзгерістер болды.

Мағжан Жұмабаев, Илияс Жансүгіров, Сәкен Сейфуллин және тағы да басқа көптеген ХХ ғасырдың көрнекті сөз суреткерлерінің тәжірибесі де маңызды болып табылады. Осы тарихи-мәдени контексте қазақ әдебиетін әлемдік аренаға шығару тек қана Олжас Сүлейменовтің қолынан келді. Оның қазақ халқының өкілі ретінде әлемдік деңгейде танылуы «Адамға табын, Жер енді!» поэмасы шыққаннан кейін болды.

Олжас Сүлейменов құбылысы теңдессіз, ойшы, ғалым, саясаткер – бұның барлығы да бір ғана жеке адамның қасиеттері. Оның әдеби сіңірген еңбегі ең жоғары қолдауға ие болды. Олжас Омарұлы саяси, әлеуметтік немесе мәдени салада бір позицияны ұстанған ақынның өзіне о баста берілген құралмен, яғни - Сөзбен ғана әрекет етуі қажет екенін толық түсінді:

Поэзия – это всегда поступок,
она, как варварство, всегда в изломах,
подобно
лестнице
вся из уступок,
уступок недобдуманному слову.

О. Сүлейменов әдебиетке ашық және кең тыныста өнді. Оның поэтикалық шығармалары әу бастан-ақ ұлттық әдебиеттің құбылысы болып танылды және сөз бағалай білушілердің көңілін аударды және күні бүгінге дейін солай болып келеді де. Олжастың поэзиясы серпінді ритмге құрылып, таусылмас энергиямен сәуле шашты. Оның поэзиясы сөз құдіретін бағалаушылар мен білушілерді де, сонымен қатар, қатардағы оқырманды да өзінің ерекшелігімен, афоризмге толылығымен және шеберлігінің биіктігімен таң қалдырды, ол ақынға орыс тілінің көмегі арқылы қазақ халқының жан-жүрегін ашуға мүмкіндік берді. Тек қана поэзияда халықтың жан-жүрегі, оның тарихи және мәдени дамуының өзіндік ерекшелігі, оның психологиялық құрылымы толығымен және жинақталған түрде көрінетіндігін ол терең түсіне білді.

Өзінің табиғаты жағынан Олжас Сүлейменов - жан-дүниесі, рухани байлығы мол адам. Адамның тәуелсіздігі, еркіндігі оның шығармашылық және қоғамдық қызметінің негізгі нысаны болды. Тәуелсіз адам – ол рухани жағынан бай, әлемдік дамуды философиялық жағынан түсінетін адам. Бәлкім, сондықтан болар:

Художникам нечего делать на этом поле,
Таланты их бесполезны-они болезненны.
Поле – всего лишь символ свободной воли,
Обыденность здравых запретов – это поэзия.
... но кажется мне:
свободное их присутствие
скажется в ходе историй когда-нибудь.

Бірақ, адамның, жеке тұлғаның еркіндігі ақын үшін анархия емес, құлдырау емес, қажеттілік заңдарымен қажетті келісу. Бұл мағынада ол бізге тағы да бір рет былай деп ескертіп қояды:

Свобода – это не позерство,
а как и прежде,
где ни прительства, ни дружбы,
великая до унижения
свободе требует не службы,
служенья...

Оның ақындық шығармашылығының тағы да бір ерекшелігі – көркем образдарды көре білуі. Жабайы алаң образы осылайша пайда болады. Бұл көшпелі тайпалардың күнкөріс жері. Жабайы алаң-олардың өмір сүретін және әрекет ететін әлемі. Сүлейменовтің шығармаларында алаң образы тәуелсіз және еркін адамның образымен байланысты:

Их лица круглые, как перекасти-поле,
Обожжены ветрами дикой воли...

Іс жүзінде, О. Сүлейменов көшпелі өркениет идеясын алғашқы болып алға тартқан ақындардың бірі. Көшпелі мәдениет пен өркениет өзіндік көркемдік-эстетикалық формада О. Сүлейменовтің көптеген шығармаларында маңызын тапты. Көптеген өлеңдері мен поэмалары кеңістіктегі үнемі қозғалысты, ауысуды бейнелейтін образдармен толып тұр. Бұл – жазықтағы өмір, әлем, ал онда жылқылар, жылқы үйірі т.б.:

Пустыня-
Ой, дорого ей заплатил казах.
Пустыня-
От порога до порога
Все сто дорог
Вели его газад,
Размеренная смена поколений,
Спокойнее широкое седло
Скупое равнодушное движение
Укачивая
Всадника вело.

Ақынның көркемдік-образдық формада көрсеткен өркениет феномені кейіннен, көбінесе, соның арқасында қазақстандық авторлардың көптеген еңбектерінде тиянақты мәдени талдауға түскендігін нақты айтуға болады.

Бұған ақынның бірнеше эсселері мен публицистік еңбектері де ықпал етті. Бұл мағынада О. Сүлейменовтің «Көшпенділер және мәдениет: қазақ эксперименті» атты мақаласына көңіл аударамыз. [4].

Бұл мақалада жер қатынасы өркениеті мен көшпенді мәдениеттің арасындағы өзара қарым-қатынаспен айналысатын философтар мен әдебиетшілерге біртұтас бағыт беріледі. О. Сүлейменов бұл туралы былай деп жазады: «Көшпенді дегеніміз кім? Тарихи еңбектермен тәрбиеленген ақыл үшін көшпенділер – шекара туралы немесе жерді меншіктену туралы еш түсінігі жоқ, бір жерден екінші жерге көшіп жүрген ордалар... олардың жолында тұрған қалалар жер бетінен жоғалып кетіп отырды және олар жүріп өткен жолдың барлығы да шөл далаға айналып жатты. Олар заң, құқық дегенді білмеген болатын. Сондықтан, әрине олар сенім, ар-ұждан, ұят, махаббат секілді жоғары рухани қасиеттерді білмейтін. Мен өзімнің ата-бабамның осындай образына сендім. Тіпті, басында оның мінезінің осы қырлары, қажеттіліктерінің қарапайымдылығы маған ұнайтынын да мойындауым керек» [5]. Олжастың өз сөзі бойынша, «айыпты көшпенді тарихшылар шығарған үкім жарияланған соң, соңғы сөзін айту құқығын талап етеді» [6].

Көшпенді тарих пен мәдениеттің мәселелеріне деген көркемдік-эстетикалық реакция стимул, бұл мәселені теоретикалық деңгейде зерттеу үшін және оны абстрақтылы-логикалық түсініктің көмегімен көрсететін арнайы мәлімет секілді болды. Олжас Сүлейменовтің жақтастары ғана болған жоқ, оған қарсы шығушылар да пайда болды. [7]. О. Сүлейменовтің

көзқарасына қарсылас болғандардың ой-пікіріне тоқталып қалмастан, әйгілі әдебиеттанушы М.М. Әуезовтің онымен ұқсас ұстанған позициясына тоқталсақ: «Көшпенділер, өзінің мамандығынан басқа қозғалыс, өзгерістің жағдайы, -дейді Мұрат Әуезов, жалпы адамзаттық тарихтың, оның ішінде өткен тарихтың ғана емес, бүгінгінің де жан-жақты жағдайының бірі. «Адамзат пен кеңістік» мәселесі қазіргі заманғы ұрпақ үшін де өзекті болып қала береді. Көшпенділердің санасы мен көркемдік шығармашылығын рухтандырған жол идеясы, тандау мен динамизм мәселесі тұрған кезде ғасырға көміліп қала бермейді». Зерттеуші М. Әуезов көшпенділердің этикалық және эстетикалық тәжірибесін есепке алмасақ, әлемдік мәдениет бейнесі толық болмағанымен қоса, дұрыс емес те болады деп атап өтеді.

О. Сүлейменовтің көркемдік-философиялық позициясының негіз қалаушы принциптерінің бірі - тарихты танып-білу деп батыл түрде айтуға болады. Ақын үшін қоршаған жанындағылардың барлығы да тарихи дамудың нәтижесі және әлемнің одан әрі дамуының нышаны болып көрінеді. Барлық көрген жаңаша құбылыстарының немесе жағдайларының барлығынан Олжас Сүлейменов өткен заманның терең бейнесін көреді. Бұл әлемді қабылдау оның ақындық шығармашылығынан өтіп кетеді. Бірақ, бұл өзі жасаған импульспен толық түсініп, қабылдаған, оның ақындық және публицистік шығармаларының қатарында анық қалыптасқан позиция, ол кейбір жағдайларда көркем мәтіннің шеңберінен шығып кетіп, тарихи-философиялық сипат алады.

Сүлейменов историзмінің принципі оның историографиялық мәселелерге жолын ұстаушылықпен ғана емес, әдеби-көркем бейнеге түсетін нәрсенің барлығына тарихтың қажеттілігін де ертіп әкетеді. Тарихты білу және бағалау ақында кез-келген суреткердің кәсіби сапаларының критеріі ретінде қаралады. 1972 жылы Қазақстан жазушылар Одағының басқарма пленумында Олжас Омарұлы былай деп атап көрсетті: «Әрбір жазушы, не туралы жазса да – Хәопс пирамидасы туралы немесе физика саласындағы жаңалықтар туралы жазса да, ең алдымен, ол өзінің табиғи таланты жағынан тарихшы болып саналады. Тарих – халықтың адамгершілік және философиялық тәжірибесі. Тарихта – ұлттық мәдениеттің қалыптасу және даму кезеңдері мен шығу көздері, бүгінгі халықтық сипатты көрсететін адал адамдық сапалардың бастауы».

Сүлейменовтің историзмін тек қана фактілік аспект деп санау үлкен қателік болар еді. Оның историзмі ең алдымен эстетикалық-көркемдік ойға құрылған, ол тарихи шындықты табуға мүмкіндік береді.

1962 жылдардың өзінде-ақ О. Сүлейменов өзінің «өмірлік бағдарламасын» анықтады, яғни «өз халқының жоғалып кеткен тарихын іздеп табуды» өзіне мақсат етіп қойды, сол кездің өзінде-ақ ол сенімді және батыл түрде былайша жариялады: «Мен бір кездерде шынайы реалистік «Шынайы тарих» деген кітаптың туатынына сенімдімін, оның тууына біздің де еңбегіміз сінеді деген

үміттемін. Тек ақындар ғана көне тіл мамандарының құрған сөздерінің мәнін түсіндіре алады».

Олжас Сүлейменовтің философиялық позициясының ерекшеліктерінің бірі бұл – географиялық мағынада да, мәдени-тарихи мағынада да әлемді Батыс пен Шығыс деп бөлуі. Әлемдік өркениетті батыстық және шығыстық деп жаһандық бөлу идеясы әрине, жаңалық емес, ол сонау Редьярд Киплингтан бастау алады, көптеген авторларда кездесіп келді және кездесе береді де. Бұл әлем концепциясының тек жақтаушылары ғана емес, қарсы келушілері де бар.

Біздің пікірімізше, әлемнің «Батыс» және «Шығыс» деп бөліну концепциясының мәдениеттану мағынасында существоватету құқығы бар. Бұл түсініктерге ең алдымен нақты бір рухани шынайылықтар сәйкес келеді. Екі мәдени аймақтың екеуінде де адамға, оның әлемдегі орнына, жалпы әлемге қатысы ерекшеліктеріне деген қатынаста ерекшеліктер байқауға болады. Мысалы, Батыс үшін прогресс идеясы, аумалы-төкпелі уақыт идеясы, айналадағы қоршаған ортаға деген қалыптан тыс ұлғайған белсенділік тән. Ал Шығыста болса жетілдірілуге қоршаған әлем емес, адамның өзі беріледі.

Олжас Сүлейменовтің «Батыс-Шығыс» концепциясына қайта ораламыз. Ақын ешқашан шығысты орталықтандыру позициясын ұстанған емес, мәдениеттің екі түрін ешқашан қарсы қойған емес, бірақ қашанда, барлық жерде олардың синтезін, бірлігін, бірін-бірі толықтырып отыруын іздеумен шұғылданды. Мұндай бірлік ақындық формада оның ертедегі шығармаларында-ақ көріне бастады, ал кейіннен жер бетінде өмір сүретін барлық адамдардың әлемдік қоғамдастығының бірлігі ретінде берілетін еуразиялық бірлік формуласына ие болды:

Нет востока,
И запада нет,
Нет у неба конца.
Нет востока,
И запада нет,
Два сына есть у отца
Нет востока,
И запада нет
Есть
Восход и закат
Есть большое слово-
ЗЕМЛЯ!

Мұндай әлем танушылық көбінесе Қазақстан жерінде, яғни тарихи жағдайлардың күшімен бірнеше ғасырлар бойы көптеген мәдени дәстүрлердің синтезі жүзеге асқан аймақта мәдени дәстүрлермен анықталғандығын ерекше атап өту керек:

Я рожден в стороне,
Где живут воедине,
Все части света,-
Есть и Запад,
Восток и Север,
В стране поэтов...

Мәдениеттің шынайы байлығы Олжас Сүлейменовтің көзқарасына сәйкес, түрлі дәстүрлердің өзара әсері процесінің арқасында тууы мүмкін.

Ақынның ойы бойынша адамзаттың дамуының одан арғы болашағы тек қана өзара тәуелділікті түсіну, сезіну арқылы ғана мүмкін. «Шығыс-Батыс» мәдени полустары Олжас Сүлейменовті жай ғана қызықтырмайды, оның көңілін өзара әсер кезінде ғана аулайды. Ол мәдениеттің өзіндік тұрмыстағы жақсы бағасына күмәндана қарайды. «Өзіндік тұрмыстағы» мәдениет тек қана мұхит ортасында қалып қалған, мыңдаған жылдар бойы еш кеме келіп тоқтамаған бір аралдарда ғана болуы мүмкін. Басқа мәдениетпен байланысы үзілген «өзіндік тұрмыстағы» мәдениет, яғни, аралдық мәдениет әрқашан да нашар дамыған және оның тілі өте кедей».

Барлық ұлттық изоляция мәдениеттің құлдырауына әкеліп соғады, ал ұлттық мәдениеттердің өзара әрекеті – оның гүлденуіне әкеледі. Осы тезисті қолдай отыра, Олжас Омарұлы маргинальностің позитивті ролін ерекше атап көрсетеді: «Маргинальность тіпті шумер-египет байланыстары кезінде де болған, халықтар өзара қарым-қатынас жасап тұрған кезде әрқашан бола береді де. маргиналды орта ғылымның, әдебиеттің және саясаттың өрнекті өкілдерін шығарды. Иран және араб мәдениеттерінің шекарасында Авиценна, Әл Хорезми, Хайям және Бируни өсіп жетілді. Иран және түрік мәдениеттерінің шегінде Науаи, Пушкин және Толстой секілді ұлы даналар – екі ұлттық мәдениеттің – Ресей мен Францияның тұлғалары гүлдеді.

О. Сүлейменов 1977 жылы Ташкент қаласында өткен Азия және Африка елдері жазушыларының ассоциациясының симпозиумында жасаған «Өзара тәуелділікке» атты баяндамасында адамның маргинальностінің өңделуіне көңіл бөлді. Маргинальності тұлға қандай да бір этностың дамуында ешқандай позитивті рол атқара алмайды деген пікірлерге қарамастан, О. Сүлейменов жалпы мәдениет үшін маргинал қасиеттерінің жағымды маңызын атап өтеді.

О. Сүлейменовтің пікірінше, түрлі мәдениеттердің өзара қатынасы олардың қатысым шегінде шектік диффуздық қабат түзеді, онда түрлі мәдени дәстүрлер өзара әсерлеседі. «Бұл шекаралық пласт – байланыстағы мәдениеттердің өзара қатынасының нәтижесі және бір мезгілдегі одан арғы өзара әсерлесу желісі. Маргиналды тұлғаның позитивті маңызы осында тұр деп ойлаймын. Ол екі ортаның арасындағы интеграл мәні, әрі шығарма болып табылады. Шекаралық сызық тек бөлуші сызық қана емес, сонымен бірге, қосу, біріктіру сызығы».

Біз жоғарыда атап өткен, Олжас Сүлейменовтің шығармашылығындағы көркем бірлікке жетуге негізделген историзм секілді көркемдік-эстетикалық және философиялық принциптер, түрлі мәдени дәстүрлердің өзара қатынасы мен өзара әсерлесу идеясымен бірігеді. Бұл әсіресе, оның атақты «Аз и Я» атты кітабында ерекше анық және нақты көрінді. Мұнда ол тіл білімінің (лингвистикалық) талдауы негізінде түрік және славян мәдениеттерінің (Жабайы алаң мен Ежелгі Русь) терең тарихи байланыстарын көрсетеді. Бұл тақырыпта ақынның өзі былай деп жазады: «Әлі ешкім жазбаған әлемнің қолжазбаларын қайта қалпына келтіруді қалап, мен көшпелі түріктер мен славяндардың серіктестік дәстүрлерінің сан ғасырлық істері туралы өз идеяларыма солар арқылы қолдау табу үшін сөздіктерге жүгіне бастадым. Тіл – тарихи ақпараттың ең бай резервуары. Ол мәдениеттердің өзара қатынасының толық сипатын береді. Сіз славяндарды көшпенділермен үнемі қақтығыста болды деп ойлайсыз ба? Онда неге түріктің «жолдас», «дос» деген сөздері славян тіліне көшкен?».

Ең соңында, шығармашылық шыңы ретінде суретшінің жалпы мәнді философиялық-әлеуметтік жалпылама деңгейіне дейін көтерілу мүмкіндігі шығады. Өлеңді лексикалық образдар емес, моральдық образдар құрайды. Техникаға үйреніп алуға болады, өлеңнің құрылымы жалпыға белгілі және кез-келген адам әдеби түрде жаза алады. Бірақ, бүгінгі күні шындықтың беті ашылды; талант бұл – ең алдымен жеке тақырып. Ол болмаса – ақын да болмайды... барлығының да жеке сезімі – қоғамдық емес».

Нақты адам мен әлемнің образында сөз суреткерлері өздерінің мәдени-философиялық позициясын анық көрсетеді. О. Сүлейменовтің шығармашылығы осындай образбен көрінеді.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Сүлейменов О. Ты-мой герой // Эссе, публицистика. Өлеңдер, поэмалар. 12 б.
2. Кенжеев Б. Мегаполис. 13.05.2004ж.
3. Сүлейменов О. Бетпақ-Дала. Алматы, 1976. 61 б.
4. Сүлейменов О. Кочевники и культура. // Эссе, публицистика. Өлеңдер, поэмалар. 38 б.
5. Әуезов М. Энкидида // Шығыс жұлдызы. 1996. №3, 159 б.
6. Сүлейменов О. Портить отношения // Эссе, публицистика. Өлеңдер, поэмалар. 29 б.
7. Мартынов Л. Воздушные фрегаты. М., 1974, 31 б.

Резюме

В статье затрагиваются проблемы преемственности в творчестве О.О. Сүлейменова в восточно-западном контексте. А также рассматривается личность поэта в мировой литературе.

Resume

On the report is touched problem of successes in the East and West context creativity by O. Suleimenov. And it is considered person of poet in world literature.

УДК 811.512.122:811.161.1

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КАЗАХОВ И РУССКИХ

А.К. Мырзашова

Казахско-Русский Международный университет, г. Актобе

Настоящее исследование опирается на фразеологический материал казахского и русского языков, отражающий интеллектуальную концептосферу носителей данных языков. Фразеология, как наиболее самобытный, идиоэтнический пласт языка, вызывает особый интерес с точки зрения таких современных направлений языкознания как психолингвистика, этнопсихолингвистика, лингв когнитология. В связи с развитием данных научных направлений фразеологические исследования, опирающиеся на новую методологию, стали приобретать особую значимость и актуальность.

Развитие целого ряда теоретических и экспериментальных работ, осуществляемых с позиций лингвистических, когнитивных и психолингвистических подходов к изучению фразеологической семантики, связано как с неоднородным трактованием собственно объекта фразеологии, так и со сложностью понятия фразеологическая семантика. Разнообразие концепций и направлений, появившихся в лингвистике конца XX - начала XXI века, привело к комплексному и многоаспектному изучению фразеологической семантики. Так, предметом фразеологических исследований стали концепты, образы, понятия модели, моделирования и т.д.

Фразеологическое описание картины мира может дать более глубокие и образные представления о когнитивной картине мира, тем более, когда предметом описания является собственно когнитивная сфера человека.

Неспоримое утверждение о том, что фразеология это не только зеркало национальной культуры, но и зеркало, отражающее особенности системной организации языка, его строения, идиоэтнических черт, приобретает особую значимость в разрезе контрастивных исследований. В этой связи следует подчеркнуть актуальность исследования, осуществляемого с точки зрения

контрастивно-семантического подхода к описанию фразеологического моделирования интеллекта в сознании носителей языка.

По мнению современных исследователей, наличие сходства во фразеологических системах не только в родственных, но и разно структурных языках приводит к выводу о том, что во фразеологии должны быть определенные элементы семантического моделирования, основывающиеся на определенных общих логических и ассоциативных процессах человеческого мышления, которые при равных материальных условиях способствуют возникновению идентичных или близких устойчивых словесных комплексов языка [1, с. 7].

Следует уточнить, что мыслительную деятельность мы относим к духовной сфере человека. Концепты, образующие макроконцепт интеллект, являются компонентами ценностной языковой картины мира, т.е. имеют ценностный статус [2, с.116; 3, с.289].

Изучение и описание семантических признаков фразеологизмов мыслительной деятельности сравниваемых языков привело к следующим выводам. Так, в настоящем исследовании нами выявлены три основных (ядерных) семантических микрополя: 1) «субъект мыслительной деятельности» (обладатель интеллекта, мыслительных способностей); 2) «процессы мыслительной деятельности» (мыслительные способности); 3) «характеристика мыслительных способностей» (качества, свойства мыслительных способностей, интеллекта). Фразеологизмы данных микрополей связаны между собой следующими условными отношениями: субъект деятельности - процесс деятельности - свойства, качество деятельности. В данном случае мы не ставили перед собой цели охватить все семантические группы фразеологизмов, покрывающих поле мыслительная деятельность.

По данным исследовательского анализа, микрополе «субъект мыслительной деятельности» преимущественно включает в себя фразеологизмы, характеризующие образованного, сообразительного человека: *ходячий университет / құйма құлак*, а также фразеологизмы субстантивного значения, отражающих абстрактные реалии мышления типа *мысль, ум, рассудок: ученый багаж: / амплатондай білімі*. В казахском и русском языках встречается соматический компонент *мозг*, употребляющийся при оценке умственных способностей с отрицательной коннотацией, например: *кок ми* (букв.: синие/зеленые мозги), *есек миын жеген* (букв.: съевший ослинны мозги); *куриные мозги* — о глупом, недалекое, бестолковом человеке.

В результате типологического анализа были получены следующие выводы: выявлена доминирующая роль имени существительного в качестве семантически главенствующего компонента в сопоставляемых фразеологических системах; в рассматриваемом семантическом микрополе казахского и русского языков преобладают фразеологизмы, соответствующие грамматическому строению «имя прилагательное + имя существительное»,

например: мар цаца, кэрг цулак.; ходячий университету светлая голова и т.д., а также употребление в русском языке модели «имя существительное + имя существительное» (бездна премудростей, ума палата).

Интересно заметить, что в казахском языке в роли основных абстракций мышления выступают соматизмы ухо и лоб. Функционирование фразеологизмов цуйма кулац, мар пасца, мацдааны кере царыс позволяют говорить о следующей специфике наивной картины мира казахов: ухо считалось органом, воспринимающим и хранящим информацию; лоб, а именно широкий, - признаком большого ума.

В традиционной культуре казахов возрасту человека придается большое значение. Достаточно обратиться к толкованию 12-ти годичного цикла возраста (мушел жас), чтобы осознать наивную картину мира казахов, его сакральный смысл, культурную значимость. Считалось, что чем старше человек, тем более обширны его познания, богат жизненный опыт. Особо почитались у казахов аксакалы - мудрые старцы, к голосу которых прислушивался весь народ. Об этом могут свидетельствовать фразеологизмы кәрі құлақ, кәрі тарлан и множество других аналогичных им фразеологизмов.

В русском семантическом микрополе наиболее активны компоненты соматизм голова и абстрактное наименование ум. Так, фразеологизмы светлая голова, золотая голова напрямую связаны с традиционной ассоциацией ума, учености со светом и золотом, которая представлена соответствующими русскими народными поговорками ученье - свет, а не ученье - тьма.

В русском языке запас знаний, эрудиция человека отражаются такими фразеологизмами как **бездна премудростей, багаж знаний**; в казахском языке - **амплатондай білімі өресі жоғары** и т.д. Данный семантический фрагмент отражается в русском языке фразеологизмами, компоненты которых чаще соотносятся с гастрономическим, вещным, социально-иерархическим кодами культуры. Например: **тертый калач, синий чулок, с царем в голове**.

Специфичность фразеологизмов данного микрополя русского языка проявляется в частом переносе зооморфных признаков: травленный волк, стреляный воробей, книжный червь; в казахском языке подобных фразеологизмов отмечено не было (встречается только во фразеологизмах, характеризующих глупого, бестолкового человека, отсутствие разума, сознания: **есек миын жеген, құтырған иттің құлағын жедің бе? жынды қойдың миын жедің бе?**).

Следующая семантическая группа фразеологизмов «процессы мыслительной деятельности» представляет собой самое обширное микрополе в сопоставляемых языках, что можно представить в следующем процентном соотношении: в казахском языке - 56,8% фразеологизмов от их общего количества; в русском языке - 48,5%.

Данное микрополе представляет собой ряд глагольных обозначений, выполняемых человеком интеллектуальных действий, а также воздействия

на интеллект человека. При анализе рассматриваемого микрополя были выявлены фразеологические единицы, характеризующиеся следующими семантическими признаками: процесс приобретения знаний, навыков, опыта; процесс мышления или ментальные процессы.

Ядро данного микрополя в сопоставляемых языках образуют фразеологизмы, отражающие активную умственную деятельность: котелок варит, думу думать, ломать голову; в казахском — ғылым бақты ақыл таразысына салды, ой елегінен өткізді. На периферию микрополя казахского и русского языка отходят фразеологизмы с семой давать мудрые советы, наставлять на правильный путь, поучать, т.е. имеющие значение воздействия на интеллект человека идеальной субстанции извне, например: ақыл үйретті, ақыл қосты, ақыл айтты, ой салды, ақыл берді наставлять на ум (разум), учить уму-разуму.

При анализе грамматических структур было выявлено, что в данных фразеологизмах сопоставляемых языков доминирующим компонентом является глагол. В казахском и русском языках было отмечено следующее сходство: фразеологизмы этого микрополя имеют аналогичную модель «имя существительное + глагол». Также в русском языке в большинстве случаев возможна перестановка компонентов, например: взяться за - за ум взяться, думать головой - головой думать, что не приводит к искажению смысла. В казахском языке перестановка позиций компонентов недопустима (в редких случаях исключением могут быть поэтические тексты).

Данное микрополе казахского языка, в отличие от русского, характеризуется фразеологизмами, отражающими интеллектуальный рост человека. Под понятием умнеть в казахской фразеологии подразумевается становиться грамотным: сауат ашу, қара тану, көзі ашылу; в русской языковой картине мира наблюдается несколько иное понимание развития интеллекта. В традиционном русском понимании понятие умнеть равносильно понятию осознать, образумиться. Это весьма образно прослеживается во фразеологизмах *взяться за ум, доходить своим умом, хватиться за ум, входить в разум, набираться ума*.

Фразеологизмы микрополя «характеристика мыслительных способностей» используются для выражения оценки интеллекта, умственных способностей человека. Как показал типологический анализ, большая часть фразеологизмов микрополя казахского и русского языков являются двухкомпонентными. Почти во всех фразеологизмах данного микрополя сопоставляемых языков присутствуют соматические имена. В 33,3% проанализированных фразеологизмах данного микрополя русского языка встречается соматизм *голова* и абстрактное наименование *ум*: *с головой на плечах, с царем в голове, иметь голову, светлая голова; набираться ума, ума палата, наставлять на ум*.

Как и фразеологизмы микрополя «абстракции и субъекты мыслительной деятельности», фразеологизмы этого микрополя очень содержательны.

Например, по фразеологизму **омыртқасы тузу жігіт** (букв.: джигит с ровным позвонком) в значении 'грамотный, умный; видный; на все руки мастер' можно заключить, что в казахском миропонимании ровная осанка, статная фигура характеризовали разумного человека. Так, в наивной картине мира казахов умный человек (ақылы/басы бар адам - букв.: человек с умом, с головой) всегда ассоциируется с хорошим, красивым, статным, видным, добрым, скромным, интеллигентным, правильным, смекалистым, разносторонним, деловитым, уверенным, решительным, физически развитым человеком. На данную специфику мировидения казахов указывает и богатый пословично-поговорочный фонд казахского языка, представляющий собой зеркало традиционной культуры.

Отличительной чертой исследуемой фразеологии казахского языка является частое употребление соматических номинаций, которые позволяют увидеть своеобразное толкование умственных способностей человека, т.е. отражение в языковом сознании абстрактных процессов духовной (когнитивной) сферы человека посредством конкретнык анатомических номинаций. Так, в отражении мыслительных способностей человека участвуют фразеологизмы с компонентами-соматизмами көкірек (грудь, грудная полость), көз (глаза), құлақ (уши), маңдай (лоб), йық (плечи), омыртқа (позвонок, позвоночник), төбе (макушка), тіл (язык).

Насыщенность фразеологии данного семантического поля соматическими наименованиями объясняется этнокультурными факторами: казахи занимались не земледельческим, а животноводческим хозяйством, следовательно, им были хорошо знакомы наименования всех частей тела (анатомические знания). Для приготовления пищи употреблялись все внутренние органы, не говоря о голове животного.

Отметим, что в микрополе «характеристика мыслительных способностей» казахского языка единичны случаи употребления соматического компонента бас (голова). Возможно, это связано с сакральным пониманием головы не только как жизненно важного органа, но и с особым концептуальным трактованием: бас как человек, душа, источник, начало, верхняя часть чего-то, начальный период и т.д.

Также нельзя не отметить значимый в гастрономической культуре казахов ритуал подачи головы животного. Голова варилась в особых случаях почетному гостю (чаще аксакалу -уважаемому старцу, либо хозяину дома), затем разделялась (употреблялись даже мозги) согласно ритуальному обычаю и передавалась из рук в руки сидящим за накрытым дастарханом. При подаче головы животного соблюдались все традиционные «правила». Этот ритуал существует и сегодня.

Интересно заметить, что в отличие от рассматриваемого семантического микрополя казахского языка, в русской фразеологии преобладают устойчивые

словосочетания с компонентом голова, но единичны случаи употребления других соматических номинаций.

Если казахская фразеология, отражающая мыслительную деятельность человека, отличается употреблением соматической лексики, то в русской фразеологии наблюдается широкое употребление культурно маркированной лексики (ср.: с царем в голове, тертый калач, видеть на три аршина в землю, ума палата); активное употребление соматизма голова; зоонимов - собака, воробей, волк.

В русском мировидении умный, сообразительный, разумный, мыслящий человек соотносится через образ человека с головой, с умом, с открытыми глазами. Иначе говоря, сам факт присутствия и наличия «головы» и «ума» говорил о высоком уровне развития интеллекта человека. Для сравнения: в русском народе глупым считался человек, полностью лишившийся ума и головы, с дырявой головой и т.д.

Таким образом, выявлены следующие сходства и различия в моделировании мыслительной деятельности человека, в данном случае, посредством фразеологии, отражающей субъект, процессы и свойства мышления с положительной коннотацией. Так, в сопоставляемых языках наблюдаются различия: 1) в составе семантических микрополей; 2) в избирательности составляющих компонентов; 3) в структурных моделях фразеологизмов; 4) в формировании моделей ментального представления образа «мыслящего, разумного человека».

В целом, различия фразеологического моделирования данных семантических фрагментов действительности в изучаемых языках обуславливаются этнокультурным представлением и пониманием ценностной картины мира, своеобразным представлением бытия.

Таким образом, следует констатировать, что данное исследование не исчерпывает все актуальные вопросы изучения языкового сознания, отражающего особенности образной номинации мыслительной деятельности казахов и русских, а является только фрагментом, проливающим свет на специфику семантической организации данных микрополей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журавлева Я.А. Моделирование семиотического пространства идиоматического знака (на материале китайских фразеологизмов типа чэньюй). Дис. ... к.филол.н. - Благовещенск: ГОУ ВПО «Благовещенский государственный педагогический университет», 2007.-279 с.
2. Колесов В.В. Философия русского слова. -СПб.: ЮНА, 2002. -448 с.
3. Сергеева Н.М. Ум и разум// Антология концептов. Под ред. Карасика В.И., Стернина И.А. -Волгоград: Парадигма, 2005. Том 1. -С. 286-305.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. Отв. ред. Телия В.Н. -М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. 2-е изд. -784 с.
2. Казахско-русский фразеологический словарь. Под ред. А.С.Аманжолова. Алма-Ата: Мектеп, 1988.-224 с.
3. Кенесбаев І.К. Фразеологиялық, сездік -Алматы: Арыс, 2007. -800 б.
4. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. -М.: Русский язык Медиа, 2006.-571 с.
5. Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка. -М.: Советская энциклопедия, 1968. -543 с.
6. Степанова М.И. Фразеологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфуслуги, 2006. -608 с.

Түйіндеме

Мақалада тілдік санада көрініс табатын қазақ-орыс дүниетанымының ерекшеліктері фразеологиялық материал негізінде талданады. Зерттеу мақсаты - ақыл-ой әрекетін бейнелейтін фразеологияның типологиялық моделі анықталады.

Resume

The article analyses the specification of Kazakh and Russian's world outlook, shown in the lingual consciousness. The research is based on the phraseological material and reveals the typology of the phraseological model of mental activity.

ӨЖ 81'23

ТОЛЫМСЫЗДЫҚТЫҢ ПСИХОЛОГИЯЛЫҚ САПАСЫ

Б.Ж. Сарыбаева

Инновациялық Еуразия университеті

Философия ғылымы категориялық ұғымдарды жалпы түсініктер арқылы білдірсе (мағына, форма, сана), психология ғылымында мұндай ұғымдар тереңірек және бір-бірімен тығыз байланыста қарастырылады. «Невозможно мыслить психическую реальность над одной категорией (например, образа или действия) [1,26]. Өйткені психологиядағы категория психологиялық объектіні өңдеуге, одан қандай да жаңалық ашуға, яғни «құрал» болуға бағытталған. Психология процесті шешуде бір түсінікке бірнеше анықтама береді. Мәселен, елес туралы Гельмгольд бейсана пайымдау, Бне қателіктер

десе, Сеченов рефлекстік-бейнелік психологиялық процесс, Бунд апперцепция т.с.с. деген анықтамалар берген. Көзқарастардың қайшылығына қарамастан, зерттеушілер бір психикалық құбылыс туралы айтқан. «Категории, отображая большие разряды явлений, фиксируют различие между ними и вместе с тем вскрывают их своеобразие не иначе как на основе определенных приемов и способов их объяснения» [1,31].

Тілдесім психологияда субъектінің беделділігінің формасы ретінде беріледі. Ал оның нәтижесі субъектінің басқа адамдармен қарым-қатынасы болып табылады. Анықтамаларға назар аударсақ, «Тілдесу – біркелкі іс-әрекет қажеттігінен туындаған адамдар арасындағы байланыстардың даму көзі. Бұл ақпарат алмасу тіл қатысының коммуникативтік сипатын құрайды. Тілдесудің екінші тарапы – сөйлеушілердің өзара ықпалы, яғни сөйлеу барысында сөз алмасу ғана емес, сонымен қатар бір-бірінің әрекетін, қылығын танып, оны өзгеріске келтіру, жауап беру. Үшінші тарапы – тіл қатынасы сөйлеу арқылы адамдардың бірін-бірі қабылдап, өздерінің психологиялық бейнесін түзуі» [2,112]. Бұл психология ғылымындағы үш бағытты байқатады: коммуникативті (ақпарат алмасу), интерактивті (өз ара ықпал ету), перцентивті (адамдардың түсінісуі). Бұлардың өзара жиынтығы адамдардың қатынасын ұйымдастырудың әдісін құрайды: «Речь является не только средством общения, но и средством мышления, носителем сознания, политики, информации, средством управления поведения других людей и регуляции собственным поведением человека» [3,312].

Жігіт өзінің шамын үріп өшіріп жіберді. Қиялы енді Магрипаға жүзбе-жүз жақындатады. Сол кезде мұның артындағы Дәрмен қамқорлық етіп, мезгілсіз үн қатты:

- Әбіш, шамың сөніп қалды ғой? Әкел, тұтатып берейін! - деді. Дәрменге түсініксіз күйде, үнсіз тапжылмай тұрған Әбіштің қасына кеп, оның қимылсыз қолындағы білте-шамды тұтата бастады. Кеше ұзақ жол жүріп келе жатқанда, Мағаштың келер ауыр әңгімелерінің арасында және өткен түнде де Әбіштің көз алдынан Магрипаның сәулелі елсі кетпеген-ді. Қазір Дәрменді тағы да таңырқата түсіп, оқыс сөйлеп қалды.

- Япырай-ай, қандай сұлу!

- Кімді айтасың?

- Магрипа ше? Магрипаны айтам! Қандай көркем еді?

Дәрмен Әбішті бұдан әрі де сөйлейтін шығар деп еді, ол үндемеді (М.Әуезов). Мысал сөйлесудің көп қызметі барын аңғартады. Айтушының сөзі тілдесу құралы болса, ішкі монологы ойлау құралы болып тұр. Сондықтан тілдесім кезінде сөздердің толымсыз болып шығуы санадағы ойлардың кейде пікір алмасып тұрған адамның санасына бармай өз ішкі ойы сыртқа еріксіз шығуы, ал еріксіз шыққан ой толымсыз болуы заңды нәрсе болуы керек. Кейде адамның ішкі санадағы ойы сыртқа түсініксіз болып шығуын екінші адам реттеп

отырады да, тілдесім жалғасын таба береді. Осындай адам санасындағы бір адамның екінші адам әрекетін түзуіне байланысты ішкі сөйлесімнің сыртқа ықшам болып шығуын толымсыздықтың бір жолы дер едік.

Күнделікті өмірде пікір алмасу мен ойлануда біз аз ғана сөз қолданамыз. Мұндай әр сөз тіпті бір тайпа, бір жиынтықты білдіруі де мүмкін. Сондықтан айтылғанның бәрі түсініктің мазмұны мен көлеміне кіреді. Жоғарыда айтып кеткен бүтін мен бөлшекті алсақ, онда айналаны қоршаған заттар, нәрселер ойда бөлек болғанымен, тілдесімде бүтін бір сөзбен-ақ беріле алады. Сол себепті психология ғылымы қарастыратын толымсыздық бөлшектер, пікір алысқанда бүтінге айналады. Оған мына бір мысал дәлел бола алады:

- Адам қиялы мұндай үңгірлерге неше алуан гажайып жандарды мекендетеді. Біздің бәріміз бағанадан осы үңгірге кіргелі біраз сескеніп, үрректен келдік. Егер осы судан бір мақұлық көрінсе, қандай қорқар едік?! - деді.

Әбіш Әлмағанбеттің бағанадан қорқып, өз-өзінен бұғыңқырап, тіпті ақырын сөйлеп сыбырлап жүрген жайын еске алды.

- Сондай бір мақұлық албасты, шайтан бейнесіне түсіп бізге көрініп қалса, гажап емес-ау! Егер ол көрінсе, біздің Әлмағанбет құрбанға шалған лақтай бақырар еді! - деді.

- Кім білсін, әлде шамға, біздің дабырға құлақ салып жсақындап та келер! - дей отырып, Әбіш орнынан оқыс атып тұрып: - Әне келіп қалды! - деп, артқа қарай жалт бергенде, бір Әлмағанбет емес, Мағаштан басқа жастардың барлығы қоса жсапырылып, артқа қарай, салдырай қашты. Көбінің шамдары да өшіп қалып, бір-біріне қақтықты. Әлмағанбет елден бұрын жсығылып еді. Дәрмен қорыққан жоқ-ты. Әлмағанбеттің үстіне әдейі құлап, үнсіз жсаныштап жсатыр. Шошыған Әлмағанбет дыбыстай алмай сыбырлап: «Өлдім, өлдім!» деді (М.Әуезов).

Әр нәрсенің немесе қандай да бір заттың, іс-қимылдың, сынның түсінігі болады. Тілде ондай түсініктер бір сөзбен немесе бірнеше сөзбен беріле береді. Егер ондай түсінік бір сөзбен беріліп, бірнеше мағына білдірсе, оны толымсыздық деп білеміз. Пікір алысқанда санадағы бірнеше сөйлем, яғни бүтін, түсінік бір-екі сөзбен, бөлшекпен ғана берілсе, бұл құбылысты толымсыз тілдесім (категория) деп білеміз. Категория бола алу себебі олардың әдетте көптеп кездесуі. Мысалдағы «мақұлық» сөзі кейіпкерлердің санасында жағымсыз, қорқыныш сезімін оятып, бір сөздің түсінігі кейіпкерлерді әлекке салғанын көрдік.

«Ақпараттың қайсысы болмасын таңбалар жүйесі арқылы беріледі. Психологиялық қолданыста бұл таңбалар - дыбыс, сөз, сөйлеу» [4,99]. Бұл таңбалар тығыз байланыста екенін білеміз. Сөйлеу процесі санамен реттеліп, тілдесуді тудырады. Сана болмысы өрнектермен бейнеленсе, сөз бен тіл сол болмысты арнайы таңбамен белгілейді. Лингвистикалық түсіндірме сөздікте «Дыбыс - тілдік бірлік, тілдің мағыналы бөлшек-бірліктері; сөз бен морфемаларды құрайтын материалдар қызметін атқарады. Дыбыс сөзді

тануға қызмет етеді» - делінсе [5,78], психология оқулығында «Сөйлеу түрінің бәріне бірдей сипат - олардың сөздік дыбысталуында» делінген [3,120].

Сөз мағынасыз болмайды. Ендеше сөзді сөз ететін, сөзге мән беретін дыбыс екен. Ол сөйлеудің барлық түріне қатысады. Бірақ дыбыс шығарып сөйлесу мән дыбыс шығармай сөйлесу бір нәрсенің екі жағы. Мысалы: «Астан алыңыз» деп сөзбен айтсақ та, қолды табакка жақындытып көтеру де бір нәрсе. Немесе «қайда барасың?» мен иекті көтеру де бір нәрсе. Бұлардың айырмашылығы дыбысталу-дыбысталмауында болып тұр. Дыбысталғандағысы лингвистикада толымсыз сөйлем де, психологиядағы дыбыссыздық толымсыз тілдесім.

«Сөз негізінен екі қызметті атқарады: коммуникативтік және сигнификативтік. Осы қызметтеріне орай сөз тілдесу құралы және ой мән сананың көріну формасы ретінде танылады» [4,105]. Психологияда сөздің негізгі сипатына оның мазмұндық жағын жатқызады. Өйткені адам сөзінің әрқайсысында заттың, не құбылыстың бейнесі пайда болады. Бұл дыбыстық тілдің жануар тілінен айырмашылығын көрсетеді. Дыбыстардың бірігіп сөз және сөйлем формасына келуінен әлі сөйлеу (баян) шықпайды. Сөйлеу заттық негізі бар мағына болғанда ғана іске асады. Сол себепті психология ғылымында сөз мағыналы болғанда іске асары даусыз деп біледі.

«Адамға тән басты белгілердің қатарынан сезім саналады. Сезім адам баласының қуана алуынан, қамыға білуінен, қобалжуынан байқалады. Сонымен қатар адам бойында алдына қойған мақсатына жетудегі табандылығы, еркіндігі бар. Психикалық құбылыс ретінде танылатын мұндай категориялар психология ілімі тексеретін заңдылықтар болып табылады да, психология пәнінің түсіндіруіне жатады. Бірақ олардың көру арқылы, ой арқылы қабылдануымен қатар тіл арқылы басқа біреуге жеткізілуі, нәтижесінде екінші жақтың естуі, қабылдауы, түйсінуі тағы бар. Міне, осы екі аралықтағы құбылыс тіл білімінің түсіндіруіне сәйкес келеді» [1,101]. Мәселен, төмендегі үзіндіде балалық махаббат сезімін кейіпкердің білдіру жолы, оның санасында жатталып қалған Абай шумағы. Баланың сезімтал, адал екендігін өзін-өзі кіналаумен айтып отырған сөздері дәлел. Оның өз кінәсін мойнына алуы еркі мықты, болашақта өзіне-өзі талап қоя алатынын көрсетеді:

Жанар, сені сағындым...

Кенет өлеңнің соңғы шумағын көкейімде тағы бір қайталап айта бергенімде «тоқта» деген бір сұрақ көмейіме көлденең тұра қалғандай болды. «Бұл өлең сенікі емес тәрізді ғой?» дейді әлгі сұрау шүбәленіп. Иә, шынында да... Кенет көзім бақырайып, тынысым тарылып қалғандай болды. Мәссаған! Әкем-ау, мынау Абай өлеңі ғой! Дәл өзі «Айттым сөлем қаламқас» деп басталатын Абай атамыздың өлеңі. Әркімнен ұрлап-қарлап ақын болу деген менің ойым түсіме де кірмейтін сұмдық нәрсе. Өзімнің мына қылығыма төбе шашым тік тұрып кеткендей болды. Әрине, ұрлық емес, әдеби ұрлық. Оны әлгі не деуші еді, ...бірдеңе деген термині де бар (Б.Соқпақбаев).

Психология ғылымы тілдесуді іс-әрекетпен байланыста қарастырады. Өйткені іс-әрекет барысында адам міндетті түрде басқа адамдармен пікір алысады. Тілдесе отырып адам басқаларға өзінің ерекшеліктерін, даралық қасиеттерін танытады. Психолог-ғалымдар пікірінде, психологиядағы тіл – сөйлеу құралдарының қатаң қалыпқа келтірілген жүйесі, ал сөйлеу ой мен сезімді жеткізуге арналған әрекеттік қолданым. Үш тарапқа тәуелді болып келетін тілдесу адам арасындағы тілдесуге дем беріп, үздіксіз болуын қамтамасыз етеді. Тілдесуде болып жататын түрлі кедергілер адамның жеке басының психологиялық жаратылысына байланысты екен. Сөйлеу тек адамға берілген қарым-қатынастың ең жетілген түрі. Мұнда да айтушы ойды жеткізуге қажет болған сөздерді іріктеп, грамматика ережелеріне сай байланыстырады. «Тілдің өзінде мағына ой болмайды, ол тек ойды өрнектеуге арналған әртүрлі таңба-белгілерінің жиынтығынан тұрады. Ал осы қордан сөйлеу үшін қажетті болған белгілі тілдік құралдар (дыбыстар, сөздер, сөз тіркестері мен сөйлемдер, әуен, ырғақ т.б.) іріктеліп алынған шақта ғана, ой білдіру мүмкіндігіне ие боламыз» [2,128]. Ендеше, психологияда толымдылық, толымсыздық деп аталмаса да тілдің өзінде жеке тұрғанда мағына болмайтыны, олар тек тілдік құралдар арқылы ғана мәнге ие болатындығы айтылады. Бұл ойды көркем мәтін бетіне қарасты мына мысалдармен толықтыруға болады:

Гүлжан жылап: «Құрман, ризамын жігіттеріңе, өле өлгенімше ұмытпаспын сені! Бірақ, бірақ... бүйтіп кетемін деп ойлаған жоқ едім... Басыма қара тұман орнаған соң амал бар ма, құдай ісіне? Көнемін-дағы! Тең-құрбыға, құлынтайдан бірге өскен құрбыларға мың қайта сәлем айт» - деп Құрманды құшақтап жылады (С.Сейфуллин).

Мұндағы еркін, тұрақты тіркестер көңіл күйді білдіріп тұрған жалғаулықтар, демәуліктер бәрі бір күрделі ойды білдіріп тұр. Кейіпкердің үздік-үздік айтқан сөздерін контекстен бөліп алсақ, мағына болмас еді. Жеке тұрған сөйлемдер құрылымы жағынан толымсыз болып, контексте ғана тілдік бірліктерге сүйеніп толық ойды білдіріп тұр.

Психология адамның ойлау заңдарын тексеретіні белгілі. Психология адамның сөйлеу процесінің түсіну заңдылықтарын, сөйлеу мақсатына қарай сөйлем түрлерінің мәнін түсінуді жеңілдетеді. Қазіргі кездегі психология мәселелерінің көптеген шешімі осы тілдестік қатынастарды зерттеуге байланысты болып отыр. Себебі психологиялық бейненің формадан екіншіге өтуі адам психологиясындағы ашық сана аймағы мен бейсана байланысы, адам көңіл шарпуларының ерекшеліктері т.б. осы тілдестік қатынастың негізінде жасалады. Психологиядағы ойлау мен сөйлеу проблемасы психологиялық зерттеулердің тарихында өзіне үлкен назар аударған. Олар бірде ойлау мен тілдесуді бөліп қарастырса, бірде қосып қарастырған. Бұл мәселені шешуде орыс ғалымы Л.С.Выготский зор үлес қосты. Ғалымның өз сөзімен берсек, «Слово также

относится к речи, как и к мышлению. Оно всегда характеризует предмет или явление, обозначаемое им, обобщенно и следовательно, выступает как акт мышления. Но слово - это также средство общения, поэтому оно входит в состав речи. Будучи лишены значения, слово уже не относится ни к мышлению, ни к речи; обретая свое значение, оно сразу же становится органической частью того или иного. Именно в значении слова завязан узел того единства, которое именуется речевым мышлением» [6,5]. Ғалым сөзді сөйлесу мен ойлау бірлігі деп қарап, оны ойлау әктісі деп біледі. Бірақ мағыналы сөз ғана тілдесім құралы бола алады да, ол тілдік пайымдауға айналады дейді.

Негізінен, сөйлеу мен ойлау психологияда әр түрлі генетикалық тұрғыдан қарастырылған. Сөйлеудің негізгі қызметі коммуникативтік қызмет екені белгілі. Осыған қарамастан, сөйлескенде тілмен берілетін мағына ойлау жемісі болып келеді. Мысалы, бірдемені нұсқап қана көрсетсек, ол ой жемісі, жиынтығы емес. Психологияда ойлаудың ішінде тілдесіммен байланысы жоқ түрлері де бар. Оған кішкене балалар мен кейбір жануар тілін жатқызады. Бұлар тек жас бала немесе жануар ішкі сезімін ғана білдіреді де, не белгі, не қорытынды бола алмайды. Психологтардың ойынша, екі жасар бала тілінде үлкен өзгеріс пайда болады: тілдесім интеллектуалды ойлау – тілдік болады дейді [7,5]. Егер кішкене баланың жест тілі мағынасыз, белгісіз болса, онда оның толымсыз болғаны ма? Бұл ой біріншіден, категория бола алады, өйткені кішкене бала да, кейбір жануарлар да тек сезімге сүйеніп қана қарым-қатынас әрекетін жасайды. Бұл – күнделікті өмірдегі құбылыс. Бала тілінің жест тілінен басталуы оның сөздік қорының жоктығынан және тілдесімді, түсінісуді тек қарым-қатынас жасау үшін қолданылуынан. Егер есейе келе тілдесімді ойлау, пайымдау есебінде түсінгенде ғана таза тілдесім пайда болады. Демек, мағыналы сөз ғана тілдік пайымдауға ие болады. Оны мына мысалдан көруге болар еді:

Мағаш та ішінен: «Әрине, біреу болар және нәрсе емес, қыз шығар» деп ойлады. Қазір соның «атын ба, жөнін бе біреуін естимін ғой» деп сәл ойлап қалғанда, қыз жүрегі тітіркегендей боп, барлық іші мұздап, қатты қиналып қалды.

- Сол айтқаным өзге емес, менің науқасым, Мағыш...

- Қандай науқас? - деп, Мағыш бірінші рет Әбішке шапшаң сұрақ бергенде, жүзі де қайтадан ду ете түсті.

- Былтырдан бері, Петербордағы докторлардың айтуынша, менің өкпеме науқас ілініп келеді. Қысқасы, не керек, сол науқас турасында мені емдеп жүрген үлкен доктор маған әзір үйленуге болмайды дейді. ...Осы, Мағыш, менің бөгетім де, сырым да (М.Әуезов).

Психология ғылымында сөйлеуді ішкі және сыртқы сөйлеу деп бөліп, ішкі тілдесімнің үш түрі көрсетеді:

- ішкі сөйлесім. Ол сыртқы сөйлесім тәрізді болып келеді;

- ойлау құралы ретінде. Ол арнайы бірліктер арқылы беріледі (бейне, мағына);

- ішкі бағдарлама жасау. Тілдесімді мәтінді оның мазмұнын арнайы пайымдауда бекіту және ұйымдастыру. Осы тараптан мына мысалға назар аударсақ:

Қызылбалақтың қызыл шегір көздері «қайдасың?» - дегендей боп бір сай бойын тінтіп, шанышылып қапты. Бекбол түлкі жайын құсы мен Жәнібекке сенген тәрзіді. Томага тартысымен, Қызылбалақтың шыжымын алып беліне қыстырды да, өзі Ожардың селдір қарағайлы тас биіктеріне көз жіберіп, жасағалай қарап тұрды. Әзірше бірде-бір қыбыр еткен қара құр да, өзге белгі де білінбейді. «Ожарға бекінді ме, жоқ өтіп кетті ме? Бекінсе, қарағайда ма, таста ма? Көп шат құздың, көп қарағайдың қайсысын таңдады екен? Ожарға Қабансаймен кеп кіргеніне қарағанда, әдейі қиын шыңдарға батып, жосалайын деп келген ғой. Әй, кәпір, жер білетін, сырқынды сұмдар-ау...», - деп түрлі қисынды жайды тошылап тұр еді. Сойткенше, бір сәтте Жәнібек аң көргенде істейтін машығына салып, саңқ етіп дауыстап қалды. Сол дауыс жетер-жетпесте, лезде Қызылбалақ та Бекболдың балдаққа салып тұрған қолын серпе теуіп жіберіп атқып жіберді (М.Әуезов).

Бұл бірнеше сөйлемнен тұратын үзіндіде бірде-бір сыртқа шыққан (тіл арқылы) сөйлем жоқ. Барлық ой кейіпкердің ішкі монолог, ой-тұжырымынан құрылған. Тілдесім болмаса да іс-әрекет тілдік құралдар арқылы ғана беріліп тұр. Атап айтқанда, ішкі монолог, ішкі тұжырым, дауыс, ырғақ т.б. Ішкі монолог сын тұрғысынан үлес қосып, ішкі сөйлемдер ырғағы сыртқа санқ етіп шыққан дыбыс-белгі әрекет дамуын итермелеп тұр. Ішкі монологтың тағы бір ерекшелігі - сөздерді қысқарту әрекеті.

Ішінен сөйлеп тұрған кейіпкер өз-өзімен сөйлесіп тұр. Сөз контекстегі белгілі жайларды жинақтап, тек жаңа үлесті ырғақ, сұрақ, әуен арқылы қосып тұр. Мұнда ішкі монологта түсініктің мағынадан асып түскенін көреміз. Үзіндіде «түлкі аулау» түсінігі неше түрлі әрекетке байланысты көлемі ұлғайған. Ішкі монолог ықшамдалған, предикатталған формаға ие бола тұра, сөздер бірнеше мағынаға ие болып, бірнеше сөйлем бір сөзбен де беріледі. Егер ол сөзді сыртқа шығарсақ, бірнеше сөйлем болып айтылар еді. Мұндай тілдесімді осы қасиетіне орай тілдесім пайымдауының ішкі жоспары немесе ішкі толымсыздық дер едік. Осыған орай ішкі тілдесім ойлау процесінің таза мағынасы болып табылады. Сонымен, сөйлеу әрекеті кезінде әрбір көріністі сөзбен толық жеткізу керек болса, онда тіпті тек диалог сөздер ғана емес, әдеби сөйлеу де сай бола бермес еді. Сондықтан сөздік формаға ие болатын көріністер ойды құру үшін сөйлеу формасы мен шарттар арқылы анықталуы тиіс.

Сыртқы сөйлеу өз кезегінде ауызша, жазбаша болып, ал ауызша монологтық және диалогтық болып бөлінеді. «Ауызша сөйлеуде кеңістік және уақытқа байланысты шектеулер болады. Мысалы, телефонмен сөйлескенде, сөз қысқа, жедел болады. Диалогтық дәйлеуге қарағанда, монологтық сөйлесім

сөз құрылысы жағынан күрделі болып, ой толығымен көрінеді, баяндалуы бір ізді, қатан логикалық талаптарға бағынады» [7,104]. Ауызша тілдесімде айтылғанның жеке компоненті бірінен соң бірі түсіндіріледі. Мысалы:

Майқанова бірдеңе жазып, жалғыз отыр екен, маған басын көтеріп алып, таңырқаған кейіппен қарады:

- Не болды? Не болды, Қадыров?

- Лагерьге жолдама беріңізші маған.

- Бұл жолы жолдама берілмейді. Екінші кезекке барасың.

- Неге?

- Неге болушы еді: барлық оқушыға бірден жетіспейді. Ал екіншіден, ең әуелі біз лагерьге үлгілі, тәртіпті балаларды жібереміз.

Жантас немене менен артық болғаны ма? (Б.Соқпақбаев).

Жазбаша тіл мәтіні үлкен бөлшектен қабылданған соң оның ауызша тілден айырмашылығы болады. Жазбаша тілдесім контекстік болып келеді де, ол алдын ала біреуге, бірдемеге арналып жазылып даярланып қояды. Жазбаша тіл сөйлемдердің сол себепті құрылымы толымды болып келеді. Мысалы:

Хат

«Бауырым Құрман! Үшбу хатты су түбіне кетіп бара жатқан соң жазып отырмын саған. Ешкімнен жәрдем жоқ, сенен болмаса. Қоңілім көлдей болып жүргенде, мұршамды толғануға келтірмей, байлағандай қылып, кеше келген атай Сабалақтың қатыны өліп, қыз іздеп келген баласына мені бермек болып жатыр. Алды-артқа қаратпай ертең жөнелтпек. Түнде қашып кетті қылып. Дүниеде адам баласына қиындық келетін болса, сол қазір маған келіп отыр...» (С.Сейфуллин).

«Диалог арқылы кейіпкерлер образын даралау айрықша айқын көрінеді. Диалог адам мінезін, кимыл-әрекетін ашуда бірден-бір қолайлы форма, ал монолог бұдан да арта түседі. Диалог адамдар арасында адам мінезін нақты түрде ашып, соның тілдік амалына айналады» [7,15]. Жоғарыда сөз болып кеткендей, толымсыздықтың бірден-бір көрсеткіші олардың диалогта және монологта жиі қолданылуы болса, онда олардың кейіпкер тілінде атқаратын ролі үлкен. Кейіпкердің ішкі сезім дүниесін ашу үшін көркемдік тәсілдер қолданылады. Ішкі тебірініс, толғаныс тәсілі, ішкі монолог. Мысалы:

«Шықпаса қойсын. Қояйыншы осыны» - деп түйді. Аспанға қарады (С.Мұратбеков).

Таяқ жеген Зейнепті ішінен аяды. Жазықсыз ұрғанына өкінді... Қызыл шырайлы бетінен сүйгісі келді... Ынтыққаннан ынтығып басын көтеріп алды (Б.Майлин).

Сөйлеу процесі санамен реттеледі де, адамдар арасындағы тілдесуде қалыптасады. Сананың негізгі қызметі болмыста арнайы қабылданған таңбалар мен тыңдауының міндетті түрде болуымен жасалады. Сөйлесу – тілдесу әрекеті. Сонымен, сөйлеу тек адамға тән тіл қатынасының ең

жетілген формасы» [2,99]. Сөйлесімнің бұл түрлері туралы тұжырымдар екі ғылымда да тепе-тең келеді десе де болады. Бірақ психология ғылымындағы монологтық сөйлем толымды болып келеді екен. Ал тіл білімінде монологтық тілдесім де толымсыз болуын жоғарыдағы мысалдар көрсетті.

Сөйлеудің тілдегі көрінісі сөйлем екені белгілі. Монолог пен диалог тіл немесе ой арқылы беріледі. Ендеше, сөз бен ой неғұрлым ықшам келсе, ол соғұрлым түсінікті болады. Ықшамдылықтың, эмоционалды ойдың бірден-бір амалы – сөйлемді толымсыз етіп айту. Егер мұндай сөйлемдер мен ойларды кейіпкерлер, пікір алмасушылар толымды етіп айтса, мүмкін олар мұндай әсерлі болмас та еді. Жалпы толымсыз сөйлем – адам мінезін, қимыл-әрекетін ашатын қолайлы формалардың бірі. Олар адам мінезін нақты түрде ашып, соның тілдік амалына айналады. Адам тіліндегі көңіл-күй көрінісі үлкен маңызға ие. Сөздің әсіресе ауызша түріне көңіл-күй танытатын көптеген сөйлеу бірліктері қосылады: іркіліс, әуен, ырғақ т.б. Сөз неғұрлым өрнекті, әсерлі болған сайын, одан сөйлеушінің қабілеті, болмысы нақ, дәл көрінеді. Сөз бір нәрсе жайында баяндаумен бірге, ықпал жасау құралы болып та қызмет етеді. Адам тілінің ықпалдық қызметі өте мәнді құбылыс. Ол тікелей әрекет-қылықты өзгертпегенімен, қалайда тыңдаушының санасына, сезіміне қандай да бір өзгеріс ендіреді.

Тілдесудің мазмұндылығы, оның барысындағы әңгімелесушілердің бір-біріне ықпал жасауынан көрінеді. Ал бұл өзара ықпал жасау процесін айқын түсіну үшін тілдестік қатынас әрекетінің құрылымын ғана біліп қою жеткіліксіз. Бұл орайда әңгімелесуге негіз болған түрткі-тілдесу мақсаттары мен ниеттерін талдай тану үлкен маңызға ие. Сөзбаян қаншалықты әмбебап болғанымен, оның толық мәні тілдестік әрекет жүйесінің сөзден тыс ишара белгілерімен толықтырғанда ғана ашылады. Осыдан бейвербалды тілдесу проблемасы туады. Вербалды емес тілдесуден ең алдымен көру-қозғалыс жүйесіне байланысты ым, ишара, пантомим т.б. қамтыған белгілер өте маңызды. Әрқилы дене мүшелерінің (бас, иық, қол т.б.) жалпы қозғалысқа келу адамның көңіл-күй көрінісін беріп, тілдестік қатынасқа көркем-көрпектік нәр береді. Бұл ишара белгілер әртүрлі мәдениет иелерінде бірдей емес. Мысалы, қазақ келіспесе басын шайқайды, ал болгарлар басын изейтін көрінеді. Қазақ жазушысы Ж.Аймауытов адам мимикасынан бастап, саусақ қимылына дейін суреттеп, олардың нені білдіретінін атап кеткен екен. Еңбектегі деректер тілдің толымсыздығын тек тілсіз амалдармен ғана беріле алатынын айта келіп, адам дене қимылы «тілсіз тіл» екендігін айтқан [8].

Тілсіз тілдесудің қай түрі де сөз алысу барысында өте маңызды жәрдемші роль атқара отырып, сөз мәнісін күшейту, не кемітумен бірге, әңгімеге қатысқандардың ниеттерін білдіреді. Ишара, емеурін, қимыл әліппесін білетін адамдар қарсыластарының сырын еш қиналмай-ақ ұғып, қандай жағдайға қалай әсер етудің жолдарын пайдаланатыны сөзсіз. «Біз бір-бірімізбен тек

сөздің және ым-ишараның көмегімен ғана емес, сонымен бірге өз денемізді пайдалану арқылы да қарым-қатынас жасаймыз. Кейбір қозғалыстарды біз әдейі жасаймыз, бірақ біздің ишараларымыздың көпшілігі түйсіктік болып табылады» деген Ж.Қабаева адамның денесі әр жағдайға байланысты, әртүрлі сигнал беретін құрал деп есептейді [9,16]. Расында да, күнделікті өмірде адам дене кимылы тілсіз ұғынысудың бір жолы тәрізді қолданылатыны даусыз.

Ғылымда вербалды тілдесуге «косымша» ретінде паралингвистикалық және экстралингвистикалық белгілер жүйесі де қолданылады. Паралингвистикалық қосымшалар бұл дауыс ырғағы, өуені болса, экстралингвистикалық дегеніміз сөз барысындағы іркіліс, жөтелу, жылау тәрізді іс-әрекеттер. «Психоллингвистика принадлежит к числу новых областей психологического знания. Ее предметом является структура процессов речеобразования и речевосприятия в их соотношений со структурой языка. Психоллингвистика направлена на анализ языковой способности человека в ее отношении к речевой деятельности с одной стороны, и к системе языка - с другой» [10,46].

Сонымен, психология ғылымының тілдесімге тигізер ықпалы зор. Біріншіден, тіл білімінде қарастырылатын сөз, сөйлем, ырғақ т.с.с категориялар психологияда да қарастырылады. Ол тек қарастырылып қана қоймай, ойлау заңдылықтарын, оларды түсінуге жол ашады. Екіншіден, ол психоллингвистика тәрізді қосалқы пәндер арқылы психологиялық іс-әрекеттер туғызатын бейвербалды амалдар, сөйлем мағынасы арқылы әдебиеттегі көркемдегіш құралдар туғызатын әдіс. Олай болса, толымсыздықты тудыратын бірден-бір амалды қарастыратын да осы пән. Психология пәні кейінгі кезде кең қанат жайып, әлі де тамыры терең ғылым саласы болатынына сөз жоқ.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Мироненко В.В. Хрестоматия по психологии. – М.: Просвещение, 1987. – 447 с.
2. Сәбет Бап-Баба. Жалпы психология. – Алматы: Білім, 2003. – 231 б.
3. Немов Р.С. Психология. Книга 1. – М.: Владос, 2001. – 688 с.
4. Әбілхалық Ж. 101 толғам, 1001 түйін: философиялық байып. – Астана: Елорда, 2005. – 125 б.
5. Салқынбай А., Абақан Е. Лингвистикалық түсіндірме сөздік. – Алматы: Сөздік-Словарь, 1998. – 104 б.
6. Выготский Л.В. Собрание сочинении в 6-ти томах. Том 2. –М.: Просвещение, 1982.– 361 с.
7. Сәрсенова Ж., Рахметов Қ.Ж. Философия. – Алматы: ОЛКС, 2004. – 268 б.
8. Аймауытов Ж. Психология. – Алматы: Рауан, 1995. – 311 б.
9. Қабаева Ж. Философия білімдерінің негіздері.– Алматы: Білім, 2000.– 239 б.
10. Карпенко Л.А. Краткий психологический словарь. – М., 1975. – 431 с.

Резюме

В статье рассматривается психологический аспект языковой неполноты. Психологические объекты речепроизводства и речевосприятия объясняются такими языковыми единицами, как диалог и монолог. На примере этих единиц определяется основные лингво-психологические выводы.

Resume

The article deals with psychological aspect of linguistic insufficiency. Psychological objects of speaking and making speech is explained by such linguistic units like dialogue and monology. On example of these units-basic ligu-psychologic sumerries are known.

УДК 81-11

**РЕЧЕВОЙ АКТ ОСКОРБЛЕНИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ
ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ****Е.Ю. Сидорова***Инновационный Евразийский университет, г. Павлодар*

Оскорбление - любое слово или выражение, содержащее обидную характеристику адресата. А. Вежбицкая определяет формулу оскорбления как «Ты - X». Местоимение «ты» при этом может опускаться, а «X» обозначает собственно оскорбление. При оскорблении «коммуникативное давление на личность происходит через воздействие на её ценностную сферу»[1; 12], то есть, используя ВА оскорбления, адресант завоевывает доминирующее положение. Иллокутивная функция оскорбления заключается в желании адресанта изменить (в отрицательную сторону) самооценку адресата, понизить его социальный статус. Адресант может добиться этого, используя слова с ярко выраженной негативной окраской, зоосемантические метафоры, эвфемизмы, указывающие на нарушение социального табу, каламбурные образования, направленные на унижение адресата, сниженную лексику и др.

Г.В. Кусов рассматривает оскорбление с двух позиций: социальной и лингвистической. С социальной точки зрения оскорбление - это «сознательное нарушение конвенциональных правил, так как согласно коммуникативному кодексу личность обязана соблюдать коммуникативные обязанности: выполнять обещания, не лгать, выбирать сопоставимые с социальными нормами способы общения, т.е. уважать коммуникативные права остальных участников коммуникации и т.д.» [2; с. 41]. С лингвистической позиции оскорбление - это «самостоятельный речевой акт, обладающий

конвенциональными правилами особого свойства, где конвенциональность направлена на достижение определенной прагматической цели, т.е. это средства языка, обслуживающие коммуникативные цели и представляющие собой часть языковой компетенции человека...» [2; с. 41].

По теории речевых актов оскорбление характеризуется как оценочный речевой акт. Отношения адресанта и адресата при В А оскорбления - это отношения агрессора и жертвы, при этом предполагается активное участие обеих сторон, так как «если оппонент не уязвлен, критика его «не задела», говорить об оскорблении нельзя» [цит. по 3; с. 38].

Вербально-агрессивный акт оскорбления может выражаться в речи различными лексическими и грамматическими средствами. Ю. В. Щербинина предлагает следующие способы выражения оскорблений [4; с. 156]:

- существительное с прямым отрицательным значением (*дурак, сволочь*):

«*Ты, Гордиш, как был подонок, так и остался!*» [5]

Адресант наносит оскорбление адресату, используя грубое слово с прямым отрицательным значением подонок. Выражение как был.. так и остался усиливает оскорбление, указывает на то, что адресант и раньше считал адресата подонком и продолжает так считать.

“*You’re a fucking shit bastard*” [6; с.137].

Адресант наносит оскорбление адресату, используя грубое слово *bastard* (ублюдок), грубые бранные прилагательные *fucking shit* подчеркивают силу отращения агрессора и делают оскорбление более эмоциональным.

- существительное с переносным отрицательным значением (козел, дубина):

«*Поговоримне ещё!Ддубина...*» [7].

Адресант оскорбляет адресата словом с переносным отрицательным значением дубина. Оскорбление адресата также сопровождается угрозой, то есть дословно, в эксплицитном виде высказывание может быть представлено следующим образом: *Если ты, дубина, будешь продолжать говорить о том, что мне не нравится, то я сделаю тебе нечто плохое.*

- существительное + прилагательное (гад ползучий, черти косорылые):

«*Ах ты, гад ползучий! Вот где ты так устаешь!*» [8].

Адресант обращается к адресату, используя грубое сочетание гад ползучий. Сочетание прилагательного с существительным усиливает эффект оскорбительности, звучит более грубо и оскорбительно, чем просто гад.

“*But if he did say it, then he’s a fucking liar*” [9]

Оскорбительное *liar* (лжец), дополняется бранным *fucking*, что усиливает негативное отношение адресанта к адресату.

- оскорбительные восклицания (Какой идиот! Вот сволочь!):

«*Ну что за дурень! Ну чего здесь сложного?!*» (из бытового разговора)

Косвенное оскорбительное восклицание ну что за дурень, можно представить в виде прямого: ты - дурень. Восклицания типа ну что за, какой, вот усиливают эмоциональность оскорблений.

“ *What an idiot you are!*” [10].

Оскорбление *idiot* сопровождается эмоциональным возмущением (Какой же ты идиот!).

- обидные прозвища (очкарик, циркуль):

«*Гони копейку, буржуй!*» [11].

Сравнение адресата с буржуем звучит грубо и оскорбительно, так как буржуй — разговорное презрительное обозначение буржуа, человека, принадлежащего к буржуазии. Агрессивность высказывания усиливается глаголом со сниженным лексическим значением гони.

“ *Come here quickly, four-eyes!*” (из бытового разговора) Обидное прозвище *four-eyes* (очкарик) звучит оскорбительно для человека, носящего очки.

- обидные сопоставления с историческими лицами, литературными героями, а) отражающие недостатки внешности (*Квзимодо*):

«*Эй, ты, Чебурашка! Серого не видел?*» (из бытового разговора подростков)

Сопоставление с Чебурашкой звучит оскорбительно, так как указывает на недостатки внешности адресата: большие оттопыренные уши. Агрессивность высказывания усиливается грубым обращением *эй, ты*.

“*Hey, Pinnokio, get out of here.*“

Называя адресата *Pinnokio* (Пинноккио), адресант оскорбляет его, так как указывает на недостатки внешности адресата: слишком длинный нос. Агрессивность высказывания усиливается грубым *get out* (убирайся) вместо нейтрального *go away* (уйди).

б) отражающие недостаточные умственные способности (Винни-Пух):

«*У тебя что в голове-то, Винни-Пух! Ты вообще понял, что сказал?*» (из бытового разговора)

Сравнение с Винни-Пухом оскорбительно для адресата, так как слова из песенки Винни-Пуха «в голове моей опилки...» общеизвестны, причем адресант, используя в высказывании и слово *голова*, и слово *Винни-Пух*, недвусмысленно дает понять, что он имел в виду: *У тебя в голове вместо мозгов опилки, ты говоришь ерунду и сам не можешь понять, что говоришь*.

в) отражающие отрицательные черты характера (Плюшкин, Гитлер):

«*Ну ты, Плюшкин, хороши всякое барахло тащить! У меня здесь не склад для хлама! К себе домой волочи!*» (из бытового разговора)

Сопоставление с литературным героем произведения «Мертвые души» Н.В. Гоголя Плюшкиным - оскорбительно, так как адресант приписывает адресату отрицательные черты литературного героя (Плюшкин имел слабость

приносить всякий хлам к себе домой без разбора). Агрессивность высказывания подчеркивается сниженной лексикой: *барахло, тащить, волочи*.

- намеренно неуместное употребление обращений «ты» и «вы», усиленное междометными «ну», «эй» и т.п.:

«Эй ты! А ну иди сюда!» (из бытового разговора)

“Hey, you! Come up to me quickly!”

Обращение к человеку *эй, ты (hey, you)* не принято речевым этикетом, поэтому такое обращение оскорбительно для адресата.

Ростова А.Н. и Калинина Г.Н. в своей статье «Прагматико-ситуативные типы реализации речевого акта оскорбления в молодёжном общении» рассматривают два вида оскорбления: классический и трансформированный. [3; с. 181].

Классический речевой акт оскорбления характеризуется «симметричностью иллюкутивной цели и перлокутивного эффекта» [3; с. 181], то есть, агрессия адресанта вызывает у адресата ответную реакцию, которая тоже может быть выражена вербальной агрессией:

«Что-о-о?! Как ты сказал? Какое я имею право?! Скотина! Каналья! -Сам каналья...» [12].

Адресант возмущен поведением собеседника и оскорбляет его, используя инвективную лексику. Адресат реагирует на реплику, возвращая также же оскорбление назад (К.Ф. Седов называет такой сценарий развития вербальной агрессии «принцип «сам дурак»»).

Трансформированный речевой акт оскорбления характеризуется «несимметричностью иллюкутивного намерения и перлокутивного эффекта», то есть адресат может не понять, что его оскорбили или перевести оскорбление в шутку.

«Нет, ну ты дура, что-ли набитая! Кто так делает?» «Да ну тебя. Развыступалась. Пошли чай пить.» (из разговора между подругами)

Адресант оскорбляет адресата, используя косвенные ВА оскорбления в форме вопросов, а адресат, не поняв оскорблений, переводит разговор на другую тему.

Оскорбление может быть выражено как прямым вербально-агрессивным актом, так и косвенным. Ю.В. Щербинина в качестве прямого оскорбления предлагает выделить защитное и намеренное [4; с. 160].

Защитное или оборонительное оскорбление является реакцией на предшествующее проявление агрессии. С психологической точки зрения у человека, использующего защитное оскорбление, происходит выплеск негативных эмоций (эмоциональный катарсис):

«А денег я тебе не дам, транжира несчастная.»

«Да ты, скотина, подлец ты такой, ты ж меня содержать должен» (из бытового разговора)

В приведённом примере отказ в выдаче денег, а также объяснение причины этого с помощью оскорбления «*транжирка несчастная*» вызывает поток негативных эмоций у собеседника, которые он выражает в виде ответных оскорблений.

Намеренное или инициативное оскорбление - это сознательно направленная агрессия:

«Ну, ты, каланча! Где мой завтрак?! Эй, циркуль, выключи эту кофемолку на хрен!» [13].

Адресант целенаправленно подбирает слова, чтобы сильнее унижить девушку, привить ей комплекс неполноценности по поводу её роста (каланча, циркуль).

О.С. Иссерс предлагает четыре речевые тактики нанесения оскорбления:

РТ-1 Прямое оскорбление. «Он дурак (вор, мошенник, непрофессионал, больной...)»

РТ-2 Косвенное оскорбление. «Он похож на...».

РТ-3 Развенчание притязаний. «Он не похож на..., хотя и претендует».

РТ-4 Навешивание ярлыков. «У него лицо как блин, и это все, что можно о нем сказать» [15, с. 115].

РТ-1 - непосредственная негативная характеристика адресата. Для нанесения такого вида оскорбления используется экспрессивная и оценочная лексика с отрицательным коннотативным компонентом: *«Дурак! Псих ненормальный!»* (из бытового разговора);

РТ-2 - «позволяет перенести негативную оценку из одной когнитивной области в другую» [15; 118]. Данная тактика осуществляется посредством метафор: *«Ельцин, ты - политическая проститутка.»* [15, с. 118].

РТ-3 - суть данной тактики заключается в развенчании притязаний на какую-либо роль:

«А вот и Сам явился, не запылится» (из бытового разговора офисных сотрудников).

Употребление устаревшего разговорного слова Сам по отношению к начальнику отдела делает высказывание оскорбительным, развенчивая его притязания на роль Хозяина, а просторечное неодобрительное *явился, не запылится* ещё и указывает на раздражение по поводу его несвоевременного прихода.

РТ-4 - тактика навешивания ярлыков «реализует глубинную стратегию когнитивного плана: по частной детали, подробности (порой совершенно незначительной) слушателю (читателю) помогают сделать общий вывод о свойствах объекта» [15, с. 123]. Навешивание ярлыков - это указание на черту характера или внешности, отрицательная оценка которой переносится и на личность в целом:

« Ежедневно, с утра и до глубокой ночи, почти через каждые полчаса в левом нижнем углу телеэкрана на фоне триколора появлялся, как масляный блин, портрет Гайдара» [15, с. 123].

Косвенное оскорбление может быть представлено тремя видами: оценочное высказывание, обидное противопоставление и обидное сопоставление с известными и историческими личностями [4, с. 161].

1) Оценочное высказывание:

« Сам такой!»

“You ‘re another!”

2) Обидное противопоставление:

« Тоже, мужик называется... Оставил одних баб. Разве так настоящие-то мужики делают?» [14].

В примере адресант подразумевает: Раз ты так поступаешь с женщинами, значит ты не мужчина. Обидное сопоставление с известными и историческими лицами:

« Умный ты! - сказал я. - Чистый Лукашенко! Вот уж действительно - каждый народ достоин того президента, которого имеет.» [13].

Косвенное оскорбление обычно звучит мягче, так как не содержит инвективы и резких прямых высказываний, а заставляет адресата разгадать импликатуру: -Умный ты! Чистый Лукашенко! Адресант подразумевает: Лукашенко я умным не считаю, соответственно и ты глупый.

Использование риторических вопросов является одним из грамматикализованных способов выражения вербально-агрессивного акта оскорбления. Риторические вопросы характеризуются «полярностью», то есть, позитивный по форме вопрос выражает отрицательное суждение, отрицание, а отрицательный вопрос - утверждение [16, с. 20]. К риторическим вопросам с интенцией оскорбления можно отнести такие как:

- Да кто ты такой?

- Ты в своем уме?

- Да что ты собой представляешь, чтобы говорить мне такое?

- Are you insane?

- Who the hell you are to tell me this?

Адресант не ставит цель узнать, кто перед ним находится, в своем ли уме собеседник, или что он собой представляет. Иллокутивной функцией таких вопросов является стремление оскорбить, унижить собеседника, понизить его социальный статус: ты - никто; ты не в своем уме; ты ничего собой не представляешь.

Таким образом, оскорбление является наиболее широко распространенным и наиболее действенным способом проявления вербальной агрессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клюев Е.В. Речевая коммуникация: Учебное пособие для университетов и институтов. -М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. - 320с.

2. Кусов, Г.В. Диагностика оскорбления: постановка научной проблемы в праве и лингвистике. / Г.В. Кусов // Юрислингвистика - 6: инвективное и манипулятивное функционирование языка : межвуз. сб. науч. ст.— Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. - 417с.

3. Ростова, А.Н., Калинина, Г.Н. Прагматико-ситуативные типы реализации речевого акта оскорбления в молодёжном общении // Юрислингвистика -8: Русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. ст.— Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007.

4. Щербинина, Ю.В. Вербальная агрессия / Ю.В. Щербинина, - М: Едиториал УРСС, 2006.-360 с.

5. Алеников В. Поиски любви. -М: Столица-Принт, 2005, 560 с.

6. Laurie H. The Gun Seller, 1996, - 158с.

7. Чехов А.П. Повести и рассказы. Скрипка Ротшильда. - М.: «Художественная литература», 1983, 320с.

8. Малков с. Новогодний заказ. - М.: Гелкос, 2004, 256с.

9. Bragg Rich M. The life of Richard Burton. Mass Market Paperback, June 30, 1990.

10. Davidson A. The City share pushers Scope International Ltd; 3rd edition edition 1989, 288 pages.

11. Рыбаков А. Кортик. - Олма-Пресс, 2005, 448с.

12. Бельх Г., Пантелеев Л. Республика Шкид. Издательство: М.: Раритет, 2004, 416с.

13. Тополь Э. У.Е. Откровенный роман. АСТ, 2008, 475с.

14. Мамин-Сибиряк Д.Н. Золото: Роман / Пер. А.Гумерова. - Казань: Таткнигоиздат, 1956. - 323 с

15. Иссерс, О.С. Свобода слова: две стороны медали // Юрислингвистика - 1: Проблемы и перспективы: межвуз. сб. науч. ст.— Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999, с. 110-126.

16. Шатуновский И.Б. Риторические вопросы как форма агрессивного речевого поведения // Агрессия в языке и речи: Сборник науч. Статей / Сост. и отв. ред. И.А. Шаронов. М.: РГГУ, 2004.

Түйіндеме

Мақалада вербальді-агрессивті тіл тигізу акт түсінігінің анықтамасы берілген, оның иллокутивті қызметі қарастырылған, сонымен бірге, тіл тигізудің лексикалық және грамматикалық құралдары көрсетілген. Сонымен қатар, тіл тигізудің түрлері, вербальді-агрессивті тіл тигізудің тура және жанама жолдары қарастырылған.

Resume

In the given article the notion of verbally-aggressive insult is given, its illocutionary function and lexical and grammatical ways of expression

are represented. The types of insults and also the direct and indirect ways of verbally-aggressive acts expressions are described.

ӘОЖ 81'373

М.Ж. КӨПЕЕВ ШЫҒАРМАЛАРЫНДАҒЫ МАТЕМАТИКАЛЫҚ ТЕРМИНДЕР

Қ. С. Сіләмбекова

С.Торайғыров атындағы Павлодар мемлекеттік университеті

Қазіргі тілімізде қолданылып жүрген терминдер бірден қалыптасқан жоқ. Қазақстан Республикасында терминдер 20 жылдарда қалыптаса бастады. Ол кезде қоғамдық пәндер термині көбірек жасалды. Термин сөздерді жинаудың бірыңғай принциптері жасалмады. Әдеби тілдің қалыптасу процесінде жаңа сөз (сөзжасам), термин жасау ісіне қоғам қайраткерлері де белсене қатынасты. Термин сөздерді жасау және оны тұрақтандыру ісінде 1935 жылы өткен Қазақстан мәдениет қызметкерлерінің съезі үлкен роль атқарды. Съезде ана тілінде Отандық терминдер жасау, интернационалдық терминдерді өзгертпей алу жөнінде жаңа жоба қабылданды. 1945 жылдан бері Қазақ ССР Министрлер Советі жанындағы Мемлекеттік терминология комиссиясы (Мемтерминком) үзбей жұмыс істеп келеді. 40-50 жылдары Мемлекеттік терминология комиссиясы қазақ терминологиясының дамуына, қалыптасуына көп еңбек сіңірді. 1948-1950 жылдары «Терминология сөздігінің» екі кітабы жарық көрді. Тіліміздегі терминдерді дамытудың, тұрақтандырудың негізгі жолы терминология сөздігі. Мемлекеттік терминологияның басқаруымен және Қазақ ССР Ғылым академиясы Тіл білімі институтының шұғылдануымен 1959-1963 жылдар арасында 15 орысша-қазақша терминология сөздігі жарық көрді. Мұнда 20-ға тарта ғылым саласы-металлургия, тау-кен ісі, физикалық, географиялық, математика, физика, астрономия, геология, юриспруденция, психология, медицина, іс жүргізу, экономика, философия, құрылыс және құрылыс материалы, темір жол транспорты, топырақтану, ботаника пәндері қамтылды. Бұл сөздіктердің жалпы көлемі 160 баспа табақтан астам. 1963 жылдары мұндай сөздіктер шығару саябырлап қалды. 1962-1973 жылдары терминология саласына байланысты 6 сөздік шықты. 1972-1978 жылдары Мемтерминкомның және секретариятының 45 мәжілісі өткізілді. 1978 жылы 1892 термин, терминдік тіркестер бекітілді. Жинақты құрастырушы А. Әбдірахманов болды [1, 3-6].

Қазақстан Республикасының егемендік алуымен терминология ісі жандана түсті. Жаңа аталымдар пайда болды. Термин жасау қолға

алынды. «Бүгінде қазақ тіліндегі терминологиялық лексиканың құрамында жалпы саны 100 мыңнан аса терминдік сөз бар. Демек, қазақ тілінде терминологиялық лексика және терминдік сала, жүйе - қалыптасты» - дейді академик Ә. Қайдаров [2, 2]. Термин жайлы сөз қозғау үшін «термин» дегеннің анықтамасын білген жөн. «Термин-кез келген нәрсенің, құбылыстың т.т. дәл ұғымын білдіреді. Латын тіліндегі қазақша мағынасы - «шекара». Оны «атау» деп алуға да болады. Дегенмен термин түсінігіндегі атаудың орысша баламасы «наименование» - дейді Б. Байжігітов [3, 6]. С.И. Ожегов. Н.Ю. Шведова терминнің анықтамасын «Слова или словосочетание — название определённого понятия какой-н. Специальной области науки, техники, искусства» - деп береді [4, 795]. Терминология саласында тұңғыш пікір білдірген А. Байтұрсынов: «Общепотребительные мировые термины могут приниматься, но с соответствующими природе изменениями казахского языка. При наличии казахских слов, могущих заменить их, должны помещаться оба, чтобы право выбора предоставить обществу» деген сөзі күні-бүгінге дейін өз құндылығын жойған жоқ [5,423]. Ы. Алтынсарин сөз табын «Сан есім» қолданып, «Есеп аттары» деген тақырыпта, қазақ тілінде бұрыннан бар математикалық сандық мәндерді: екі есе, төрт есе, он есе термин атауларын ұсынады [6, 109]. Математикалық жүйеде алғашқы төл оқулықтар да жарық көрді. Онда, Отандық аталымдар көрініс тапты. Сол уақыттарда шығып тұрған газет-журналдарда бұл кітаптарға сын айтылып, жетістігі де жазылып талқыланды. Мысалы, «Жаңа мектеп» журналында №1, 1925 жылғы санында: «Сондықтан мектеп жайында жазылған есептерді де қазақ мектебіне келетін қылып түзетіп жазу керек еді...» - деп жазылыпты [7, 123-124].

Термин мәселесіне байланысты тынбай зерттеу еңбегін жазған Қ. Жұбанов. Оның қаламынан шыққан: «Термин сөздердің спецификасы жөнінде» (1935), «Физика терминдері жайында» (1935), «Математика терминдері жөнінде» (1935), «О специфике слов - терминов», «Принципы терминологии казахского литературного языка, применяемые (рекомендуемые) Государственной терминологической комиссией» т.б. Терминология саласындағы қазақ ғылымындағы алғашқы зерттелім болып есептеледі. Математика терминологиясын ғылыми айналымға түсірген, зерттеуге із салған да Қ. Жұбанов.

Түрік тілінде сандық аталым ежелден бар. Мысалы: «Орхон-Енисей» ескерткішінің тілінде: бір, ікі, үч, төрт, бш, йеті, секіз, тоқуз, он, йегірмі, отуз, кырк, еліг, йүз, бын т.б. Реттік сан есім: -нті, -нч, -ынч, -інч жұрнақтары арқылы жасалады. Кейде -қы, -кі жұрнақтары арқылы жасалады: ілкі, отузқы. Жинақты сан есім: -ағу, -егу қосымшасы арқылы жасалады: үчегу. Бөлшектік сан есім сыңар сөзі арқылы жасалады. Аралас сан есімдерді түркі тілдеріндегідей ондық үстіне келесі санды қосып айтпаған. Ескерткіште оннан бастап санағанда, санақ

басталған санның өзі айтылмай, оның бірлігімен келесі ондық қосылып айтылып отырған: йеті йегірмі-17, сегіз йегірмі-18, алты отуз-26, йеті отуз-27, үч отуз-23, біс йегірмі-15 т.б. Аралас сан есімнің санау тәртібі туралы В.В. Бартольд, С.Е. Малов сынды түркітанушылар екі ұдай пікірде бірі жоқ десе, екіншісі сары ұйғырларда кездеседі дегенді айтады [8, 82-86].

М-Ж. Көпеев шығармаларында да сан есімді қолдану тәсілдері кездеседі. Мысалы: **Мың сегіз кеше алпыс тоғыздан соң (30) жүз** сан есімінің орнына **кеше** сөзі қолданылып, **1008** -ден, соң **69** - деп түсінбес үшін **кеше** сөзі мен **тоғыз** сан есімі **-дан** шығыс септігін қабылдап тұр. Шығыс септігі **-дан 1869** жылғы патшалық реформадан соң казак не көрмеді дегенді меңзейді. Сондықтан, М-Ж. Көпеевте морфологиялық тұлғалар белгілі бір рөл атқарған. «Күлтегін» ескерткішінде **артұқы** сөзі қосылу тәсілі қоланылса, М-Ж. Көпеев өлеңдерінде **асты** сөзі қолданыс тапқан. **Бір мың тоғыз жүз жылдан бес жыл асты, Бес түгіл алтыға жұрт араласты (32)** дегенде $1900+5=1905$ -те , барыс септігі арқылы жасалған алты+ға сан есімі дара 6-ның өзін ғана көрсетіп тұрған жоқ, 1906 жылды да жұрттың көргендігі жырланады. Бес жерде оннан бірі **кем** тұрған жас (52) кем сөзі қолданылып, $(5 \times 5=25)$ (**кем**) $-10=15$) **жерде** деген сөзі арқылы көбейтіп барып 15 жаста екендігін айтып отыр. Бөлшектік сан есімдер таза математикалық ұғымға байланысты туған сөздер. М-Ж. Көпеевтің тілінде ұшырасады: **Ширекке төрттің бірі болдың деңіз, Айрылып бұрынғы аршын кезімізден (33)** Ширек зат. **Бүтіннің төрттен бір бөлегі** [9, 488]. М-Ж. Көпеев **ширек** сөзін бүтін сөзінің орнына пайдаланған. Әйтпесе, **ширек** сөзінің өзі бөлшектік ұғымындағы **төрттен бір** екендігін білдіреді. **Қазақ тілінде: бөлшектің сан есімдерге тән ұғымдар: жарым, жарты, ширек сияқты сандық ұғымдар арқылы беріледі** [10, 104]; [11, 206]. М-Ж. Көпеев соны біліп **ширек+ке** барыс септігі жалғанып заттық мағынада жұмсалған. **Ширек (жұрт)** мағынасында алынған метонимия. **Төрттің бірі (жұртқа төрт кісінің бірі)** сияқты тіркестегі заттық мағынадағы **кісі** сөзі түсіріліп, **төрт** сан есімі (төрт+тің) субстантивтену арқылы ілік септігін қабылдап **кісі** сөзінің функциясын атқарған да заттық мәнге ие болған **бір** сан есімі (бір+і) тәуелдік жалғауын қабылдауға мәжбүр болған. Бұл ұғымдар таза арифметикалық амалдар арқылы (жарты) $1/2$; (ширек) $1/4$ сияқты таңбалар арқылы беріледі. Жарым сөзі есептік сандармен тіркесте қолданылып бөлшектік сан есімдер мағынасын беретін орындарда да қолданылады. **Жарты, ширек** сөздерін олай қолдануға болмайды. Бір жарты, екі жарты (заттық мағынадағы: бір шөлмек, бір шиша, бір жүнжүн, бір жарты «арақ») деген сөздерде жұмсалады. Бөлшектің сан есімдер көптелмейді, таза сандық мағынада тәуелдік жалғауда қабылдамайды, себебі (бір жарым, ширек уақыт) өз құрылысы жетекші сөздерге тәуелді болады. Тек қана таза сандық мағынадан субстантивтік ұғымға ие болу жолымен пайда болған сөздер септік, тәуелдік жалғауын қабылдайды. Жіктік жалғауын

кабылдаса, ондай тіркес сыртқы формасы жағынан ұқсас болғанымен өзгеше табиғатты сөздерге ауысып кетеді. Мысалы: **төрттің бірісің** десек, бөлшектік сан есімнің қасиетінен ауытқып, жеке субстантивтенген сандардың өзара қатынасына (**төрт кісінің біреуі сенсің**) деген ұғымға ие болып кетеді. **Айрылып бұрынғы аршын кезімізден** деген өлеңнің тармағындағы аршын адективтену процесімен (сын есімге айналған). Аршын. Ұзындық өлшемі. Түсіндірме сөзінде: Аршын - метрге тең өлшемі (Ә.Н.). Шынын айтсақ, түркі тілдеріндегі барлық деректерде, ол (аршын) метрге тең емес, не бары 0,711 метр немесе 71 см. Аршын сөзі орыс тілінде кездеседі. Алайда, бұл сөздің негізгі төркіні иран тілі: әрш-шынтак (Н. Дмитриев. Стрий тюркских языков. 1962, 522-523). Ал В. Радловтың көрсетуінше: арш - шынтак пен саусақ ұшына дейінгі аралық (В. Рад., I, 1331). «Арш» сөзі түркі тілдеріне ауысқаннан кейін - ын қосымшасын жалғап алған да, одан әрі орыс тіліне өткен [12,26].

Орыс тілінің «Толковый словарь русского языка» аршын сөзіне өзгешелеу түсінік беріліп, өлшем бірлігінде де айырмашылық бар. *Аршии' н. —а, род. Мн. -ин и —ов, м. I. (род. Мн. -ин). Стараярусская мера длины, равная 0,71 м. Пять аршин ситца. 2. (род. Мн. —ов). Линеика, планка такой длины для измерения. Пять деревянных аршинов. Мерить на свой а. (перен.: судить о чём-н. Односторонне, со своей точки зрения). Словно (или как, будто) а. проглотил (о человеке, к-рый стоит или сидит. неестественно прямо; разг.). П1 прил. Аршинный, -ая, -ое [13,30].* **Аршын зат. 1. Метрге тең өлшем, кез [14, 355].** Демек, М-Ж. Көпеев **аршын** ұзындық өлшемін адамның тұрпатына байланысты сындық мағынаға жуықтата қолданған. **Цифырын бес тиынның бес теңге деп** (38) арифметикалық термин **цифра** қазіргі қолданыстағы **тиын**, **теңге** неологизмдік үрдіс алған терминдер кездеседі. **Біреу-ақ кем он «беске» жетті жасым** (52) дегенде бір қарағанда М-Ж. Көпеев әлі он беске толмаған деп ойлап қаласың бірақ, өлеңнің төртінші тармағы: **Алып айна қарасам, сақал-шашым** (52) деп аяқталады. Логика он бестегі балада сақал болама дегенге саяды. Оның үстіне 5 тырнақшаға алынған. Олай болса, он бес , елу болады да, біреуі кем болса, қырық тоғыз деп есептеледі. Цифрмен белгілесек былай болады: $10 \times 5 = 50 - 1 = 49$. —**Ау//-еу** жинақтық сан есімнің жұрнақтары екендігі белгілі. Бұл арада (**бір+еу**) **-еу** жинақтық сан есімнің қосымшасы қолдануға тиісті жыл сөзін алмастырып тұрғаны байқалады. —**Еу** жинақтық сан есімнің жұрнағы болғанымен қолданыстағы мәтінге байланысты даралық мағыналық сипаты айқындала оның әуелгі жинақтық мағынасы солғындап —**ақ** демеулігінің **шек қою** аясында жұтылып кеткендігі көрінеді. Жинақтық сан есімнің мағынасынан алшақтай барып, белгісіз бір субъектіні білдіру дәрежесіне яғни прономиналдану процесіне ауысуға жуық тұратын қасиеті де бар екендігін ескерген жөн. М-Ж. Көпеев өзінің інісі, аталас туысы Ж. Аймауытовқа жазған хатында: **Төрт он бес, бір-ақ онда жасымыз бар** [15,3-4] дейді. Бұл өлең жолын: **төрт он бес, бір он жасымыз бар // төрт**

он бес , тағы онда жасымыз бар - деп, өзгертуге болады. Математикалық құрылысы былай болады: $15+15+15+15+10 = 70$. М-Ж. Көпеев жасым 70-те деп, хат жазып отыр. Біріншіден, М-Ж. Көпеев бір қарағанда қарсылық мән беретін сияқты болып көрінетін (бірақ) жалғаулығы емес, қолдануға тиісті **-еу** жинақтық сан есім қосымшасын түсіріп барып, **-ақ** демеулік шылауын бір+ақ (бір+еу) қолданып барып жас мөлшерін анықтаудың ешкімде жоқ тәсілін жасайды. Екіншіден, басқа қырынан келсек, қолданылуға тиісті (тағы) тағын//тағы ықшамдалған шылау формасының орнына да М-Ж. Көпеев бір-ақ даралық сипаттағы сандық ұғымды қолданған. Жалғаулықты да, жалғауды да түсіріп қолдануға болады. М-Ж. Көпеев адамның жас мөлшерін дәл беруде метатілді (математикалық лингвистиканы) шебер қолданған. Бұндай қолданыс көне түркі ескерткіштерінде Х-ХІ ғасырларда қолданғанымен кейіннен тоқырап сандық қолданыс пайда болып, бұндай метатілдік тәсіл шығып қалған. «Метатіл (грек. teia- соны) -«екінші қатардағы тіл», бұл тілде адамның табиғи тілі «тіл объекті» ретінде қабылданады, яғни зерттеу объектісі болады. «М» термині алғашында математика мен логикада пайда болған. М.-ді металингвистика зерттейді. Лингвистиканың М. Күрделі құбылыс. Оның негізінде, бір жағынан термин аралық катынастар жатса, екінші жағынан - жалпы ғылыми лексика жатады» [16, 142]. М-Ж. Көпеев шығармасында да математикалық терминдер мен лингвистикалық қолданыстағы сандық ұғымдардың лексикалық мағынасын ашуға болатындай тілдік жадығат бар. М-Ж. Көпеев шығармалары метатілдік нысан болып табылады. Бұл құбылыс көнеден жеткен. Математикалық логикалық жүйесі күшті дамыған қазақ халқы ертеден-ақ күн мен жер, ай мен жер, жұлдыз бен жер, планета ара қашықтықтарын, шексіз де , шетсіз алыс бірліктерді көзбен көріп, түйсікпен сахарада жүріп-ақ өлшеген, Ой-қиялы алыс сағымдарға, биік аспан әлеміне, терең мұхиттар мен жер қабатына бойлаған, түйсік адам қабілетінің бар мүмкіншілігін өлшем бірлігіне әкеп түсірген. Сол қиялының жемісі ретінде аспанмен таласқан мавзолейлер мен пирамидалар салған. Сөйтіп, абстрак ұғымдар заттық ұғымға ұласқан. Дүниенің көріністері, түрлі құбылыстар адам санасында сәулеленіп реальді шындыққа алмасқан. Сана дүниені көрген, кейін қағазға түскен. М-Ж. Көпеев сандық мөндерді тілдік тұрғыда шешу жолдарын қарастырған. Ол сондықтан да шығармаларында нақты санның шешу жолдарын көрсетпей, түрлі математикалық тәсілді пайдаланған.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Бекітілген терминдер мен атаулар. Алматы «Қазақстан» баспасы, 1979 жыл, 3-6-бб.
2. Қайдаров Ә. «Егеменді Қазақстан» газеті «Жаңалыққа жатсынбай, жасампаздыққа жармаспай», №52 (20127), 1992 жыл, 2-б.
3. Байжігітов Б. «Қазақ әдебиеті» газеті «Сұңғат» деген сұду сөз. Қазан, 1992 жыл, 6-б.

4. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - Москва, 1999 - С. 795.
5. Байтұрсынов А. Тіл тағылымы. - Алматы: «Ана тілі», 1992. - 423-б.
6. Алтынсарин Ы. Таза бұлақ. - Алматы: «Жазушы», 1988. - 109-б.
7. Жұбанов Қ. Қазақ тілі жөніндегі зерттеулер. - Алматы: «Ғылым», 1999. - 359-363-б.
8. Айдаров Ғ. Көне түркі жазба ескерткіштерінің тілі. - Алматы: «Мектеп», 1986. - 82-86-б.
9. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. II том. Қазақ ССР Ғылым академиясының баспасы, - Алматы,-1961. - 488-б.
10. Қазақ тілінің грамматикасы. Қазақ ССР - ның «Ғылым» баспасы, Алматы, 1967. - 104 - б.
11. А. Ысқақов. Қазіргі қазақ тілі. - Алматы :«Ана тілі», 1991. - 206-б.
12. Ә. Нұрмағамбетов. Бес жүз бес сөз. - Алматы «Рауан» 1994. - 26 - б.
13. С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова Толковый словарь русского языка. Москва, 1999. - С. 30. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Қазақ ССР-нің «Ғылым» баспасы, 1974 жыл, 355-б.
14. С. Дәуітов «Социалистік Қазақстан» газеті. «Ризамын өзіңе де, сөзіңе де» Мәшһүр-Жүсіп Көпеев пен Жүсіпбек Аймауытовтың жазысқан хаттары. №102 (19577), 1990 жыл, 3-4-б.
15. Салқынбай А., Абақан Е.. Лингвистикалық түсіндірме сөздік. «Сөздік-Словарь». - 1998 жыл, 142-б.
16. Мәшһүр - Жүсіп Көпеев. Таңдамалы. - Алматы: Қазақ ССР-інің «Ғылым» баспасы, 1990. Ескерту: алынған мысалдардың жақша ішінде беттері көрсетілген.

Резюме

В этой статье говорится об использовании математических терминов в произведениях М. Ж. Копеева.

Resume

The article mentions some mathematics termini met in Koryev's works.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ЗАГОЛОВКАХ ГАЗЕТ

Д.С. Ташимханова

Павлодарский государственный университет им.С.Торайгырова

Одной из характерных особенностей современной публицистики является введение журналистами в собственные произведения «вкраплений» из чужих текстов. Такое явление именуется введенным Ю. Кристевой термином интертекстуальность, что в свою очередь означает „межтекстовое взаимодействие”. Наряду с ним в лингвистике имеется ряд соотносительных терминов: «текст в тексте» (Ю.М. Лотман), «цитация» (Е.А. Земская), «межтекстовые связи» (А.И. Горшков).

В научной литературе термин интертекстуальность трактуется неоднозначно, учеными разрабатываются разные подходы к его изучению. Интертекстуальность понимается и как взаимодействие всех вербальных текстов, и как отношение вербальных текстов и текстов других семиотических систем, и как соотношение текста и жанра, и как видимое присутствие одного текста в другом. В качестве причин неоднозначной трактовки термина «интертекстуальность» называют неоднозначный подход к определению текста [1, с. 7].

По мнению Михайловой Е.В., интертекстуальность, являясь важнейшим текстобразующим средством, представляет собой «многомерную связь текста с другими текстами» [2, с. 5]. Степанов Ю. С., рассматривая интертекстуальность в семантическом плане, определяет его как способность текста формировать свой собственный смысл посредством ссылки на другие тексты [3, с. 6]. Лотман Ю. М., рассматривая интертекстуальность с точки зрения культурологии, соотносит с понятием культурной традиции – семиотической памяти культуры [4, с. 4]. Н.А. Фатеева проблему межтекстового взаимодействия рассматривает с двух сторон – читательской и авторской. При таком подходе возможность установления интертекстуальных отношений находится в зависимости от объема общей культурной памяти писателя и читателя [5, с. 62]. А. Кремнева, рассматривая интертекстуальность как феномен, без учета которого понимание смысла текста (в частности, художественного) зачастую оказывается невозможным, выделяет два вида интертекстуальности:

1. Интертекстуальность автора. Она находит свое выражение в порождении интертекстов.

2. Интертекстуальность читателя. Она проявляется в способности узнавать, понимать и адекватно интерпретировать смысл художественных текстов с интертекстуальными включениями. [6, 6]. А. Кремнева говорит

только о художественных текстах, но то же самое можно сказать и о текстах в печатных СМИ.

Несмотря на различные подходы к определению понятия «интертекстуальность», на различные подходы к его изучению, исследователи сходятся во мнении, что интертекстуальность, являясь одной из важнейших категорий текста, обладает специфическими характеристиками в различных типах текста, имеет системные средства выражения, выступает ярким способом выражения экспрессии, служит важнейшим текстобразующим средством. При этом интертекстуальность может проявляться на различных уровнях текста: композиционно-сюжетном, смысловом, словесном и ритмико-синтаксическом.

Материальными знаками интертекстуальности можно считать прецедентные тексты. Понятие “прецедентный текст” введено Ю.Н.Карауловым, под ним он понимает тексты: 1) “значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, 2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, 3) такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности” [7, с. 216].

В качестве основных признаков прецедентных элементов исследователь О. Бадьева выявляет следующие:

1. Они хорошо известны всем представителям национально-лингво-культурного сообщества;

2. Они актуальны в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане (за прецедентным феноменом всегда стоит некое представление о нем, общее и обязательное для всех носителей того или иного национально-культурного менталитета);

3. Обращение (апелляция) к ним возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества [8, с. 113].

Исследователи выделяют следующие функции прецедентных текстов:

- воздействия; расширения рамок текста; «повторения»; выражения имплицитного содержания текста; экспрессивную; диалогизации текста; связи текстов

Основной функцией прецедентных текстов является «эффект узнавания» читателями той или иной реплики. Именно благодаря прецедентным текстам, интертекстуальности читателю удобнее воспринимать информацию.

Источником прецедентных текстов, прежде всего, являются фразеологические единицы (последние при широком подходе могут включать в себя и афоризмы, и названия фильмов, книг, песен, и фрагменты рекламных роликов, и ставшие известными высказывания общественных деятелей, политиков и так далее).

Прецедентный текст, подвергаясь обыгрыванию, различным трансформациям, вносит стихию экспрессивности в материал или заголовок.

Для современных газет более характерно использование прецедентных текстов в заголовках, что представляется вполне оправданным: заголовок является наиболее сильной позицией газетного текста. Именно с заголовков читатель просматривает печатное издание с тем, чтобы выбрать интересующий его материал. Подобные заголовки являются активным публицистическим средством, которое позволяет с помощью определенных приемов трансформирования или переосмысления прецедентных текстов добиваться большой выразительности и экспрессивности.

Введение прецедентного текста в заголовок служит и целям языковой игры разного рода: порождает загадку, создает поэтический намек, подтекст, способствует поэтизации текста, придает ироническое, саркастическое, трагическое или иное звучание. По ее мнению Е.А. Земской, такой прием способствует особой выделенности заголовка, обостряет внимание читателя, активизирует его коммуникативные отношения с автором [9, с. 52].

Экспрессия, ради которой используют подобные заголовки, базируется на их общеизвестности. Этот прием успешен при наличии у читателя достаточного объема фоновых знаний, фоновые знания адресата должны пересекаться с фоновыми знаниями адресанта, тогда и возникает эффект «узнавания» закодированного смысла.

Существуют разные способы введения прецедентных текстов - интертекстуальных элементов - в газетные заголовки: прямое цитирование претекста или присутствие его в трансформированном (преобразованном) виде.

Трансформации, преобразованию чаще всего подвергаются тексты (например, фразеологизмы), имеющие высокую степень устойчивости лексического состава, и даже в трансформированном виде они не теряют изначально присущей им образности, афористичности. Преобразованиям могут быть подвергнуты как семантика, так и структура прецедентного текста.

Использование прецедентных текстов в журналистских текстах и адекватное их понимание читателями, как отмечает В.Г. Костомаров, является неотъемлемой частью общего понимания современной языковой личности [10, 63].

ЛИТЕРАТУРА

1. Пигина Н.В. Интертекстуальность как фактор текстообразования в лирических циклах Р.М. Рильке: автореф. дисс... канд. филол. наук: Санкт-Петербург, 2005.
2. Михайлова Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе// автореф. дисс... канд. филол. наук. - Волгоград, 1999
3. Степанов Ю. С. «Интертекст», «Интернет», «Интерсубъект» (к обоснованиям сравнительной концептологии)/Ю. С. Степанов// Известия АН. Серия литературы и языка. – Т. 60. – 001. - № 1. – С. 3-11.

4. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек–текст–семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М., 1996.
5. Качаев Д.А. Интертекстуальный компонент в современных газетных заголовках//Язык как система и деятельность. Материалы всероссийской научной конференции. – Ростов-на-Дону, 2005.
6. Кремнева А. В. Функционирование библейского мифа как прецедентного текста: автореф дисс... канд.филол.наук: Барнаул, 1999.
7. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н.Караулов.- М.: Наука, 1987.
8. Бадьева О. Цитатное письмо в современной журналистике//День научного творчества студентов. Материалы конференции факультета журналистики. - Москва, МГУ 2004.
9. Земская Е.А. Цитация и способы ее трансформации в заголовках современных газет/ Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г.Винокур. – М., 1996.
10. Костомаров В.Г. Культура русской речи и эффективность общения. – М., 1996.

Түйіндеме

Мақалада газет мәтініне интермәтіндік кірістірулердің түрлері мен қызметтері және газет сатыларындағы интермәтіндік көрсеткіштердің ерекшеліктері қарастырылады.

Resume

The types, functions of intertextual elements in newspaper text and specialities of inretext in headlines are considered in this article

НАШИ АВТОРЫ

Ахметжанова Зауреш Канашевна - д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник, Институт языкознания им. А.Байтурсынова, г. Алматы.

Ашимбетова Роза Дуйсеновна - к.ф.н., доцент, кафедра журналистики, Павлодарский государственный университет имени С.Торайгырова, г.Павлодар.

Бекбосынова А.Х. - ст. преподаватель, Костанайский университет им. ак. З. Алдамжара, г. Костанай.

Жусупова Гульмира Серикбаевна - к.ф.н., преподаватель, Казахский Агротехнический университет им. С.Сейфуллина, г.Астана.

Исмаилова Дина Толеубаевна - к.ф.н., доцент, проректор по науке международным связям, Кокшетауский университет, г. Кокшетау.

Каримова Камар Кабиденовна - к.ф.н., доцент, кафедра теории и практики перевода, Павлодарский государственный университет им. С.Торайгырова.

Курманова Бактыгул Жакенкызы - к.ф.н., доцент, Актюбинский государственный университет, г. Актюбе

Латыпова Закия Халыфетдиновна - к.ф.н., доцент, Инновационный Евразийский университет, г. Павлодар.

Макибаева Алия Машадиевна - ст. преподаватель, Казахский агротехнический университет им. С.Сейфуллина, г. Астана.

Мезенцева Елена Сергеевна – ст. преподаватель, кафедра русского языка и мировой литературы, Академический инновационный университет.

Молдагали Бактыгуль - преподаватель, колледж Инновационного Евразийского университета, г. Павлодар.

Молотова Гульбахрем Максимовна - к.ф.н., доцент, заведующая отделом литературоведения и языкознания, Центр уйгуроведения Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова Комитета науки МОН РК

Мухамбетова Г.С. - к.ф.н., доцент, Павлодарский государственный университет им. С.Торайгырова, г. Павлодар.

Мырзашова Алтын Куанышбековна - к.ф.н., профессор КРМУ, проректор по НМР и МС, зав. каф. филологии и перевода, Казахско-Русский Международный университет (КРМУ)

Сарыбаева Баян Жумашевна - преподаватель, колледж Инновационного Евразийского университета, г. Павлодар.

Сидорова Елена Юрьевна - преподаватель, кафедра «Лингводидактика и межкультурная коммуникация», Инновационный Евразийский университет, г. Павлодар.

Сиямбекова Карлыгаш Сайлаубеккызы - №3 гимназия для одаренных детей, соискатель, Павлодарский государственный университет им. С.Торайгырова, г. Павлодар.

ВВЕДЕНИЕ

Ташиханова Дыбыс Сартаевна - к.ф.н., доцент, кафедра журналистики, Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова, г. Павлодар.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(“Вестник ПГУ”, “Наука и техника Казахстана”,
“Өлкетану-Краеведение”)

1. В журналы принимаются рукописи статей по всем научным направлениям в 1 экземпляре, набранных на компьютере, напечатанных на одной стороне листа с полуторным межстрочным интервалом, с полями 3 см со всех сторон листа и дискета со всеми материалами в текстовом редакторе “Word 7,0 (’97, 2000) для Windows”.

2. Общий объем рукописи, включая аннотацию, литературу, таблицы и рисунки, не должен превышать **8-10 страниц**.

3. Статья должна сопровождаться рецензией доктора или кандидата наук для авторов, не имеющих ученой степени.

4. Статьи должны быть оформлены в строгом соответствии со следующими правилами: - УДК по таблицам универсальной десятичной классификации;

- название статьи: кегль -14 пунктов, гарнитура - **Times New Roman Cyr** (для русского, английского и немецкого языков), **KZ Times New Roman** (для казахского языка), заглавные, жирные, абзац центrovанный;

- инициалы и фамилия(-и) автора(-ов), полное название учреждения: кегль - 12 пунктов, гарнитура - Arial (для русского, английского и немецкого языков), **KZ Arial** (для казахского языка), абзац центrovанный;

- аннотация на казахском, русском и английском языках: кегль - 10 пунктов, гарнитура - Times New Roman (для русского, английского и немецкого языков), **KZ Times New Roman** (для казахского языка), курсив, отступ слева-справа - 1 см, одинарный межстрочный интервал;

- текст статьи: кегль - 12 пунктов, гарнитура - Times New Roman (для русского, английского и немецкого языков), **KZ Times New Roman** (для казахского языка), полуторный межстрочный интервал;

- список использованной литературы (ссылки и примечания в рукописи обозначаются сквозной нумерацией и заключаются в квадратные скобки). Список литературы должен быть оформлен в соответствии с ГОСТ 7.1-84.-
например:

ЛИТЕРАТУРА

1. Автор. Название статьи // Название журнала. Год издания. Том (например, Т.26.) номер (например, № 3.) страница (например С. 34. или С. 15-24.)

2. Андреева С.А. Название книги. Место издания (например, М.:) Издательство (например, Наука,) год издания. Общее число страниц в книге (например, 239 с.) или конкретная страница (например, С. 67.)

На отдельной странице (в бумажном и электронном варианте) приводятся сведения об авторе: - Ф.И.О. полностью, ученая степень и ученое звание, место работы (для публикации в разделе “Наши авторы”);

- полные почтовые адреса, номера служебного и домашнего телефонов, E-mail (для связи редакции с авторами, не публикуются);

- название статьи и фамилия (-и) автора(-ов) на казахском, русском и английском языках (для “Содержания”).

4. Иллюстрации. Перечень рисунков и подрисуночные надписи к ним представляют по тексту статьи. В электронной версии рисунки и иллюстрации представляются в формате TIF или JPG с разрешением не менее 300 dpi.

5. Математические формулы должны быть набраны как Microsoft Equation (каждая формула - один объект).

6. Автор просматривает и визирует гранки статьи и несет ответственность за содержание статьи.

7. Редакция не занимается литературной и стилистической обработкой статьи. Рукописи и дискеты не возвращаются. Статьи, оформленные с нарушением требований, к публикации не принимаются и возвращаются авторам.

8. Рукопись и дискету с материалами следует направлять по адресу:

140008, Республика Казахстан, г. Павлодар, ул. Ломова, 64,

Павлодарский государственный университет
им. С.Торайгырова,

Издательство «КЕРЕКУ»

Тел (8 7182) 67-36-69

E-mail: publish@psu.kz

Теруге 11.03.2010ж. жіберілді. Басуға 15.03.2010 ж. қол қойылды.
Форматы 70x100 1/16. Кітап-журнал қағазы.
Көлемі шартты 6,97 б.т. Таралымы 300 дана. Бағасы келісім бойынша.

Компьютерде беттеген М.Б. Рахимова
Корректорлар: Г.Т. Ежиханова, Б.В. Нұрғожина
Тапсырыс №1171

Сдано в набор 11.03.2010 г. Подписано в печать 15.03.2010 г.
Формат 70x100 1/16. Бумага книжно-журнальная.
Объем 6,97 ч.-изд. л. Тираж 300 экз. Цена договорная.

Компьютерная верстка М.Б. Рахимова
Корректоры: Г.Т. Ежиханова, Б.В. Нургожина
Заказ №1171

«КЕРЕКУ» баспасы
С. Торайғыров атындағы
Павлодар мемлекеттік университеті
140008, Павлодар қ., Ломов к., 64, 137 каб.
67-36-69
E-mail: publish@psu.kz